

А. А. Хисамутдинов

Русские мысли на китайский лад

俄罗斯人对中国的看法

А. А Хисамутдинов

Русские мысли на китайский лад

Владивосток
Издательство Дальневосточного университета
2019

УДК 929
ББК 63.3
X 51

- X 51 Хисамутдинов А. А.,
Русские мысли на китайский лад = Russian thoughts on the Chinese way: Изд-во Дальневост. ун-та, 2019. 273 с.: ил. Режим доступа : <https://evols.library.manoa.hawaii.edu/>

Настоящее издание посвящено русским эмигрантам, которые написали свои воспоминания о Китае в начале 20-ого века. Представлены биографии авторов и предисловия из их сочинений. Публикация проиллюстрирована портретами, историческими фотографиями и обложками изданий. Источниками послужили коллекции библиотеки им. Гамильтона Гавайского университета (Гонолулу, США), а также собрания, каталоги и материалы из других архивов и библиотек.

Ключевые слова: Русские в Китае, российская эмиграция, мемуары, книги о Китае.

Автор проекта Дарья Юрьева

УДК 929
ББК 63.3

© Хисамутдинов А. А., текст, 2019
© Юрьева Д. К., редактирование,
обложка и
художественное оформление, 2019
© Издательство
Дальневосточного университета, 2019

Amir Khisamutdinov

Russian thought
on the
Chinese way

俄羅斯人對中國的看法

Vladivostok
Far Eastern University Publishing House
2019

Amir Khisamutdinov

Russian thoughts on the Chinese way. Vladivostok: Far Eastern Federal University Publishing House, 2019. 273 p.

URL: <https://evols.library.manoa.hawaii.edu/>

This publication is dedicated to Russian emigrants, who wrote their memoirs about China at the beginning of the 20th century. Short biographies of the authors and prefaces from their writings are presented. The publication is illustrated with portraits, historical photographs and covers of publications. The sources for this work are the collections of Hamilton library, University of Hawaii (Honolulu, USA), and collections, catalogs, and materials from other archives and libraries.

俄罗斯人对中国的看法：远东大学出版社，2019.访问方式：
： <https://evols.library.manoa.hawaii.edu/>

此版本致力于那些在20世纪初写下中国记忆的俄国侨民。介绍作者们的传记和他们的著作的前言。该出版物以肖像，历史照片和出版物封面为例进行说明。资料来源于夏威夷大学汉密尔顿分校（美国檀香山）图书馆，以及其他档案馆和图书馆的馆藏，目录和材料。

关键词：俄罗斯人在中国，俄国侨民

© Khisamutdinov Amir, text, 2019

© Yureva Daria., editing,
cover and design, 2019

© Far Eastern University
Publishing House, 2019

Содержание

Предисловие:

Почему это важно сохранить в памяти.....7

Дипломат Иван Коростовец:

Россия на Дальнем Востоке и Страница из истории

Русской дипломатии.....10

Востоковед Павел Шкуркин:

Военная карьера... ..27

Литератор Николай Байков:

Воспоминания в литературных произведениях.....50

Востоковед Иван Серебренников:

Мои воспоминания.....65

Журналист Лев Арнольдов:

Из России до Китая.....93

Журналист Ананий Горбунов:

«От брокера до... репортера».....116

Журналист Всеволод Иванов:

Русская молодежь в Шанхае.....122

Путешественник Борис Морозов:

Монголия.....136

Предприниматель Юрий Янковский:

Полвека охоты на тигров.....149

Служащий Петр Лапикен:

Четыре города.....161

Игуменья Ариадна (Ariadna):

Отрада и утешение.....190

Владимир Жиганов:

Исповедь белого эмигранта.....216

Список источников и литература.....266

Предисловие: Почему это важно сохранить в памяти

關於中國的移民的印象

Сегодня миграционные и адаптационные проблемы весьма важны в мире. Некоторые из исследователей отмечают в этом и большую роль воспоминаний. Что мы помним и как представляем опыт миграции? Кто участвовал и участвует в этом процессе? Как история помнит эти события? Что помогает мигрантам адаптироваться в незнакомой стране? Значение этих и связанных с ними вопросов проникает в нашу повседневную реальность. Кризис беженцев в Европе и политические решения в условиях глобализации ставят вопросы по идентичности новых жителей разных стран. Конечно, это междисциплинарные вопросы, с которыми сегодня сталкивается современность.

Многие исследователи обращают внимание на процессы, которые являются неотъемлемой частью человеческого опыта: миграция, адаптация и память. Их интересуют все аспекты миграционного и адаптационного опыта в их индивидуальных и коллективных измерениях, в прошлом и в современном мире. Их интересуют все аспекты миграционного и адаптационного опыта в их индивидуальных и коллективных измерениях, в прошлом и в современном мире. Ученые обращают большое внимание на роль памяти в процессах миграции и адаптации к различным жизненным обстоятельствам во времени, пространстве, культуре, религии и языке.

Поэтому сегодня важны публикации о прошлых перекрестках миграции в их многочисленных представлениях: психологическом, социальном, историческом, культурном, философском, религиозном, организационном, экономическом, политическом и других представлениях. Особенно уделяется большое внимание тому, как эти явления появляются и трансформируются в художественных проявлениях, таких как литература, кино, театр и изобразительное искусство. В этом заинтересованы научные

дисциплины: антропология, история, психиатрия, психология, психоанализ, социология, политика, философия, экономика, право, история литературы, театральные исследования, киноискусства, дизайн, управление проектами, исследования памяти, миграционные исследования, исследования сознания, гендерные исследования, постколониальные исследования, медицинские науки, когнитивные науки, городские исследования и прочее, и прочее.

Китай — один из ближайших соседей России. На эту тему напечатано немало исследований и воспоминаний. Особняком стоят воспоминания русских эмигрантов, которые оказались в этой стране после окончания Гражданской войны в 1922 г. Если раньше автор сочинений о Китае возвращался в свою страну, то в этом случае он был вынужден не только постоянно жить там, но и здесь публиковать свои сочинения.

В этом издании хотелось бы отметить людей, которые внесли свой вклад в изучение Китая. Несмотря на все тяготы пребывания в незнакомой стране, — многие эмигранты не знали китайского языка, — они опубликовали на эту тему немало работ.

Настоящую работу открывают книги дипломата И. Я. Коростовца, который навсегда остался в эмиграции. Свои первые сочинения он опубликовал еще до революции, в 1896 году. Будучи беженцем, он издал еще две работы. Задолго до эмиграции в Китае оказались еще два автора: П. В. Шкуркин и Н. А. Байков, которые также являются авторами множества работ о Китае. Одним из самых крупных мемуаристов был И. И. Серебrenников, живший в Тяньцзине. Бойкое перо имел шанхайский журналист Лев Арнольдов, оставивший ценные заметки о Китае. Его коллега А.А. Горбунов также поделился с читателями воспоминаниями о нелегком занятии журналистикой. Еще один журналист В. Н. Иванов напечатал интересный очерк о русской молодежи в Шанхае. Б. И. Морозов совершил путешествие по Монголии и напечатал об этом небольшую книжку. Легендарной личностью являлся охотник Ю. М. Янковский, который

в своей работе раскрыл многие секреты охоты на севере Китая и Кореи. Посетив несколько городов Китая, где жили русские эмигранты, П. П. Лапикен опубликовал свои путевые впечатления. Не чужды литературному труду были и правовые деятели. Хорошим слогом обладала игуменья Ариадна. Эту книгу завершает обзор сочинения В. Д. Жиганова, который известен своим монументальным энциклопедическим трудом «Русские в Шанхае».

Автор и издатель долго думали о структурном оформлении настоящей работы. В результате было решено дать биографии авторов с портретами и обложками их трудов, показать мысли и воспоминания, а также напечатать предисловия и отрывки из их сочинений.

Автор благодарит русского библиографа Гавайского университета (Гонолулу, США) Патрицию Полански за возможность использовать в настоящей книге материалы из русской коллекции Гавайского университета, а также за предоставление библиографических справок.

Автор–составитель признателен Дарье Юрьевой за подготовку к изданию этой книги.

Хисамутдинов Амир Александрович — доктор исторических наук, профессор Дальневосточного федерального университета. Владивосток.

Email: khisamut@yahoo.com

Дипломат Иван Коростовец:
Россия на Дальнем Востоке и Страница из истории
Русской дипломатии

俄羅斯在遠東和俄羅斯外交史上的篇章

(25 августа 1862 года — 1 января 1933 года , Париж)

Коростовец Иван Яковлевич Окончил Царскосельский лицей в 1884 году. Чиновник Азиатского отдела с 13 июня 1884-ого. 2-й секретарь миссии в Пекине с 1 мая 1890 года по 1894 год. Чиновник по дипломатической части при Главном начальнике Квантунской области с 29 августа 1899 года.

Участники Манчжурского соглашения: И. Л. Коростовец; П. Г. Тигеман; Поручик Вавилов; Даотай Чжоу-мянь; Окружной начальник Жуй-ань; Уездный начальник Цзян-вэнь-си.

Исполнял обязанности консула в Тяньцзине с 5 августа по 7 сентября 1900 года. Российский генеральный консул в Бушире с 24 апреля 1902 года. Делопроизводитель 5-го класса в 1-м департаменте МИД с 8 июня 1902 года. Секретарь С. Ю. Витте при заключении Русско-японского договора в Портсмуте в 1905 году. Вице-директор 1-го департамента МИД с 10 марта

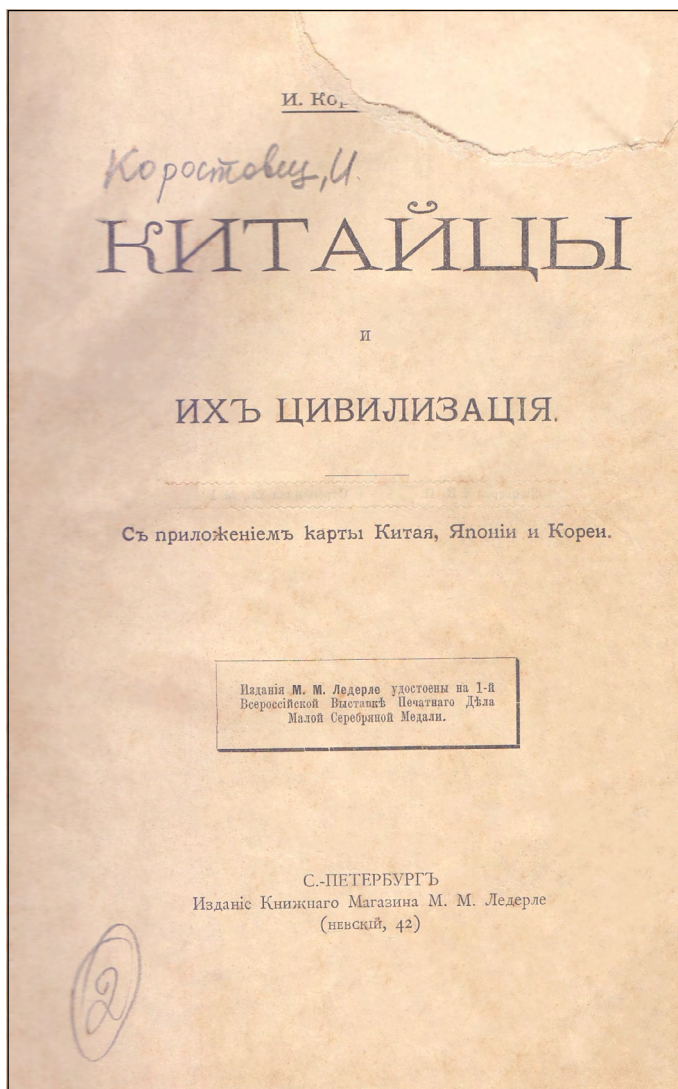
1906 года. Чрезвычайный и полномочный посланник в Пекине 9 мая 1908 года. Из письма К.: «[...] испытываю тяжелое состояние, которое наводит на мысль, что я не пользуюсь доверием и может быть являюсь неподходящим для столь важного дела». Чрезвычайный посланник и полномочный министр в Марокко с 28 мая 1912 года. Командирован в Ургу 15 августа 1912 года, заключил соглашение с Монголией в 1912 году. Чрезвычайный посланник и полномочный министр при Персидском дворе с 30 октября 1912 года. Тайный советник с 22 марта 1915 года. Председатель правления Учетно-ссудного банка Персии. Член совета МИД с 24 июля 1915 по 19 июля 1917 года. Приезжал в Пекин после 1921 года. В Китае жила его семья.

«Китайцы и их цивилизация»

Предисловие:

«Писатели и публицисты Запада давно пришли давно к сознанию того, что Китай представляет интерес не для одних только синологов и специалистов, но вообще для всех образованных и интеллигентных людей. Плодом этого сознания явилась разнообразная и интересная литература о Китае и о китайцах, литература, ежедневно обогащаемая новыми вкладами. Нас, русских, соединяют с китайцами исторические и этнографические узы, русская государственная граница соприкасается с границей Срединной империи на протяжении восьми слишком тысяч вёрст, наконец, наши политические и торговые интересы тесно связаны с интересами китайскими, между тем мы, я разумею русских образованных людей, конечно, меньше знаем нашего великого соседа, чем некоторые совсем чуждые ему народы Западной Европы. Замечательные труды и исследования русских синологов и китаеведов до сих пор остаются достоянием немногих избранных, главным образом вследствие своего специального характера; таким образом, русскому человеку, интересующемуся

Китаем, приходится пользоваться иностранными авторами или же отыскивать русские сочинения, утратившие характер современности и даже ставшие библиографическою редкостью.

Титульный лист книги «Китайцы и их цивилизация»
И. Коростовец, 1896

Приступая к составлению настоящей книги, я надеялся пополнить этот именно пробел в нашей литературе о Китае, и, вместе с тем, исправить несколько смутные представления моих соотечественников о названной стране, — посему на первом месте мною поставлены популярность и общедоступность изложению специалисты и синологи несомненно найдут в моем труде не мало недосмотров, неточностей и, может быть, пристрастных суждений. В данном случае оправданием моим пусть послужит трудность и обширность затронутого предмета. «Китайцы и их цивилизация», конечно, не претендуют ни на непогрешимость, ни на чрезмерную объективность, составляющую, как известно, весьма редкое явление.

Впрочем, должен заметить, что я не слишком заботился о том, что выйдет из моих писаний и не думал, что они станут когда-нибудь предметом разбора критики. Статьи и очерки, из которых составилаь эта книга, писались понемногу, без определенной программы, по мере накопления впечатлений и знакомства со страной.

Надеюсь, что теперь, когда эти очерки являются в цельном и связном виде, они удостоены будут внимания русских читателей и оправдают главную цель своего появления — просветить профанов, интересующихся Китаем и его судьбами».

И. Коростовец. С. – Петербург, март 1896 г.¹

1 *Коростовец И. Я.* Китайцы и их цивилизация. С приложением карты Китая, Японии и Кореи. СПб.: Изд. кн. магазина Ледерле, 1896. С. 3–4

Дмитрий Леонидович Хорват

(25 июля 1858, Кременчуг Полтавской губернии, Российская империя — 16 мая 1937, Пекин)

«Страница из истории Русской дипломатии»

Предисловие:

Дмитрий Леонидович Хорват.

«При чтении Дневника г. Коростовца видно, что писался он непосредственно под влиянием пережитых впечатлений и в самый момент происходивших событий. Хотя события эти происходили почти 20 лет тому назад, но все же, несмотря на то, сохранили интерес современности. Остров Сахалин и Китайская Восточная железная дорога, о которых так упорно спорили наши и японские уполномоченные в Портсмуте, продолжают и теперь служить предметом нескончаемых пререканий между теми же сторонами, хотя в несколько иной обстановке и плоскостях.

Автор постарался дать точную и правдивую картину событий и действующих лиц, и сохранить объективность, и в значительной степени в этом успел. Фигуры главных деятелей конференций — Витте, тогда еще не графа, и барона Розена, а также барона Комура и Такаира, выступают весьма ярко. Очень живо обрисованы также второстепенные участники, как, например, И. И. Шипов, профессор Маренс, посланник в Китае Покотиллов, генерал Ермолов, полковник Самойлов и журналисты Маккэнзи Уоллас, Мак-Келлох, Кортеси, Диллон и Брянцианов.

Диллон, заслуживший в русской печати кличку глашатая Витте, пользовался, по-видимому, большим доверием последнего не только во время конференции, но и впоследствии когда Витте призван был осуществить реформы, возвещенные Октябрьским манифестом.

С графом Витте я встретился впервые, когда он приезжал с министром финансов Вышнеградским в Закаспийскую область и Туркестан в 1892 году. Я в то время служил на Закаспийской военной дороге и жил в Чарджуе. Меня с первого взгляда заинтересовала громадная фигура человека в чёрном плаще, которая держалась высокомерно и не удостоила за все время проезда по линии ни единого слова сопровождавших министра местных

деятелей. Фигура эта оказалась директором департамента железных дорог министерства финансов Сергеем Юлиевичем Витте.

Страница
изъ исторіи Русской
дипломатіи.

Русско-японскіе переговоры въ Портсмутѣ въ 1905 г.

Дневникъ И. Я. Коростовецъ,
секретаря Графа Витте.

Изданіе 2-е.

ПЕКИНЪ
1923.

Титульный лист книги «Страница из истории
Русской дипломатии»

Впоследствии мне пришлось ближе познакомиться с С. Ю. Витте, когда я был назначен Управляющим Китайской Восточной железной дороги. Мое первое, скажу прямо, малоприятное впечатление о нем ближайшем знакомстве и дальнейших деловых отношениях, подтвердилось. Витте относился к людям с презрением, был резок и не сдержан в сношениях, почему и имел много врагов. Более, чем резкость его в обращении, от него отталкивало его пренебрежительное отношение к людям.

В 1902 году, когда я был в Петербурге, Витте произвёл на меня впечатление человека затравленного, который ведет оборонительную войну против враждебных ему лиц и влияний. Желая знать достоверно о том, что делается в Маньчжурии, Витте попросил меня, в один из приездов моих в Петербург, съездить туда и сообщить ему мои впечатления. После моего возвращения он не стал требовать от меня письменного доклада, как вероятно сделал бы всякий министр, а переговорил со мной лично и решил сам съездить в Маньчжурию. Вернувшись оттуда, он представил блестящий, всеобъемлющий доклад по Дальнему Востоку и Сибири.

Витте был человек, быстро схватывающий суть дела, решительный и настойчивый. Начиная со своего громадного роста, он во всем олицетворял мощь и был одинаково велик как в своих достоинствах, так и в своих недостатках. Только благодаря его большому уму и сильному характеру, ему удалось не только создать колоссального значения для нашей родины проекты, но и осуществить их на деле. Его самомнение и самонадеянность, делавшие его неприятным в служебных и частных сношениях, несомненно, помогали ему проводить задуманные им дела. Считая, что он все делает лучше других, он никогда не считал нужным затягивать деларади собирания различных мнений по какомулибо вопросу, а всегда настойчиво действовал по собственному усмотрению. За какое бы дело он ни брался в любой отрасли государственного хозяйства или строя, он, благодаря этому, всегда достигал быстро намеченных результатов. При Витте был

проведен в жизнь принцип государственного строительства железных дорог и казенной эксплуатации их. Он установил тарифную систему на железных дорогах, организовал и ввёл в жизнь винную монополию, создал золотое обращение. В бытность его министром финансов вышел из области фантазии и предположений вопрос о постройке Великого Сибирского пути и проложении одного звена его по территории Китая. Масса крупных экономических вопросов получила осуществление при Витте. Это был поистине великий делец.

Предисловіе.

При чтеніи Дневника г. Коростовна видно, что писался онъ непосредственно подъ вліяніемъ пережитыхъ впечатлѣній и въ самый моментъ происходившихъ событій. Хотя событія эти происходили почти 10 лѣтъ тому назадъ, но все же, несмотря на то, сохранили интересъ современности. Островъ Сахалинъ и Китайская Восточная желѣзная дорога, о которыхъ такъ упорно спорили наши и японскіе уполномоченные въ Портсмутѣ, продолжаютъ и теперь служить предметомъ нескончаемыхъ пререканій между тѣми же сторонами, хотя въ нѣсколько иной обстановкѣ и плоскостяхъ.

Авторъ постарался дать точную и правдивую картину событій и вѣствующихъ лицъ и сохранить объективность, и въ значительной степени въ этомъ успѣлъ. Фигуры главныхъ дѣятелей конференціи—Витте, тогда еще не графа, и барона Розена, а также барона Комура и Такакура, выступаютъ весьма ярко. Очень живо обрисованы также второстепенные участники, какъ напримѣръ Н. П. Шиповъ, профессоръ Маринскъ, посланникъ въ Китай Никитинъ, генералъ Ермоловъ, подковникъ Амоиловъ и журналисты Маккензи Уолласъ, Макъ-Келлохъ, Кортенъ, Саллонъ и Брианчаниновъ.

Дипломатъ, заслужившій въ русской печати клячку «глазатая Витте», пользовался неподкупному большому доврѣію послѣдствію не только по время конференціи, но и впоследствии, когда Витте призванъ былъ осуществить реформы, возвыщенныя Октябрьскимъ манифестомъ.

Съ графомъ Витте я встрѣтился впервые, когда онъ призванъ съ министромъ финансовъ Вышнеградскимъ въ Закаспійскую Область и Туркестанъ въ 1892 году. Я въ то время служилъ на Закаспійской военной дорогѣ и жилъ въ Чарджуй. Меня съ перваго взгляда заинтересовала громадная фигура человека въ черномъ плащѣ, которая держалась высокомерно и не удостоила за все время прохода по линіи ни одного слова саркастическихъ или министра мѣстныхъ дѣятелей. Фигура эта оказалась вторымъ департаментомъ желѣзныхъ дорогъ министерства финансовъ Сергѣемъ Юліевичемъ Витте.

Первая страница предисловия из книги
«Страница из истории Русской Дипломатии».
Пекин, 1923

И не только в вопросах экономического характера оставил он яркий след своей деятельности. В области дипломатии и внутреннего устройства страны Витте также приложил свой ум и опыт. Благодаря ему был заключен Портсмутский договор в том виде, как он описан автором этой книги, и благополучно ликвидирована революционная вспышка 1905 года.

Есть еще одно дело государственной важности, к которому Витте приложил свою мощную руку, — это создание крупной обрабатывающей промышленности. Надо сказать, что Витте совсем не знал деревни и уклада жизни русского крестьянина. Он был типичным горожанином. Ему показалось, что новые страны, выступавшие конкурентами земледельческой России на европейских рынках, как напр., Аргентина и Канада, убьют ее экспорт зерна и потому, в предупреждение этого удара, он начал искусственно насаждать и развивать промышленность, чтобы создать внутреннего потребителя хлеба, не сделав ничего для улучшения нашего основного источника народного богатства — земледелия. Им ничего не было сделано для того, чтобы дать возможность России, как стране земледельческой, одержать победу над начинающими свою деятельность соперниками.

Ошибки и упущения правительства в вопросе о крестьянском землевладении и в деле улучшения земледелия были, несомненно, одной из основных причин, приведших к гибели нашей родины. Витте следует поставить в упрек, что, будучи в силах, при его громадных способностях, предотвратить грозившей России удар, он ничего не сделал в этом направлении. Он отступил перед нашими земледельческими конкурентами, не дав сражения, и стал строить крепости в виде фабрик и заводов, которые оказались ловушками, погубившими благополучие русского народа.

Этот промах в нашей государственной деятельности понял другой крупный русский государственный муж, Петр Аркадьевич Столыпин, который проявил большую инициативу и энергию в деле упорядочивания крестьянского землевладения и оказания помощи аграриям путем устранения губительного общинного землевладения, тормозившего хозяйственный рост России и проведения государственных мероприятий, способствовавших поднятию культуры сельскохозяйственных продуктов.

Впоследствии мне пришлось ближе познакомиться с С. Ю. Витте, и я был изумлен Управлением Китайской Восточной железной дороги. Мне первое, сразу пришло-казалось впечатление о нем при этом ближайшем знакомстве и дружеских отношениях, это: подчеркнутая Витте острота взгляда с презрением, была ясна и несомненна в отношении, почему и имела много врагов. Кроме, чем являлось его обращение, от него отталкивало его пренебрежительное отношение к людям.

В 1902 году, когда я был в Петербурге, Витте произвел на меня впечатление человека затравленного, который несет оборонительную войну против враждебных ему лиц и кайзиня. Желая знать достоверно о том, что делается в Маньчжурии, Витте попросил меня, на один из привозов моих в Петербург, съездить туда и сообщить ему мои впечатления. После моего возвращения он не стал требовать от меня письменного доклада, как впрочем сдался бы всякий министр, а перевернул со мной лично и ритмично съездить в Маньчжурию. Вернувшись оттуда, он представил блестящий, всеобъемлющий доклад по Дальнему Востоку и Сибирю.

Витте был человеком, больше схематичный, чем живой, расчетливый и настойчивый. Начиная с своего громадного роста, он во всем одиозно превосходил меня и был одинаково велик как в своих достоинствах, так и в своих недостатках. Только благодаря его большому уму и сильному характеру ему удалось не только создать колоссального значения для нашей родины проекты, но и осуществить их на деле. Его самолюбие и самонадеянность, давшая ему непримиримые в служебных и частных сношениях, несомненно помогала ему проводить заученный им план. Считаю, что он все делает лучше других, он никогда не считал нужным заглаживать хвост ради обзаведения различных людей по какому либо вопросу, а всегда настойчиво добивался по собственному усмотрению. За какое бы дело он ни брался из любой отрасли государственного хозяйства или страны, благодаря этому, всегда достигал быстрой и блестящей результативности. При Витте было произведено из жизни принцип государственного строительства, создавались дорожные и железные дороги, он установил тарифную систему на железных дорогах, организовал и ввел в жизнь новую монополию, создав золотое обращение. В бытность его министром финансов вышел из области фантазий и предположений вопрос о постройке Великого Сибирского пути и принадлежал лично ему одно из территорий Китая. Масса крупных экономических вопросов получила

И не только по вопросам экономического характера оставил он свой след в нашей деятельности. По области дипломатии и внутреннего устройства страны Витте также приложил свой ум и опыт. Благодаря ему были заключены Портсмутский договор и темп шёл, как он писал, который этой книги, и благодаря ликвидирована революционная деятельность 1905 года.

Есть еще одно дело государственной важности, в котором Витте приложил свою умственную руку, это создание крупной обрабатывающей промышленности. Надо сказать, что Витте совсем не знал деревни и уклада жизни русского крестьянина. Он был типичный горожанин. Ему казалось, что новая страна, поступившая коварными земледельческой России на европейские рынки, как напр. Аргентина и Канада, убьет ее экспортом зерна и потому, в предвидение этого удара, он начал искусственно насаждать и развивать промышленность, чтобы создать внутреннего потребителя хлеба, не сдаться ничего для улучшения нашего основного источника народного богатства — земледелия. Ничего не было сказано для того, чтобы дать возможность России, как стран земледельческой, одержать победу над начинающим свою деятельность соперником.

Ошибки и упущения правительства во вопросах о крестьянском земледелии и в деле улучшения земледелия были несомненно огромны из основных причин, приведших к гибели нашей родины. Витте сумел поставить их упрям, что, будучи из сил, при его громадных способностях, приспособившись громадной России удар, он начал не сдаться на этот нападатель. Он отступил перед нашими земледельческими конкурентами, не дав сражения, и стал строить яростно из себя фабрику и заводов, которые оказались ложными, погубившими большинство русского народа.

Есть, впрочем, в личной государственной деятельности немало другой крупной русской государственной мужи, Петр Арсеньевич Столыпин, который произвел большую попытку и энергию в деле упорядочения крестьянского земледелия, и оказав помощи аграриям путем устранения губительного общинного земледелия, горючего хозяйственного роста России и проведения государственных реформаций, сибиреобластных и поднимать культуру сельско-хозяйственных продуктов. К сожалению предпринятая смерть пресекла из самых начал насущную деятельность Столыпина, а его преемники эти гигантские задачи оказались не по плечу и ошибка наступила.

Развороты книги «Страница из истории Русской Дипломатии». Пекин, 1923

Из других книг, бывших в Портсмуте, мне пришлось ближе познакомиться с Д. Д. Поволоцким и Н. Я. Коростовым, которые были посланниками в Китае в трудный период нашего поражения на Дальнем Востоке и которые, благодаря своим природным дарованиям и малой известности условий, успели отстоять русские интересы, несмотря на победоносный престиж России. При Поволоцком и Коростовым удалось сохранить нейтралитет, который мы занимали во время нашего могущества и коммунистического кайзиня на Востоке, а также поддержать все ранее заключенные соглашения и заключить новые договоры на земли, и угольные месторождения в северной Маньчжурии.

Принадлежательной особенностью Дневника является незатянутое описание серьезного и важного с точки зрения и интереса, что внести в искусство повествование о переговорах и договорах разнообразие и ясности.

При всем своем уважении к главным действующим лицам и их порученному им великому делу, автор с большой наблюдательностью отмечает их слабости и недостатки, и не без юмора описывает некоторые стороны личности. Приравнивая сновидения к прозе, Дневник не мало и он интересно дополняет характеристику описанных лиц и событий.

Я не беру судить о современности и небытности Портсмутского мира, история еще не выяснила этого вопроса, но должна отдать должное уважения его творца-графу Витте и барону Розену, которые и в столь тяжкую для России минуту сумели остаться не только честными и достойными, но и государственными интересами нашей родины.

Пекин,
Август 1923 г.

Дмитрий Хорват

Отъ Автора.

Несколько мыслей по поводу второго издания.

Magis amicus Plato,
Sed magis amica veritas.

Настоящий Дневник первоначально появился в Петербургском журнале „Бюлетень“ в 1918 году, но, увы, из-за того времени, едва ли попал за политический контроль Советской России и вероятно не нашел много читателей и в самой России. Зато Дневник был выдан наградой по ангажиру, но посещен в дачной дивизион и мемуарно, выходящих книжный рынок в последние годы.

Между тем, несмотря на минувшие уже времена описанных событий 20 лет, Дневник этот не утратил интереса современности, ибо трактуется о вопросах, остающихся и теперь, а потому для издателя Востока — остров Сахалина и Китайской Вост. железной дороги, Петербург Дневник усугубляется тем, что хотя главным фигурами повествования граф Витте и барон Розен были, но не оставили свои мемуары.

„Воспоминания Витте“ написаны задолго до русской революции и заканчиваются манифестом 1905 года о создании Государственной Думы. Книга барона Розена „Сорок лет дипломатии“ опубликована уже после революции и охватывается на моменте вдоволь при России Советской власти. Общая оценка мемуаров не входит в нашу задачу, но они интересны потому, что оба автора говорят о Портсмутском мире, давая различное освещение этого исторического события. Барон Розен довольно объективен в своем суждении, он излагается четко и сдержанно, избегая рьяных оценок о своих противниках и вообще в целом ему неприятно. Барон Розен большой поклонник Социнистическим. Штатом, где провел большую часть службы и где окончил свою жизнь. Это уважение отразилось и на его Мемуарах, где он превозносит, иногда без большого основания, тех таинственных деятелей.

В суждениях Графа Витте гораздо больше откровенной страстности и истеричности, переходящей подчас в грубость. Он не щадит своих современников, подвергая осуждению, особенно осуждению, даю часто несправедливой критикой. Вот напр. как он характеризует своего подопытного на Портсмутской конференции барона Розена: „Это человек хороший, благородный, с непосредственным умом, логическим багряно-красным, очень отсталый от познаний дела в России“.

К несчастью, преждевременная смерть пресекла в самом начале высокополезную деятельность Столыпина, а его преемникам эта гигантская задача, оказалась не по плечу и ошибка минувших лет осталась не устраненной.

Из других лиц, бывших в Портсмуте, мне пришлось близко соприкасаться с Д.Д. Покотиловым и И.Я. Коростовцом, которые были посланниками в Китай в трудный период после нашего поражения на Дальнем Востоке и которые, благодаря своим природным дарованиям и знаниям местных условий, успешно отстаивали русские интересы, несмотря на поколебленный престиж России. При Покотилове и Коростовце удалось сохранить все позиции, которые мы занимали во время нашего могущества и доминирующего влияния на Востоке, а так же подтвердить все ранее заключенные соглашения и заключить новые договоры на земли, и угольные месторождения в северной Маньчжурии.

Привлекательной особенностью Дневника является незаметное сплетение серьёзного и важного с лёгким и житейским, что вносит в сухое повествование о переговорах и договорах разнообразие и живость.

При всем своем уважении к главным действующим лицам и к порученному им великому делу, автор с большой наблюдательностью отмечает их слабости и недостатки, и, не без юмора, описывает некоторые происшествия, приравнивающие сановников к простым смертным. Таких метких наблюдений и забавных сценок в Дневнике немало и они интересно дополняют характеристику описываемых лиц и событий.

Я не берусь судить о своевременности и неизбежности Портсмутского мира, история еще не выяснила этого вопроса, но должен отдать дань уважения его творцам – графу Витте и барону Розену, которые в столь тяжкую для России минуту сумели отстоять не только честь и достоинство, но и государственные интересы нашей родины».

Пекин, Август 1923 г. Дмитрий Хорват.

Хорват, Дмитрий Леонидович (25 июля 1859, Кременчуги Полтавской губернии — 16 мая 1937, Пекин). Родился в семье херсонского помещика. Окончил военно-инженерное училище в 1878 году. В звании подпоручика направлен в Лейб-гвардии саперный полк. Участник войны с Турцией с 1877 по 1878 год. Окончил Николаевскую военно-инженерную академию в 1885 году. Служил на Закаспийской железной дороге. Начальник восточного участка Уссурийской железной дороги с 1895 по 1899 год. Управляющий Среднеазиатской (бывшей Закаспийской военной) ж/д. Управляющий КВЖД с 1902 по 1921, генерал-лейтенант. Комиссар Временного правительства на КВЖД в 1917 г. Временный правитель КВЖД в 1918. Верховный уполномоченный правительства П.В. Вологодского на Дальнем Востоке в 1919 г. Советник общества КВЖД в Пекине с 1921 по 1924. Глава эмигрантских организаций на Дальнем Востоке с 1930 г. При помощи секретаря М.В. Колобова написал свои воспоминания (Hoover Inst.). Хорват — единственный из лиц, не имеющих духовного звания, кто похоронен у одной из стен Храма Мучеников Пекинской духовной миссии. Перед его гробом несли 42 награды, за ним шли не только русские и иностранцы, но и десятки тысяч китайцев (*Прим. автора*).

От автора.

Несколько мыслей по поводу второго издания.

Magnus amicus Plato,
Sed magis amica veritas²

Настоящий дневник первоначально появился в Петроградском журнале «Былое» в 1918 году и, по условиям того времени, едва ли попал за политический кордон Советской России и, вероятно, не нашел много читателей и в самой России. Затем Дневник был издан за границей на английском, но поглощен в лавине дневников и мемуаров, наводнивших книжный рынок в последние годы.

Между тем, несмотря на минувшие со времени описываемых событий 20 лет, Дневник этот не утратил интереса современности, ибо трактует о вопросах, составляющих и теперь злобу дня на Дальнем Востоке — остров Сахалин и Китайская Восточная железная дорога. Интерес Дневника усугубляется тем, что хотя главные фигуры повествования граф Витте и барон Розен сошли со сцены, но оставили свои мемуары.

«Воспоминания Витте» написаны задолго до русской революции и заканчиваются манифестом 1905 года о созыве Государственной Думы. Книга барона Розена «Сорок лет дипломатии» опубликована уже после революции и останавливается на моменте водворения в России Советской власти. Общая оценка мемуаров не входит в нашу задачу, но они интересны потому, что оба автора говорят о Портсмутском мире, который давал некоторое освещение этого исторического события. Барон Розен довольно объективен в своих суждениях, он выражается мягко и сдержанно, избегая резких отзывов о своих противниках и вообще о людях ему неприятных. Барон Розен большой поклонник Соединенных Штатов, где провел большую часть службы и окончил свою жизнь. Это увлечение отразилось и на его Мемуарах, где он превозносит, иногда без большого основания, всех иностранных деятелей.

2 Платон мне друг, но истина еще больший друг (Лат.).

В суждениях Графа Витте гораздо более откровенной страстности и нетерпимости, переходящей подчас в грубость. Он не щадит своих современников, подвергая многих, особенно сослуживцев, злой, часто несправедливой, критике. Вот, напр., как он характеризует своего коллегу по Портсмутской конференции барона Розена: «Это человек хороший, благородный, с посредственным умом логического балтийского немца, очень отставший от положения дел в России».³

См. также:

- Девять месяцев в Монголии: Дневник рус. уполномоч. в Урге, авг. 1912 – май 1913 // Россияне в Азии. Торонто, 1994. № 1. С. 133 – 249; № 2. С. 85 – 214; № 3. С. 225–292;
- Россия на Дальнем Востоке. Пекин: Вост. просвещение, типолитогр. Рос. духов. миссии, 1922. 153, 4 с.: 2 карты.

3 *Коростовец И. Я.* Страница из истории Русской дипломатии: Рус.–яп. переговоры в Портсмуте в 1905 г. 2–е изд. Пекин: Типолитогр. Рос. духов. миссии, 1923. XXIII, С. 1–5. (Мемуары были опубл. на англ. в Лондоне; На яп.: Moko kinsei shi: Jingsisu Kan yori Sovieto Kyowakoku made / I. J. Korosutouettsu cho Takayama Hirokichi yaku. [1937]. 2, 2, 4, 486 p.: ill., map., (fold).)

Посольская улица.

Офицеры отряда и солдаты.

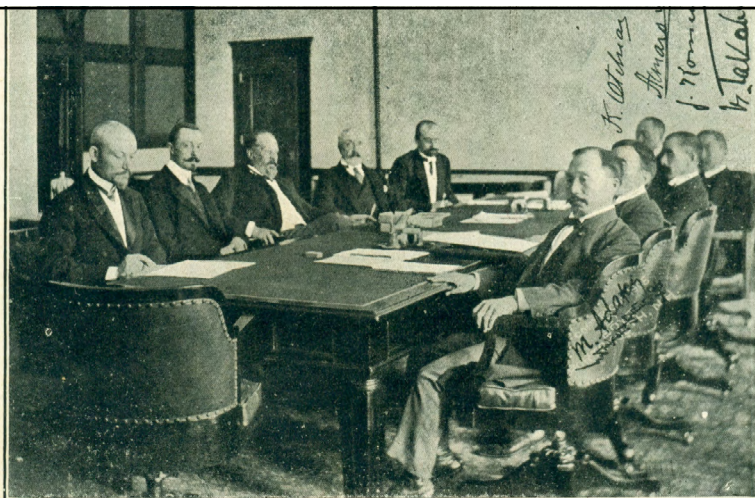

Южные ворота посольства.

На озерах.

Посольство Российской империи в Пекине. 1911 – 1914.
(Музей русской культуры в Сан-Франциско)

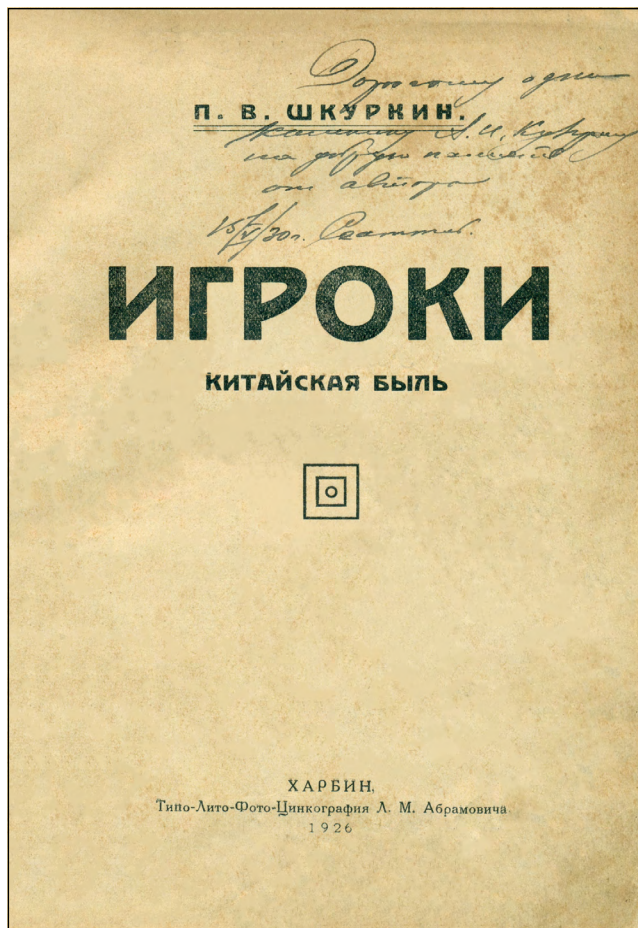
Востоковед Павел Шкуркин:
Военная карьера...

軍事生涯

Иллюстрация из семейного архива В. В. Шкуркина (США).
(3 ноября 1868, Лебедин, Харьковская губерния — 1 апреля
1943, Сиэтл)

Павел Васильевич Шкуркин родился 3 ноября 1868 года в семье офицера в городе Лебедине Харьковской губернии. В 1887 году он окончил 4-й Московский кадетский корпус. Продолжая карьеру своих предков, 20 августа 1887 года Павел Шкуркин поступил в 3-е Александровское военное училище, которое с блеском окончил в 20 лет (10 августа 1889 года). В нем, кстати, он учился на класс старше известного русского писателя А. И. Куприна.

Книга П. В. Шкуркина «Игроки: китайская быль». Харбин, 1926.
На обложке автограф автора.

На обложке автограф: «Дорогому однокласснику А.И. Куприну от автора. 15. 05. 30 г. Сеаттл».

Казалось, что после окончания училища путь был один — в лейб-гвардию, но подпоручик Шкуркин предпочел отправиться на Дальний Восток. По пути туда морем у молодого офицера появилась шальная мысль отстать в Индии от парохода-«добровольца» и пешком добраться до восточной окраины России. Но потом решение переменялось, и в разгар золотой осени 1889 года пароход «Петербург» привез Павла Шкуркина во Владивосток, где 8 октября он был зачислен в 5-й Восточно-Сибирский линейный батальон.

По просьбе П. В. Шкуркина 3 ноября 1899 года его перевели во Владивосток в штат Приморского областного управления. Шкуркин стал вольнослушателем китайско-маньчжурского отделения Восточного института, который он окончил с отличием.

20 мая 1903 года он стал помощником Владивостокского полицмейстера. Вскоре страж закона стал буквально костью поперек горла преступным структурам Владивостока. 25 июля после словесного распоряжения — для соблюдения секретности приказа, — команду отрядом из 32 солдат 2-го Владивостокского крепостного полка, Шкуркин отправился на остров Попов, в бухту Холувей, на очередную операцию по уничтожению банды

хунхузов. Там была перестрелка. В рукопашном бою его ударили прикладом и прострелили правое плечо.

О Г Л А В Л Е Н И Е:

I. Несколько слов	3
II. Точный расчет	7
III. Ставка Шейлока	12
IV. Не ожидал	25
V. Мечты	36
VI. Малыш	49
VII. Счастливый игрок	81

Оглавление книги П. В. Шкуркина «Игроки. Китайская быль»,
Харбин, 1926

Он был помещен в госпиталь, но вечером с разрешения врачей тайно покинул палату. С помощью околоточного Галина, П. В. Шкуркин накрыл игральный дом с опиекурильной. 11 августа он разгромил другую банковку во Владивостоке. В благодарность за это Шкуркина наградили золотыми часами. Военный губернатор Владивостока оценил работу Павла Васильевича и распорядился передать ему все дела по китайскому населению города. Но проработал Шкуркин в этой должности всего полгода и был вынужден ее покинуть отнюдь не по собственной воле. Один из его сотрудников писал ему: «Разобравшись во время Вашего отсутствия в Вашем деле, я с отчаянием опустил руки. С одной стороны, для меня не стало сомнения, что Владивосток сделался

центром не только хунхузской деятельности, с которой Вы боролись, но и гнездом алчности, лихоимства и всякой мерзости (во главе которой находится П.); а с другой, что кроме явного начальства нами руководят такие длинные нити, что до конца их мы дотянуться не можем: руки коротки. Уничтожив шайки хунхузов, пиратскую флотилию и прочие хунхузские предприятия, Вы ведь подорвали источник благосостояния многих лиц, о существовании которых Вы не подозреваете, но которые считают Вас теперь своим личным врагом. А некоторым Ваша деятельность грозила еще кое-чем похуже...».⁴

Во время работы помощником полицмейстера Павел Васильевич успел собрать бесценный материал по хунхузничеству и смог написать несколько этнографических книг, которые позднее увидели свет. «Хунхузы» были готовы уже в 1919 году В предисловии к этой книге Шкуркин писал: «Всякая характеристика этого любопытного социального явления в Китае будет не точна; поэтому пусть лучше сам читатель сделает свои собственные выводы из ряда предлагаемых рассказов, объединенных одним общим названием “Хунхузы”. Здесь он увидит жестокость, мстительность, человеконенавистничество, разбой с грабежом во всех видах, убийства и т.д., но увидит также верность своему слову, своеобразную честность, рыцарское отношение к женщине. Одного он только, вероятно, не увидит — подлости и предательства. Кроме того, “хунхузничество”, как бытовое явление, заслуживает самого глубокого внимания и должно сделаться предметом серьезного научного исследования».⁵

Книга П.В. Шкуркина «Хунхузы» стала популярной в среде русского населения в Маньчжурии. С одной стороны, был высок авторитет автора, с другой — привлекала злободневность темы. В рецензии на эту книгу отмечалось: «Русские в Маньчжурии постоянно соприкасаются с китайцами и в частности

4 Собр. В. В. Шкуркина. Письмо Ивановича от 30 дек. 1903.

5 Шкуркин П. В. Хунхузы: Рассказы из кит. быта. Харбин: Типо-литогр. тов. «ОЗО», 1924. С. 2.

с хунхузами, но почти никто их не знает, а между тем в хунхузничестве, как в капле воды, отражаются все национальные особенности Китая: это социальное явление имеет глубокие корни, гнездящиеся в особенностях характера сынов “черноволосого народа” и укладе их жизни, книга же Шкуркина ярко освещает этот кусочек китайского быта и знакомит нас вообще с Китаем и его обитателями».⁶

Русско-японскую войну Шкуркин встретил в действующей армии. 22 ноября 1904 года он в чине штабс-капитана был назначен командиром тайной разведки отряда генерал-лейтенанта Ранненкамппа.

Вернувшись из Маньчжурии, капитан Шкуркин служил в гарнизоне пос. Раздольное. К сожалению, не сохранилось сведений, за какие заслуги он получил следующие два ордена: Св. Станислава 2 ст. с мечами (4 ноября 1907) и Св. Владимира 4 ст. (22 сентября 1907). О последней награде лишь известно, что он был отмечен ею «за выполнение служебного поручения, сопряженного с явной опасностью для жизни».

В 1908 году П. В. Шкуркин путешествовал по центральному Китаю, а затем преподавал в Гирине в Филологическом училище, где читал лекции по истории России и русскому языку. По окончании службы он удостоился следующей характеристики: «Мы чистосердечно радуемся, что уже в течение целого года пользовались Вашей просвещенной помощью в училище, в котором Вы состоите преподавателем; мы рады и счастливы, и все Ваши ученики охвачены пылом соревнования и оказывали большие успехи. Вы не только постепенно внедряли в них познания, но и учили их также правилам приличия и вежливости; Вы положили прочное начало добрым навыкам, — и вполне в этом успели».⁷

Вероятно, в то время деятельность офицера Шкуркина не

6 Шкуркин П. В. Библиография // Слово. Харбин, 1924. 20 апр.

7 Собр. В. В. Шкуркина. Письмо директора училища от 4 апр. 1908 г.

ограничивалась преподаванием в училище. Некоторые материалы из семейного архива дают понять, что он собирал различную оперативную информацию о Китае, которая была необходима генеральному штабу Российской империи. В это время он заканчивает большую работу «По востоку». В предисловии к ней П.В. Шкуркин пишет: «События последнего времени в корне потрясли многие из древних устоев древнейшего в мире государства и невольно возбудили жгучий интерес в европейцах, так или иначе связанных с Востоком. Вот почему, не доверяя тенденциозным сообщениям дальневосточной прессы, я в 1906 году предпринял поездку по наиболее интересовавшему меня Восточному Китаю. Предлагаемые очерки — выдержки из путевого дневника, дополненные кое-где выдержками из малоизвестных или необнародованных китайских и английских источников. Заметки эти нарочно не систематизированы, а остались в форме дневника, чтобы читатель мог следить за путешественником и одновременно с автором получать впечатления от роскошной, вечно юной, цветущей природы Востока и от дряхлой, на наш взгляд, но такой же жизненной, как и природа, культуры Китая».⁸

В 1909 году П. В. Шкуркин приехал в Хабаровск, где служил в штабе Приамурского военного округа.

В 1913 году Павел Васильевич вышел в отставку, став переводчиком на КВЖД в Харбине. Именно на эти годы приходится расцвет его деятельности как ученого-синолога. Один за другим выходят его труды, совершаются экспедиции.

В Харбине Шкуркин был одним из основателей общества русских ориенталистов (ОРО).

В летние каникулы Павел Васильевич путешествовал по Маньчжурии, иногда приезжая в Приморье. Он старался дополнить имеющиеся у него материалы и подготовить свои книги к

8 Шкуркин П. В. По Востоку: Очерки истории, быта и торговли Карацу, Вэй-хай-вэй'я. Чжи-фу, Шанхая, Хан-чжоу, Су-чжоу, Ань-цин-фу. Реорганизация войск в Центральном Китае // Вестн. Азии. 1911. № 9. С. 140–141.

изданию. Так, однажды он побывал в Адими, недалеко от Славянки, где записал корейские сказки.⁹ В предисловии к этой книге Шкуркин писал: «В этом труде я постарался сохранить, иногда в ущерб художественности, манеру рассказчика, не смея нарушить цельности повествования выпуском хотя бы излишних деталей и длиннот, предназначая эти сказки главным образом не для широкой публики, а для востоковедов и ВОСТОКОЛЮБОВ (выд. П.Ш. прим.)».¹⁰

Обложка книги «Корейские сказки». Частная коллекция.

9 Шкуркин П. В. Корейские сказки / Рис. и обл. худ. И.Герасимова. Шанхай: Типогр. изд. «Слово», 1941.

10 Там же. С. IV.

МА-ГУ ХАНЬ-МИ

— СЧАСТЛИВАЯ
НЕСЧАСТЛИВИЦА

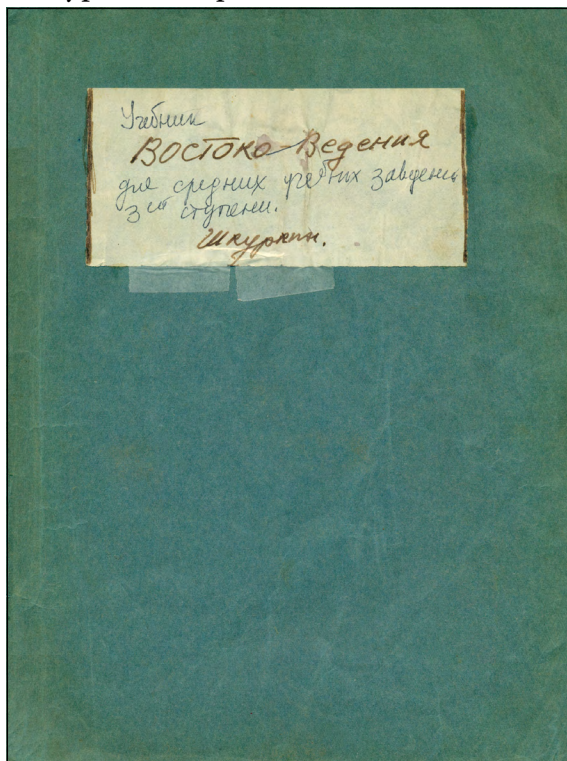

Давно это было. Случилась война. Редко Чо - сын ведет войны, но уж если случится такая напасть, то бедным шьогук-сарема (корейцам) всегда приходится много горя испытать, хотя - бы они были самыми мирными людьми.

«СКОРЕЙ, СКОРЕЙ, МИЛОСТИВЫЙ ГОСПОДИН!
ТАМ МОГИЛА, А НАД МОГИЛОЙ ДЕВУШКА ПОВЕСИЛАСЬ!»

С открытием в 1925 году в Харбине Института ориентальных и коммерческих наук он стал читать там лекции по географии и истории Востока, являясь одновременно исполняющим делами профессора по этим кафедрам. В это время Павел Васильевич проявил себя и как автор первых учебников по востоковедению.¹¹ Интересно, что после установления японского влияния в Маньчжурии учебник Шкуркина запретили в 1940-ом к использованию.¹²

Учебник востоковедения для средних учебных заведений 3-ей ступени.

11 Шкуркин П. В. Учебник востоковедения для средних учебных заведений (III-й ступени). Харбин: Изд. ОИМК, тип. «Заря», 1925. 170 с.: прил.

12 Hoover Institution Archives (США). Serebrennikov I. I. Reel 3 (Diary # 9).

П. В. ШКУРКИН.

Преподаватель Коммерческих училищ, Курсов Китайского языка
и Института Ориентальных и Коммерч. наук.

Восточная Азия.

СОКРАЩЕННЫЙ УЧЕБНИК

ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

для школ II и III ступени.

Часть I.

Издание Курсов Китайского языка К. В. ж. д.

ХАРБИН,
Художественная типография „ЗАРЯ“.
1926.

Рис. 6. Уличный цирюльник.

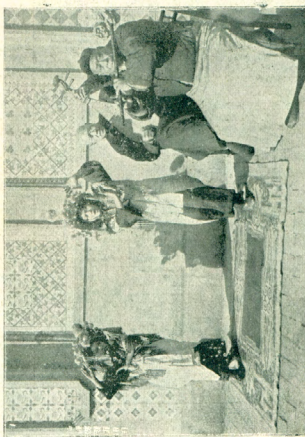

Рис. 7. Театральное представление.

Рис. 8. Уличный меняла.

Безусловно, Павел Васильевич Шкуркин внес большой вклад в исследование истории и культуры Китая. Его перу принадлежат несколько интересных работ по этим темам. «Отнюдь не задаваясь целью написать историю Китая, — писал он, — я желал, по мере сил и возможности, познакомить русских читателей, в общих чертах, с некоторыми периодами истории Китая и его народа не только в освещении официальной китайской истории, но и на основании «ди-кой» истории, а также исторических рассказов и записок. Кроме того, вряд ли история какого-либо другого народа породила так много легенд и преданий, как история китайская. Отделить историю от предания или легенды иногда не так легко, а для цели, поставленной мною, — этого и не нужно: наоборот, легенда часто служила для меня элементом, связующим несколько исторических эпох или моментов. Там, где исторические данные не сходились с легендой, я это разногласие не только не затушевывал, но, наоборот, подчеркивал».¹³

Основанные на редких источниках, работы Шкуркина часто содержали народные легенды и сказания, записанные им во время экспедиций. О своем оригинальном методе повествования синолог рассказывал в предисловии к одной из своих работ: «Но эта история вместе с тем своеобразна, на наш взгляд, странна и часто непонятна рядовому читателю. Поэтому, чтобы избежать пространных и скучных толкований, автор настоящих очерков избрал следующий метод: он берет какую-либо крупную историческую фигуру, вокруг которой, как около оси, вращаются события того времени».¹⁴

13 Шкуркин П. В. Легенды в Китайской истории. Предисловие. С. 5–6.

14 Шкуркин П. В. Предисловие // Шкуркин П. В. Картины из древней истории Китая. Харбин, 1927. С. 1.

Книга П. В. Шкуркина «Китайские легенды». Харбин, 1921

Хуа-то дѣлаетъ операцію Гуань-ди.

«Хуа-то делает операцию Гуань-ди»

...Орёл съ размаха убилъ черепаху ударомъ клюва по головѣ.

«Орёл с размаха убил черепаху ударом клюва по голове»

Интересными являются и работы Шкуркина по этнографии. К сожалению, они малоизвестны современным исследователям. Общепризнанной является деятельность П.В. Шкуркина и как популяризатора знаний о Китае, и как автора литературных произведений. С 1910 по 1926 гг. вышли в свет более десяти его книг, посвященных китайским сказкам и увидевших свет в основном в Харбине. В предисловии к «Китайским сказкам» востоковед пишет: «Нужно всегда иметь в виду еще то обстоятельство, что китайские сказки в огромном большинстве случаев вовсе не являются плодом личного вымысла их авторов. Китайская сказка почти всегда представляет только иную группировку, пересказ в другой форме тех понятий и представлений, которые издавна живут в народе. Поэтому и отношение к сказке в Китае совсем иное, чем у нас: китаец почти верит в сказку, и относится к ней всегда с известным почтением».¹⁵

Восхищение культурой Китая пронизывало почти все произведения П.В. Шкуркина, который писал: «Европейцы искренне верили и верят, что они несут цивилизацию на Восток, не подозревая, что их цивилизация является крохотным, слабым, грудным ребенком по сравнению с пожилым, многоопытным мужем — цивилизацией Востока. [...] никогда мы здесь не добьемся прочного успеха ни в каких делах, если самым серьезным образом не будем изучать жизни, верований, философии, души китайца, со всеми их странностями и уклонами, непонятными для нашего европейского примитивного взгляда на Китай и поверхностного мышления о Востоке».¹⁶ Именно поэтому Шкуркин начинает изучение даосизма.

Труды П.В. Шкуркина не получили большого признания у именитых советских ученых. Надо отметить, что в те годы

15 Шкуркин П. В. Предисловие // Шкуркин П. В. Китайские сказки / Пер. с кит., из собр. L.Wieger'a. Вып. 1. Харбин: Изд. ОРО, тип. Кит. Вост. жел. дор., 1915. С. 4.

16 Шкуркин П. В. Путешествие восьми бессмертных за море: Даосское сказание. Харбин: Тип. Кит. Вост. жел. дор., 1926. С. 3, 5.

научная школа Восточного института особо не отмечалась, о ней говорили только, как об имеющей практическое значение. Ученые Санкт-Петербурга/Ленинграда справедливо критиковали дальневосточных ученых за многие огрехи. В основном замечания касались теоретических разработок.¹⁷

Ученики Шкуркина отмечали, что его лекции всегда были яркими и интересными. При этом он оставался большим патриотом России, подчеркивая приоритет русских ученых и путешественников в области географических открытий. Шкуркин много работал над составлением археологических карт и в 1917 году опубликовал свою работу “Исторические таблицы Китая в красках”. Продолжив работу, на следующий год он издал “Справочник по истории Китая”. Вскоре все работы были обобщены в отдельном фундаментальном труде.

Вместе с известным востоковедом А.М. Барановым Павел Васильевич составил первую карту исторических периодов Маньчжурии. Ее достоинством являлось то, что она была основана на результатах последних археологических раскопок, которые вели члены Общества изучения Маньчжурского края. Этот труд так и не был опубликован и до недавнего времени хранился в музее Хэйлунцзянской провинции.¹⁸ Помимо этого, совместно с харбинским издателем М. Зайцевым Шкуркин издал карту Китая (1926–1927). Для читателей она была удобна в использовании в связи с большим индексом имен. (21 с.)

Во время Гражданской войны П. В. Шкуркин несколько раз приезжал в Приморье.

17 Алексеев В. М. Наука о Востоке: статьи и документы. М.: Гл. ред. вост. лит., 1982. С.313.

18 Жернаков В. Н. Павел Васильевич Шкуркин // 70-летие Харбинских железнодорожных училищ. 1903 – 1973. Сан-Франциско, 1973. С. 20.

П. В. ШКУРКИН

Пожизненный член Общества Русских
Ориенталистов и Почетный член Обще-
ства Изучения Маньчжурского Края

ПУТЕШЕСТВИЕ
ВОСЬМИ □ □ □
БЕССМЕРТНЫХ
ЗА МОРЕ □ □ □

— ■ —
ДАОСКОЕ СКАЗАНИЕ
— ■ —

(Отдельные оттиски из «Вестника
Маньчжурии» № № 8 и 9, 1926 г.)

Х А Р Б И Н
Типография Китайской Восточной железной дороги
1 9 2 6

Книга П. В. Шкуркина «Путешествие восьми бессмертных за
море». Харбин, 1926

Восемь бессмертных переплывают море.

(С картины В. Шкуркина)

«Восемь бессмертных переплывают море».
С картины В. Шкуркина

P. V. SHKURKIN
Life member of the Russian Society
of Orientalists and Honorary member
of the Manchurian Research Society

OUTLINES OF TAO-ISM

The journeyings of the eight
immortals beyond the seas

HARBIN
Printing-Office: Chinese Eastern Railway
1926

П. В. ШКУРКИН.

ИГРОКИ

КИТАЙСКАЯ БЫЛЬ

ХАРБИН
Типо-Лито-Фото-Декоративная А. М. Абрамочкин
1926

П. В. ШКУРКИН.
Преподаватель Коммерческого училища, Курсы Китайского языка
и Института Ориенталистики в Харбине, канд.

Восточная Азия.

СОКРАЩЕННЫЙ УЧЕБНИК

ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

для школ II и III ступени.

Часть I.

Издание Курсов Китайского языка К. В. Ш. д.

ХАРБИН,
Художественная полиграфия „ЗАРЯ“.
1926.

«Игроки»

I

Несколько слов

Не смотря на разность культур, истории, религий, общественных условий, рас и т. д., — человеческая натура, рассматриваемая с точки удовлетворения физических и нравственных потребностей, — остается одной и той же для европейца, азиата и индейца. Вся разница только в способах этого удовлетворения или количестве потребностей, количестве, — которое, конечно, возрастает по мере интеллектуального роста каждого народа и как морального, так и умственного развития каждого индивидуума.

Борьба за существование не легка, проявлялась ли она в форме пятнадцатичасового заседания в палате французского депутата, в преследовании три дня подряд стада оленей североамериканским индейцем, в непрерывной работе китайского кули, перевозившего товары в тачке на тысячи верст, или в тяжком труде рабочего в каменноугольных копях.

Всякий работник нуждается в каком-либо средстве, чтобы хотя на время отвлечься от суровой действительности, чтобы хоть на минуту дать мыслям другое течение, поднять свои нервы, дать деятельности мозга, сердца или мускулов другое направление. Каждый удовлетворяет эту потребность по-своему. Огромное меньшинство (которое поэтому нельзя ставить в обязательный пример) старается получить это «отвлечение» от обыденной жизни за счёт удовлетворения высших нравственных и умственных потребностей человека: один идет (таких очень мало) слушать научный доклад, другой каждую свободную минуту отдает чтению, музыке, философскому размышлению и т. д. Гораздо чаще европейец пойдет на бал, кафе-шантан, в «детскую»; ему необходим коньяк, карты, сигары, милые создания и т. д... Немец-рабочий не может обойтись без пива, русский — без водки, индеец — без табаку, китаец — без опиум (опять повторяю: исключения в расчет не принимаются), и без азартных игр.

Всегда, везде, во всех установлениях и у всех народов азартные, то есть основанные на случае, игры признавались вредными, и против них издавались ограничительные постановления. Понятно, чем народ экспансивней, тем он более стремится к азартной игре, и тогда могущие случиться нежелательные последствия игры бывают тем чаще и печальнее. Там, где северянин ограничится бранью или, в крайнем случае — боксом, — там у южанина сверкает наваха или идет в ход револьвер.

Китайцы были будут всегда народом в высшей степени азартным. В какую бы обстановку они не были поставлены, какие бы наказания им не грозили, они не откажутся, и не могут отказаться от азартных игр.

В самом деле: каждый «настоящий», необевропеившийся (есть и такая, понюхавшая слегка Европу, очень дурная разновидность) китаец, конечно, ставит закон своей природы неизмеримо выше европейского. Очень недавно китайский закон весьма смягчил наказание за самый факт участия в азартной игре (карается штрафом в 1000 долларов), а профессиональных игроков карает ссылкой до 5 лет. Но до 1912-го года закон гласил так:

«Всякий, кто делает или продает принадлежности для игры, ссылается на службу в солдаты в войска расположенные по границе; его сообщники и помощники-торговцы получают 100 ударов бамбуком и ссылаются за 2000 ли» ...Наказывались укрыватели, местный старшина, хозяин дома, где шла игра или готовились принадлежности для игры, хозяин лавки, продавший их, и т. д. Все захваченные во время игры без исключения отправлялись в тюрьму и получали по 40 ударов. Организаторы и администраторы игры, после телесного наказания, ссылались (обыкновенно в провинцию Гань-су).

«Если будет объявлена война», говорил дальше закон, «или будут посланы войска для усмирения восставших, то все попавшие на встречу сосланные за устройство азартных игр немедленно подвергаются смертной казни».

Приведенные данные показывают, как строго относился китайский закон к азартным играм. Но это, на наш взгляд, необычно

строгое отношение оправдывается тем вредом, который приносят эти игры китайцам, и о котором мы, европейцы, иногда не имеем представления.

До чего разыгрываются страсти игроков, показывают следующие случаи, бывшие не так давно во Владивостоке или в Южно-Уссурийском крае. Все они списаны с натуры; то не художественные произведения, не картинки, — а сухие негативы, часто даже силуэты, черным по белому: других красок нет.

Совершенно особняком стоит рассказ — «Счастливый игрок», написанный большей частью не по лично собранным материалам и затрагивающий несколько иные стороны жизни и при другой обстановке, чем все предыдущие рассказы.

Более светлые и определенные тона последнего рассказа, быть может, несколько сгладят мрачное впечатление, которое невольно остается от предыдущих печальных картин. И этим, быть может, оправдывается помещение «Счастливого игрока» вместе с остальными игроками, «несчастливыми».

Таким образом, «Игроки» являются второй серией Этнографических рассказов (первая серия — «Хунхузы»).

Харбин
1920 г.¹⁹

П. Шкуркин

19 Шкуркин П. В. Игроки. Китайская быль. Харбин: Типо-литогр. Л. М. Абрамовича, 1926. С. 3–6

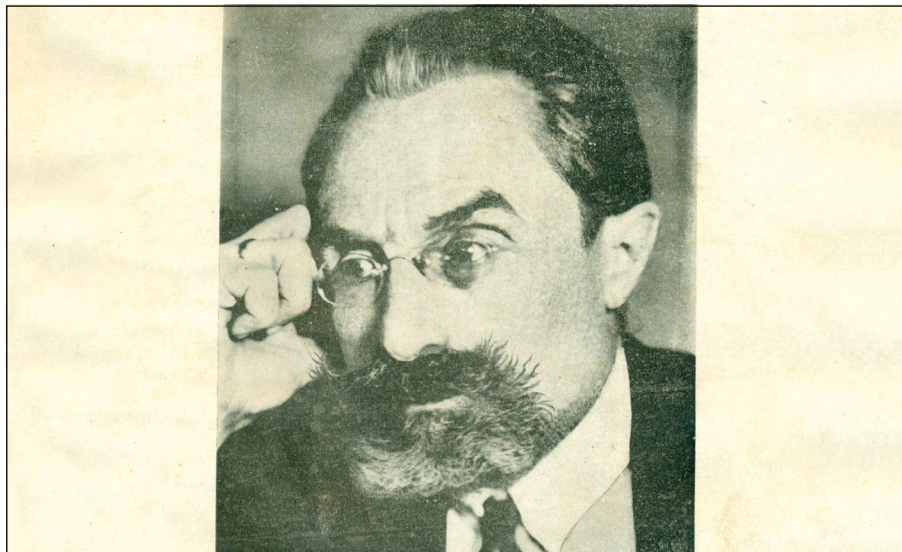
Литератор Николай Байков:
Воспоминания в литературных произведениях

文學作品中的回憶

(29 нояб. 1872, Киев — 6 марта 1956, Брисбен, Австралия)

Байков Николай Аполлонович окончил 2-ю классическую гимназию в Киеве в 1889 году и Тифлисское военное училище по 1-му разряду в 1896-ом. 1901 году получил перевод в пограничные войска Заамурского военного округа. 14 лет провел в Маньчжурии, участвовал в русско-японской войне, собирал научные коллекции и охотился на тигров, писал рассказы и научные работы, занимался ликвидацией банд хунхузов. С 1907 года Был сотрудником-корреспондентом Российской академии наук. В 1908 году за научную деятельность министерство государственных имуществ (ходатайство Академии наук) наградило земельным участком в 100 десятин в Южно-Уссурийском крае. Участник Первой мировой войны, полковник, командир полка. Находился в рядах Добровольческой армии с 1918 по 1919. Заболев тифом в 1920 году, был эвакуирован англичанами в Египет, затем в Индию. В 1922-ом вернулся в Харбин. С 1934 года занялся только литературным трудом. 29 мая 1942 торжественно отметил 40-летие литературного творчества. В марте 1956 году уехал с семьей в Австралию. Похоронен на кладбище South Brisbane. Произведения Байкова переведены на японский, китайский, немецкий, французский, английский, итальянский и чешский языки.

Труды Н. А. Байкова:

В горах и лесах Маньчжурии. Петроград.: Изд. ред. журн. «Наша Охота», тип. Д.П. Вейсбурга, 1915. 464 с.: 32 фотогр. авт.; Изюбр и изюбриеводство. Харбин: Изд-во ОИМК, 1925. 14 с.: ил., карта;

Маньчжурский тигр. Харбин: Изд-во ОИМК, 1924. 18 с.: ил., табл.; Изюбр и оленеводство. Харбин, 1924;

Корень жизни женшень. Харбин: Изд-во ОИМК, 1926. 21 с.: ил.;

Медведи Дальнего Востока. Харбин: Изд-во ОИМК, 1928. 25 с.: ил., 3 табл.;

В делях Маньчжурии: Очерки и рассказы из быта обитателей тайги / Фот. и рис. авт. Харбин: Офсет-пресс, Р.М. Барсук, 1934. 225 с.: ил.;

Великий Ван: Повесть / Предисл. П. Краснова. Харбин: Изд-во М.В. Зайцева, 1936. 238 с.: ил.;

По белу свету: Рассказы. Харбин: Изд-во М.В. Зайцева, 1937. 176 с.; Тайга шумит: Сб. рассказов. Харбин: Изд-во М.В. Зайцева, 1937. 191 с. Н.Р. Книжные новинки // Рубеж. 1939. № 6 (4 февр.). С. 23 – 24;

У костра: Воспоминания и беседы. Тяньцзинь: Наше знание, 1939. 243 с. Рец.: Н.Р. Книжные новинки // Рубеж. 1940. № 22 (25 мая). С. 23 – 24;

Сказочная быль. Тяньцзинь: Наше знание, 1940. 227 с.: ил. Рец.: Н.Р. Книжные новинки // Рубеж. 1940. № 39 (21 сент.). С. 23 – 24;

Тигрица: Таежная быль. Харбин: Изд-во М.В. Зайцева, 1940. 202 с.; Наши друзья: Рассказы / Рис. и фот. авт. Харбин: Изд-во М.В. Зайцева, 1941. 212 с.: ил.; Тоже. 2-е изд. 1942. 212 с.;

Шу-хай: Рассказы / Рис. и фотогр. авт. Харбин: Наука, 1942. 189 с.: ил.;

Таежные пути: Рассказы / Рис. авт. Харбин: Наука, 1943. 177 с.;

Записки маньчжурского охотника: Рассказы / Рис. авт. Тяньцзинь: Наше знание, [1942]. 250 с.: ил.;

Сказочная быль / Обл. авт. Харбин: Изд-во М.В. Зайцева, 1943. 227 с.;

Черный капитан: Маньчжур. быль-роман из жизни замурцев по охране Кит. – Вост. ж. д., 1901–1910. Тяньцзинь: Наше знание, 1943. 333 с.; Тоже. – 2-е изд. Брисбен: Изд. авт., напечат. Г. Бутовым (Мюнхен, Германия), 1959. 163 с.;

Натуралист Н. А. Байков был одним из самых известных литераторов Харбина. Среди русской эмиграции в Маньчжурии его произведения выходили самыми большими тиражами. Мысль о Дальнем Востоке Николаю Байкову внушил в свое время академик Д. И. Менделеев, рассказавший о строительстве Китайско-Восточной железной дороги. 8 декабря 1901 года командир 108-го пехотного Саратовского полка был отправлен приказ: «[...] поручик Байков переводится Высочайшим приказом от 26 ноября с. г. в Отдельный корпус пограничной стражи в Заамурский округ сего корпуса. Вследствие чего штаб корпуса по приказанию командира корпуса просит Ваше Высокоблагородие предложить упомянутому офицеру отправиться по месту его назначения [...]». В Харбине офицеру предложили хорошую должность в штабе округа. В те времена пограничные войска не пользовались популярностью, их презрительно называли «таможенной стражей» или «Гвардией Матильды» по имени супруги графа С. Ю. Витте, который был шефом корпуса пограничной стражи. Но Николай Аполлонович Байков настоял на своем желании служить на охране восточной линии КВЖД.

14 лет провел Н. А. Байков в Маньчжурии: неоднократно рисковал жизнью в схватках с хунхузами, занимаясь ликвидацией их банд, участвовал в русско-японской войне, собирал научные коллекции, охотился на тигров, писал рассказы и научные работы. У себя дома Н. А. Байков собрал целый зоопарк для наблюдений за жизнью диких животных: от медведей и волков до щитомордника. Не хватало только тигра — его было накладно содержать на офицерскую зарплату, но среди охотничьих трофеев Байкова он встречался не однажды. «Находясь на службе, — писал Николай Аполлонович в автобиографии, — занимался исследовательской и литературной деятельностью, выполняя задания Императорской академии наук по сбору зоологических и ботанических экспонатов; по указаниям директора Зоологического института профессора Насонова и ученого ботаника Д.И. Литвинова, произведя исследование края, исходил пешком и верхом всю Гиринскую провинцию от р. Сунгари до границ Кореи, вдоль и поперек».

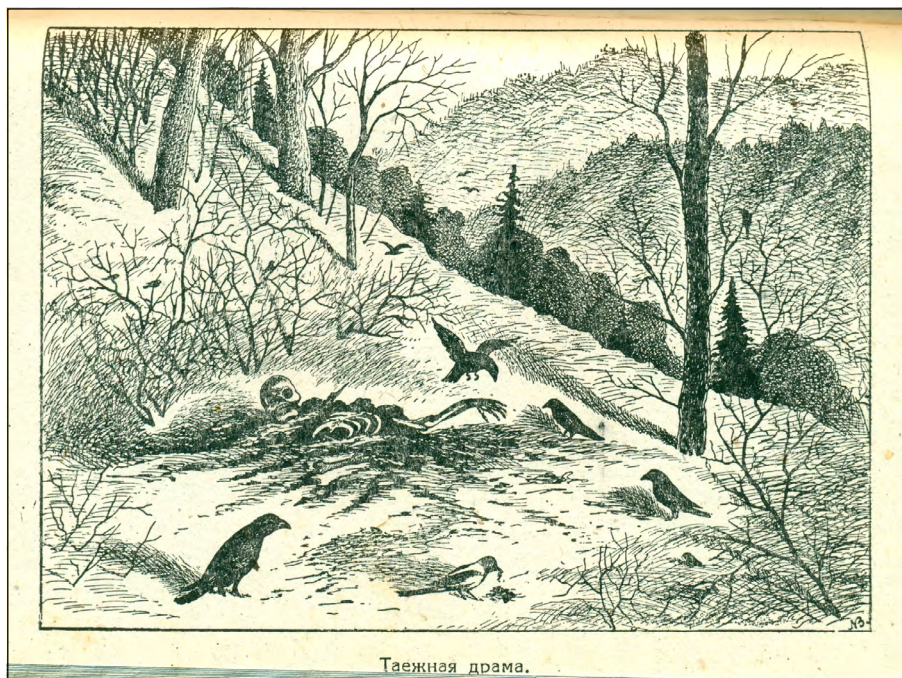

Н. Байков.

Н. Байков с убитым изюбрем.

В 1906 году он работал в топографическом отряде Генерального штаба по съемке и составлению двухверстовой карты Северной Маньчжурии. На следующий год Академия наук присвоила офицеру почетное звание «сотрудник-корреспондент». За научную деятельность Министерство государственных имуществ наградило Байкова земельным участком в 100 десятин в Южно-Уссурийском крае. Но служба не давала офицеру полной свободы для изучения природы и путешествий, и в 1914 году ротмистр Н. А. Байков вышел в отставку, «предполагая, — как он писал, — поселиться на участке в Южно-Уссурийском крае, отведенном мне распоряжением Министерства государственных имуществ в 1908 году, на основании ходатайства Академии наук, в воздание моих заслуг по изучению природы Маньчжурии». Но мечте не суждено было сбыться, и вместо Южно-Уссурийского края Байков попал на фронт Первой мировой войны.

«Таёжная драма»

Четыре года провел Н. А. Байков в действующей армии: стал полковником, командиром полка, кавалером ордена Св. Владимира 3-й степени с мечами и бантом. Неоднократно он был ранен и контужен. Советскую власть Николай Апполонович Байков не принял. Изменив внешность и отпустив бороду, он бежал на юг. Примкнув к белым, полковник Байков командовал Полтавской дружиной, воевал против красных в Добровольческой армии в офицерском батальоне генерала Гуттенберга. Перерыв в кровавой бойне он сделал в Николаевске, тяжело заболев тифом. После болезни Байков вместе с семьей почти два года мыкался по загранице, побывал в Индии и Египте, пока не вернулся в Харбин.

«Манчжурская фанза»

Труды Н. А. Байкова имеют прекрасное оформление и обильный иллюстрационный материал

В дело популяризации охраны природы и изучения животного мира Байков вложил немало труда и энергии

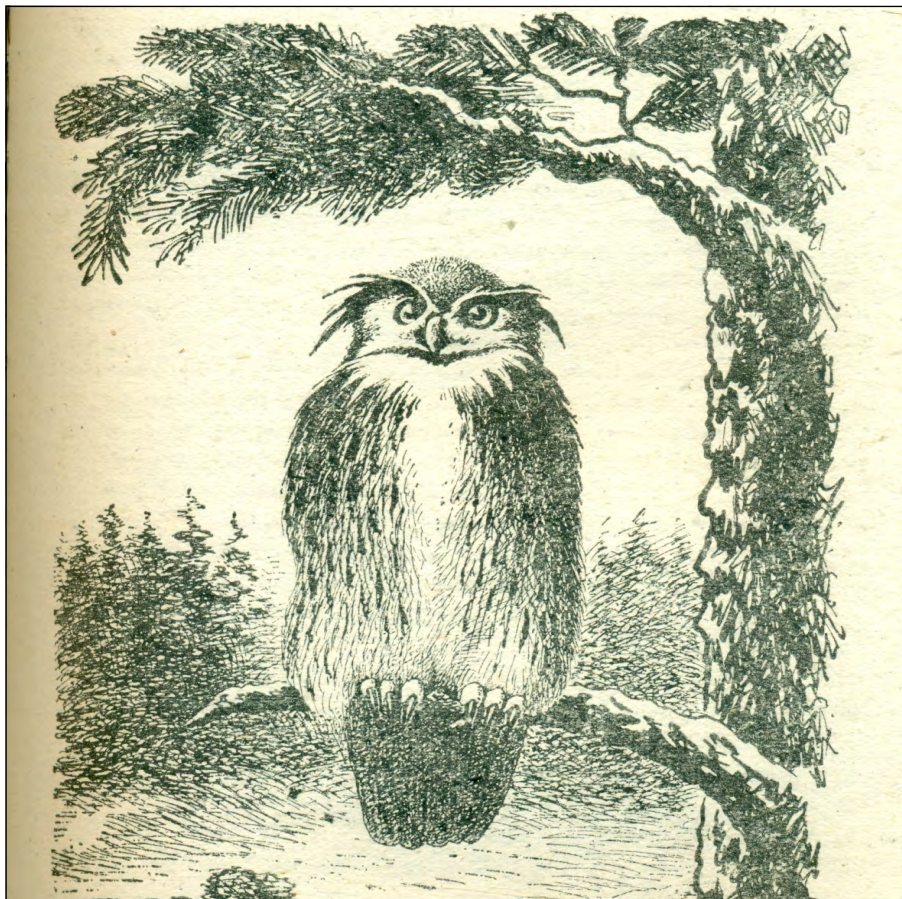
В августе 1925 года Н. А. Байков писал В. К. Арсеньеву из Харбина: «Сегодня получил от Вас три книжки Ваших трудов, за что приношу глубокую благодарность и признательность. Я их еще не читал, но, судя по беглому взгляду, они так же интересно и живо написаны, как и все ваши труды по описанию природы и быта обитателей нашего Дальнего Востока [...] До поступления на концессию Ковальского я зарабатывал на хлеб и кормил семью чертежными работами в частных фирмах Харбина и продажей чучел птиц. На концессии я прослужил в качестве десятника три года, получая по 40 зол. руб. в месяц. Теперь остался с семьей на улице, без средств и без куска хлеба. Советского паспорта не взял до сих пор по той причине, что не имел возможности это сделать, за неимением средств, т. к. мне едва хватало заработка, а затем жалованья на пропитание. Первый год службы у Ковальского я был сторожем и получал 25 иен, т. е. 15 зол. руб. в месяц. Кроме того, приходилось выплачивать долги, которые я сделал за первое время безработицы. Таким образом, я никак не мог уделить ту сумму, которая необходима для уплаты за регистрацию и паспорт СССР. Помимо того, я жил все время на линии, вдали от Харбина, и поездка в Харбин для выбора паспорта, была для меня совершенно непосильна. В настоящее время, лишившись места, я не имею и тех грошей, которые зарабатывал для семьи тяжелым трудом. В профсоюз меня не принимают, т.к. я не пролетарского происхождения, надо сперва зарегистрироваться и принять подданство СССР, что стоит значительных денег, которых у меня, к сожалению, нет. Словом, по-видимому, я попал в заколдованный круг, выйти из которого трудно. Вы, как бывший офицер, состоявший почти в таком же положении, как я, понимаете меня лучше другого и что предпринять, чтобы опять явилась возможность существовать и содержать семью из жены и малолетней дочери» (Архив ОИАК. Ф. В.К. Арсеньева. Письма Н.А. Байкова).

По вполне понятным причинам Байков не написал в письме всей правды. Да и В. К. Арсеньев не мог ничего посоветовать: времена в России наступили иные. Действительно, Н. А. Байкову

очень трудно жилось в эмиграции. Нищенская зарплата лесного смотрителя едва позволяла сводить концы с концами. В последнем из сохранившихся писем к Арсеньеву Н. А. Байков писал: «На лето предполагаю поехать куда-нибудь на линию, поближе к родной тайге, воздух которой должен окончательно излечить мое больное сердце. Лета мои (55) еще не так велики, и я еще не думаю сдаваться на капитуляцию; кроме того, мне необходимо прожить еще лет 10, чтобы поставить на ноги девятилетнюю дочь. Через 10 лет я могу умереть спокойно, выполнив, по мере сил и возможности, свой долг перед родиной, оставив некоторый след в краеведческой литературе Дальнего Востока по изучению его животного мира». После 1928 года переписка прекратилась.

Н. А. Байков был одним из инициаторов создания в Харбине музея, Общества русских ориенталистов (ОРО) и Общества изучения Маньчжурского края (ОИМК). В 1923 году его избрали Пожизненным Почетным членом ОИМК. В 1930-ом Байков стал внештатным преподавателем естествознания в 4-м отделе Департамента народного просвещения в Маньчжурии, но 1 сентября 1934 года его уволили «за антикоммунистическую работу в школах и за отказ в лонгации советского паспорта, просроченного с 1932 г.». «До 1934 года, — отмечала газета «Русская жизнь», — Н. А. поместил в «Вестнике Маньчжурии» более 12 научно-популярных очерков, некоторые с обильным иллюстрационным материалом, на различные темы от «Охотничьих племен Северной Маньчжурии» и «Зверового промысла и пушной торговли Маньчжурии» до отчетов об экспедициях, также и кратких монографических описаний биологии редких или типичных представителей маньчжурской фауны, как, например, соболя, кабарги, фазана и т.п. В дело популяризации охраны природы, правильной охоты и промысла, изучения животного мира Н. А. Байков также вложил немало труда и энергии, читая лекции в ОИМК, в русском Обществе правильной охоты и рыболовства, в школьных кружках, литературных кружках, у скаутов-пржевальцев и в Клубе юных натуралистов и печатая свои статьи в местных охотничьих

журналах, газетах и изданиях различных обществ и кружков. Он часто подписывал свои статьи псевдонимами, как, например, Пенснэ, Заамурец, Следопыт, Зверобой, Натуралист-Охотник, Промысловик, Скиталец». Ручеек признания хоть и медленно, но все же пробивал себе дорогу. В том же 1934 г. Н. А. Байков решил бросить работу и заняться только литературным трудом. Писал и издавал он очень много. Самые известные его произведения — «В дебрях Уссурийского края» и «Великий Ван», который принес автору мировую славу. Книги Байкова помимо Китая издавались в Лондоне, Париже и Токио. По популярности за границей он сравнивался с В. К. Арсеньевым.

Книга Н. А. Байкова «Записки Маньчжурского охотника». Тянь-
цзинь, 1924

Н. А. БАЙКОВ

ШУ - ХАЙ

„НАУКА“

Книга Н. А. Байкова «Шу-хай»

Востоковед Иван Серебренников:
Мои воспоминания

文學作品中的回憶

(26 июля 1882 г., Знаменское Верхотенского уезда Иркутской
губ. — 15 июня 1953 г., Тяньцзинь)

Серебренников Иван Иннокентьевич окончив с серебряной медалью гимназию, поступил в Военно–медицинскую академию в Санкт–Петербурге. Арестован за участие в студенческой сходке и по приказанию военного министра отчислен из академии в 1902 году. Отбыл шестимесячное одиночное заключение в «Крестах» в 1906 году. Тогда же женился на А. Н.Петровой. Деятель Восточно–Сибирского отдела Русского географического общества, правитель дел с 1915 года. Сибирский областник–автономист. Секретарь Иркутской городской думы с 1913 г. Министр Сибирского правительства и правительства А.В. Колчака. Эмигрировал в Китай в 1920 года Из Харбина Серебренниковы переехали в Пекин, а оттуда в Тяньцзинь. И. А Серебренников являлся одним из учредителей Русской национальной общины и редактором ее «Вестника». Основал книжный магазин и частную библиотеку. Представитель РЗИА, куда отправил большую часть своего личного собрания. Личный архив находится в Гуверовском институте. Автор многих книг и статей о гражданской войне, краеведении и Китае.

Многие годы историей Тяньцзиня занимался Иван Серебренников, который оставил большой след в изучении проблемы русской эмиграции. Весной 1922 года он со своей женой переехал в Тяньцзинь, где Серебренникову предложили стать директором Общественного Коммерческого училища.

И. И. Серебренников родился 14 июля 1882 года в селе Знаменском Верхоленского уезда Иркутской губернии. Получив начальное образование в сельской школе, И. Серебренников поступил в Иркутскую губернскую классическую гимназию. «По воскресеньям, — писал он, — я любил забираться в музей Географического общества, где часами рассматривал разного рода интересные предметы и коллекции. Здесь же я иногда слушал какую-нибудь интересную лекцию».²⁰

Неожиданно для себя гимназист Ваня Серебренников написал рассказ «Праздник», который был напечатан в 1901 году в иркутской газете «Восточное Обозрение». Эта дата и стала началом его литературной деятельности, которая продлилась почти полвека. Интересно, что Иван Серебренников был первым из сибиряков, кто сыграл в футбол. Это произошло еще осенью 1902 года на детской площадке на Троицкой улице Иркутска. Окончив с серебряной медалью гимназию, Серебренников поступил в Военно-медицинскую академию в Петербурге. В 1902 г. его арестовали за участие в студенческой сходке и по приказанию военного министра отчислили из академии. Прожив в Петербурге несколько лет, И. Серебренников жадно впитывал столичную культуру. Позднее он завел альбом автографов, в котором почетное место заняла визитная карточка, подписанная Л. Н. Толстым, и письмо Софьи Толстой с извинениями, что прием не состоится по причине болезни писателя.

«В январе 1905 года, — вспоминал И. И. Серебренников о начале своей карьеры в политике, — я был арестован в селе Александровском Иркутского уезда, по делу о побеге 15 политических

20 Hoover Institution: Serebrennikov, box 10

каторжан из Александровской каторжной тюрьмы, и был предан по этому делу суду, отбыв предварительное тюремное заключение в течение трех месяцев. В ночь на 1 января 1906 года, вместе с другими, я был арестован в Народном Доме, на Детской площадке в Иркутске, на собрании для встречи Нового года, и, за участие в незаконном сборище, был присужден в административном порядке к 3 месяцам тюремного заключения, которое и отбыл в двух тюрьмах: в Иркутской губернской и Александровской центральной. В апреле 1906 года я был выслан из Иркутска, с запрещением жить во всех уездах, прилегающих к Сибирской ж/д магистрали и находящихся на военном положении».²¹

Петрова Александра Николаевна

21 Hoover institution: Serebrennikov, box 3

Апрель для Серебренникова стал знаменательным и по другой причине: в этом же месяце он женился на Александре Петровой. Немного о его жене, которая сыграла огромную роль в жизни Ивана Иннокентьевича, став другом и помощницей до конца его дней. Александра Николаевна родилась 15 марта 1883 года в Маче, главном центре Олекминской системы ленских золотых приисков, где заведующим одного из них, работал ее отец. В 1902 году Саша Петрова окончила женскую гимназию в Иркутске. Осенью того же года она стала работать учительницей русского языка. В 1904 году А. Н. Петрова поступила в Психо-Неврологический институт в Санкт-Петербурге.

Политические злоключения И. Серебренникова на этом не закончились. На следующий год он был арестован в Петербурге за участие в военно-писарском союзе партии эсеров, после чего Серебренников отбыл шестимесячное одиночное заключение в знаменитых «Крестах». В 1908 году Иван Серебренников был выслан из столицы под гласный полицейский надзор в Вологодскую губернию. Перейдя на нелегальное положение, он вернулся в родной Иркутск. В начале 1911 года его ссылка была отменена. И. И. Серебренников увлекся писательским трудом: его рассказы публиковали столичные и сибирские газеты, в печати появились статьи по сибиреведению и экономике края. Особенно много он печатался в иркутской «Сибири». В этой же газете его жена вела раздел «Журнальное обозрение» и публиковала библиографические статьи. Александра Николаевна редактировала литературные работы мужа и занималась педагогической деятельностью. Тогда же Серебренникова подготовила к печати свою большую работу «Восстание поляков за Байкалом в 1866 г.». В 1911 году вышла из печати первая большая и серьезная книга Серебренникова — результат его экспедиции по изысканию Ленской железной дороги, будущего прообраза БАМа. На те же годы пришлось участие И. И. Серебренникова в деятельности Восточно-Сибирского отде-

ла Русского географического общества, которому он остался предан всю свою жизнь. В 1915 году он был избран правителем дел этой старейшей научной организации в Сибири. Позднее в эмиграции на всех его книгах и рукописных тетрадях и папках появился экслибрис — «Личный архив А. Н. и И. И. Серебренниковых. Подлежит отправлению в Сибирь, на хранение в Музей Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества».

Дореволюционная жизнь И. И. Серебренникова была полностью посвящена исследовательской работе в Иркутске и изданию трудов. Увлёкся он и идеями сибирских областников-автономистов. В 1913 году Серебренников был избран Иркутской городской думой на пост городского секретаря. В 1915 году дума командировала его в Москву в качестве представителя Иркутска для участия во Всероссийском съезде городов, земств и кооперативов, созванного для обсуждения продовольственного вопроса. По постановлению Иркутской думы его доклад был отпечатан отдельным изданием.

После февральской революции, А. Н. Серебренникова, как видный общественный деятель, была избрана гласной Иркутской городской думы. Во время гражданской войны она помогала мужу и публиковала небольшие заметки в газете «Великая Россия», которую издавал штаб Иркутского военного округа. Октябрь 1917 года подвел черту под этим периодом жизни иркутского губернского секретаря Серебренникова. Трезво оценивая свои возможности, он отклонил предложение занять место городского головы Иркутска, хотя и продолжал активно участвовать в областническом движении. Свидетельство его авторитета на этом поприще — избрание Серебренникова министром в Сибирском правительстве и назначение на ту же должность в правительстве Колчака. Иркутский переворот 1920 года заставил Серебренникова покинуть любимую Сибирь, оставив на память Иркутску личную библиотеку в две тысячи томов по сибиреведению. Затем было

бегство из России в чешском вагоне. Во время этого вынужденного путешествия Серебренникова вела дневник, который впоследствии был опубликован.²²

В Китай чета Серебренниковых приехала почти без гроша, но с твердым желанием продолжить любимое дело — изучение Сибири и окрестных земель. Вскоре после своего приезда (19 марта 1920 года) в Харбин И. И. Серебренников написал две статистико-экономические работы, которые стали первым заработком на чужбине. Летом 1920 года «Материалы к вопросу о численности и составе скота в Сибири» и «Программы обследования животноводства в Монголии» были изданы в Харбине Монгольской экспедицией по заготовке мяса для действующей армии. По окончании этой работы И. И. Серебренников стал преподавать на Харбинских кооперативных курсах. «Я был приглашен туда читать курс сибиреведения, — вспоминал он. — Предложение это я принял весьма охотно, и в мае и июне месяцах прочел перед своими слушателями до двадцати лекций. Материально эти лекции мне давали немного, что-то около 80 иен в месяц, но приносили большое духовное удовлетворение. Я чувствовал себя в этом деле в значительной степени пионером, зная, что мне не придется идти по проторенным дорогам и пользоваться чьим-либо другим курсом сибиреведения, а наоборот, необходимо будет проделать вполне самостоятельную работу в определении объема и содержания читаемого курса».²³

22 *Серебренникова А. Н. С чехами от Иркутска до Харбина. Дорожные записки / Серебренников И.И. Мои воспоминания. — Т. II. В эмиграции (1920–1940). — Тяньцзинь: Изд-во «Наше Знание», 1940. — С. 219–262.*

23 *Серебренников И. И. Мои воспоминания. — Т. II... — С. 48.*

Библиотека И. И. Серебренникова в Тяньцзине (1925 – 1927 гг.)

Осенью 1920 года Иван Иннокентьевич опубликовал свои лекции.²⁴ «Книга встретила в эмиграции отличный прием, — писал он. — Хорошие и лестные для меня отзывы о ней появились почти во всех русских эмигрантских газетах Харбина и Шанхая. Первое время она бойко шла в продаже, пока не насытила местного рынка. В харбинской частной гимназии Андерса мое «Сибиреведение» было временно принято, как учебник по курсу географии, в одном из старших классов».²⁵ Эта книга стала своеобразным итогом деятельности И. И. Серебренникова, как сибирского областника. В это же время он начал читать курс «статистики» на Юридических курсах. «По моим впечатлениям, — вспоминал Иван Иннокентьевич, — студенты-эмигранты были весьма усердными и аккуратными слушателями лекций. Казалось, люди, устав от всяких походов и войн, с огромным удовлетворением для себя уходили теперь в культурную работу, стремясь наверстать потерянное время».²⁶

Под псевдонимом «Старый Харбинец» его статьи стали регулярно появляться на страницах газеты «Русский Голос». Живя в Харбине, и Александра Николаевна не осталась в стороне от литературной деятельности мужа. Она редактировала его работы и публиковала небольшие заметки в той же газете. В декабре 1920 году А. Н. Серебренникова приняла предложение предпринимателя В. В. Носач-Носкова стать корректором в типографии, которую он взял в аренду у Православной миссии в Пекине. Узнав об этом, профессор Г. К. Гинс обратился к ней с просьбой проследить за корректурой его книги — «Сибирь, Союзники, Колчак», которая печаталась в этой же типографии.

24 *Серебренников И. И.* Сибиреведение. Конспект лекций по сибиреведению, читанных на кооперативных курсах в г. Харбине, в мае-июне 1920 года. Харбин, 1920. 210, II, 2 с.

25 *Серебренников И. И.* Мои воспоминания. Т. II. С. 49–50.

26 *Серебренников И. И.* Мои воспоминания. Т. II. С. 53.

В Пекине Иван Иннокентьевич стал заведующим типографией, в которой работала жена. Она была передана в аренду Товариществу «Восточное Просвещение». В свободное от работы время Серебренников продолжил изучение истории китаеведения и познакомился с русскими востоковедами, жившими тогда в Пекине. В начале 1922 года И. И. Серебренников по просьбе архиепископа Иннокентия возобновил издание журнала Пекинской миссии «Китайский Благовестник», напечатав в нем свою статью «Албазинцы». Его жена опубликовала в Пекине в журнале «Русское Обозрение» свою работу «Восстание поляков за Байкалом в 1866 г.».²⁷ Ее первые статьи появились в «Вестнике Русской национальной общины», а затем в журнале «Китайский Благовестник».

В Тяньцзине Серебренниковы сразу же окунулись в общественную и литературную жизнь города.

А. Н. и И. И. Серебренниковы в своём кабинете. Тяньцзинь

27 *Серебренникова А. Н.* Восстание поляков за Байкалом в 1866 г. // *Рус. обозрение*. – Пекин, 1920. – Дек. — С. 152–182.

Вскоре И. И. Серебренников решил основать свой научный кружок, куда вошли зоолог и натуралист Б. П. Яковлев, ботаник И. В. Козлов, геолог П. А. Павлов, и антрополог Кажуров. Кружок просуществовал около двух месяцев и распался. Но Серебренников не оставил исследовательской работы, опубликовав в № 53 журнала «Вестник Азии» большой «Очерк экономической географии Китая».

«Около этого же времени, — вспоминал Иван Иннокентьевич в поисках какой-нибудь опоры для научной работы, я надумал связаться с Национальным Географическим обществом в Америке и написал в адрес этого общества, в Вашингтон, большое письмо. Не буду говорить о деталях этого письма, скажу только: в нем я сообщал, что в настоящее время русские беженцы рассеяны по всему Китаю, что таковые имеются в отдаленных уголках и Маньчжурии, и Кореи, и Внутренней Монголии, и в Китайском Туркестане, и близ границ Тибета и собственно Китая. Среди этих русских беженцев немало лиц со средним и высшим образованием, и даже со специальной подготовкой к научным занятиям (восточники). Я указал далее, что можно бы воспользоваться этим рассеянием здесь русских, с целью сбора некоторых научных материалов: фотографических, ботанических и этнографических, и что для этого нужны средства и некий организующий центр, каковой я берусь создать.

Я получил ответ, в котором мне сообщалось, что возбужденный мною вопрос передан на рассмотрение такого-то отдела Общества — и на этом все дело закончилось. Оглядываясь теперь на прошлое, я не могу понять, почему Национальное Географическое общество не приняло моего предложения. В нем не было ничего утопического. Оно было вполне осуществимо и не требовало больших затрат. Не воспользовавшись моей идеей, Общество лишило меня интересной работы, а себя — интересных коллекций. Даже если бы оно просто отпустило средства на покупку уже готовых фотографий среди русских беженцев в Китае, и тогда оно приобрело бы весьма интересные материалы.

ПРЕДИСЛОВІЕ

К II-му ТОМУ.

Настоящій том „Моих Воспоминаній“ представляет непосредственное продолженіе тома перваго, изданнаго в началѣ 1937 года в Тяньцзинѣ, и содержит описаніе моего бѣгства из Сибири в 1920 году, затѣм скитанія мои по городам Сѣвернаго Китая за послѣдующіе три-четыре года и мои первыя путевыя впечатлѣнія от знакомства с новой страной. Конечно, в своих описаніях и повѣствованіях я удѣлил много вниманія жизни русских эмигрантов, поселившихся в Сѣверном Китаѣ, и их первоначальному устроенію здѣсь.

Мнѣ думается, что в таком видѣ этот том моих „Воспоминаній“ может представить, помимо общаго интереса, нѣкоторый матеріал для изученія исторіи расселенія русской эмиграціи в Китаѣ.

АВТОР.

Предисловие к II тому «Мои воспоминания»
И. И. Серебренникова

Вспоминаю, что за последующие годы один из эмигрантов предложил мне однажды купить его фотографический альбом, в котором находилось до тысячи снимков с видами западно-китайской провинции Ганьсу; другой предложил мне почти такое же количество снимков (и пленок) с видами Синьцзяна, т.е. Китайского Туркестана, третий — с видами Внешней Монголии, и т.п. Основываясь на этих предложениях, я могу теперь сказать, что я легко мог бы скупить и послать в Вашингтон не менее десяти тысяч интересных снимков разного содержания.

Скажу вообще, что во время пребывания моего в Китае у меня не развозникали в голове разные интересные мысли и проекты, но они очень редко получали осуществление — во всяком случае, не по моей вине. Русская эмиграция в Китае, если не считать ее военных кадров, была мало использована в практических или научных целях не только иностранными государствами, но и китайскими властями, занимавшимися больше междоусобными склоками, чем приведением своей страны в порядок. А сколько было в этой русской эмиграции специалистов разного рода, и притом весьма высокой квалификации». ²⁸

В 1928 году И. И. Серебренников принял предложение на общественных началах стать представителем Русского заграничного архива в Праге, куда стал отправлять все эмигрантские издания и рукописные материалы, касающиеся революции и гражданской войны на Дальнем Востоке. В этот архив он переслал безвозмездно и львиную долю своего личного собрания. Он писал в июле 1931 года в Прагу: «Письма сдаю на хранение в Р.З.И.Архив на срок не менее пяти лет. По истечении этого срока, если в России будет установлен нормально-правовой государственный строй, Р.З.И.Архив обязуется переслать за свой счет мой личный архив в Сибирь, в г. Иркутск, в распоряжение Восточно-Сибирского отдела Русского географическо-

го общества».²⁹ После болезни И. И. Серебренникова его обязанности стала выполнять Александра Николаевна. Забегая вперед, надо отметить, что Пражский архив в 1945 году был перевезен в Москву.

В те годы вынужденной эмиграции И. И. Серебренников не сидел сложа руки. Оплакивать свою судьбу было некогда. Тогда же началось его сотрудничество с Гуверовским институтом войны и мира. «Вернувшись в Тяньцзинь, — писал Серебренников, — я тотчас же написал письмо проф. Фишеру, с предложением своих услуг по собиранию интересующих его материалов, и получил любезный ответ, причем профессор указал, что его, в частности, интересуют в данный момент материалы по истории гражданской войны в Сибири. Это письмо внушило мне мысль засесть за составление моих мемуаров о годах революции и гражданской войны в Сибири (1917–1919 гг.).

В дальнейшем времени у нас завязалась регулярная переписка, продолжавшаяся до самого вступления Америки в войну с Японией, т.е. до конца 1941 г. Если я не ошибаюсь, уже летом 1929 года я обработал имевшиеся у меня материалы по советизации Внешней Монголии и написал статью на эту тему. Эту статью я сам перевел на английский язык, и, после того, как она прошла стилистическую корректуру моего приятеля мистера Мора, я отправил ее в Америку, в адрес профессора Фишера, с просьбой устроить ее где-нибудь в американской прессе. В результате его любезного содействия статья моя, в несколько сокращенном виде, была напечатана в нью-йоркском журнале «Foreign Affairs», выходившем четыре раза в год. Я получил затем два экземпляра этой книги (апрель, 1931 г.) и чек на 75 американских долларов».³⁰

Одна за другой выходят книги Серебренникова: воспоминания о гражданской войне и жизни в эмиграции, труды по истории Сибири и новой родины — Китая.

29 Hoover Institution: Serebrennikov, box 10

30 Там же

„НАШЕ ЗНАНИЕ“

279, Victoria Road, B. C. Tientsin

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО, БИБЛИОТЕКА, КНИЖНЫЙ
И ПИСЧЕБУМАЖНЫЙ МАГАЗИН.

Собственные издания и книги генерального представительства :

1. И. Артемьев—Эпизоды революции на Дальнем Востоке. 2.00
2. Н. Байков—У костра. Рассказы. 3.00
3. Н. Байков—Сказочная быль. Рассказы. . . 3.00
4. Бэй-Гуань. 2.00
5. Н. Н. Брешко-Брешковский—Король пулеметов. 2.50
6. Н. Н. Брешко - Брешковский - Под плащом сатаны. 3.00
7. Александр Гефтер—Подвиг. Рассказы. . . 3.00
8. — Поцѣлуй. Рассказы. . . 3.00
9. Горин—От брокера до репортера. 1.50
10. З. Жемчужная—Повѣсть об одной матери 2.00
11. А. Жемчужный—Хорунжий Сергіенко . . . 1.50
12. З. Жемчужная—От 18 до 40. 2.50
13. О. Морозова—Нора. 1.75
14. О. Морозова—Мечты и жизнь 1.75
15. Ненцинскій—Человѣкъ во фракѣ. 2.00
16. Ненцинскій—Сильнѣе любви 2.00
17. Пурмаль—Лепестки лотоса. 1.00
18. Х. Попов—Зори Забайкалья. Очерки. . . 3.00
19. Хр. Попов—Гриша Притупов 3.00
20. Пособіе к разгадыванію крестословиц. . . 1.20
21. И. И. Серебренников—Воспоминанія. Т. II. 3.00
22. Евгений Тарусскій—Его Величество случай 1.50
23. Евгений Тарусскій—Серебряныя туфельки. 1.20

Готовятся к печати:

Н. Н. Брешко - Брешковский—Вздыбленная Европа.
Ал. Гефтер—Повѣсть об одной семьѣ

Собственные издания и книги генерального представительства издательства «Наше знание». В списке можно увидеть имена русских эмигрантов

Очень много своих работ Иван Иннокентьевич опубликовал в русской периодической печати Китая. Библиография его трудов занимает десятки страниц.

С 1937 года Александра Николаевна стала заниматься переводами китайских поэтов с английских изданий. На следующий год Серебренниковы опубликовали сборник «Цветы китайской поэзии», которая имела большой успех. Типография «Ideal Press» издала томик стихов тиражом сто экземпляров. Оформление книги было выдержано в китайском стиле: папка была переплетена шелком с костяными застёжками. «Следует отметить высокое достоинство стихотворного перевода, — писал известный поэт Арсений Несмелов, — достоинство несомненное! Как убедился и сам читатель на примере приведенных нами образцов, стих везде выразителен, упруг и ритмически оправдывает тему. Каждому культурному русскому человеку ясно какое огромное значение может иметь этот труд для нашего понимания откровенных глубин китайской души. Кроме того, конечно, антология эта является и ценным вкладом в русскую переводную художественную литературу».

В начале 1941 года издательство «Наше Знание» напечатало новый труд И. И. Серебренникова «К истории Азии», который представлял собой сборник очерков, статей и рассказов из истории Китая, Маньчжурии, Монголии и Сибири, написанных в разное время (444 стр., второй том остался в рукописи — прим. А.Х.). В этом же году в двух номерах журнала «Китайский Благовестник» увидел свет его библиографический очерк «Синологическая деятельность Русской духовной миссии в Пекине».

Как-то на тьяньцзинском вокзале И. И. Серебренников встретил профессора Г. К. Гинса, который предложил взять на комиссию книжные новинки из его магазина в Харбине. Вскоре такое же предложение поступило от Г. Г. Тельберга из Циндао. Иван Иннокентьевич согласился и... вскоре открыл собственный магазин. «Книги продолжали накапливаться все в большем и большем количестве, — вспоминал он, — и к весне 1923 года мы с женой решили поселиться где-либо в центре русского расселения в Тяньцзине и, после недол-

гих поисков, сняли себе две комнаты в одной из дешевых квартир по Конзис-род на Британской концессии. Одну комнату мы приспособили для жилья, а на другой, выходившей окнами на улицу, устроили книжный магазин. Я заказал столяру полки для книг, сам смастерил небольшую вывеску, которую прикрепил к наружным дверям квартиры, и, таким образом, открылась моя книготорговля». Осенью того же года Серебренниковы открыли и свою частную библиотеку, забота о которой легла на плечи Александры Николаевны. Работы было так много, что вскоре Иван Иннокентьевич покинул училище. «Число абонентов у нас быстро увеличивалось, — писал он, — и стало приближаться к 200. По составу своему, читающая у нас публика была весьма разнообразна [...] Старые русские книги, изданные в дореволюционное время, я скупал у русских беженцев небольшими партиями, книг 6–10. Английские держанные книги, почти исключительно беллетристику, я покупал по дешевке в китайских комиссионных магазинах по Таку-род, обходя эти магазины, примерно, раз в неделю».³¹

Когда в Пекине скончался востоковед-библиофил Н. И. Осипов, Серебренников приобрел его библиотеку. Самые редкие экземпляры из этого собрания он отправил в дар библиотеке Государственного Иркутского университета. Через пять лет у него появился конкурент — «Книжный склад и библиотека К. Аверст», где продавалось в основном классическая литература.

28 февраля 1927 года Серебренниковы продали свое книжное дело. К этому времени их собрание насчитывало 1400 книг, из них 200 на английском языке. Читателей в библиотеке было 210 человек. В дневнике хранится запись о том, сколько слез пролил библиофил, пакуя книги для отправки новому хозяину. После эта библиотека, сменив трех владельцев, переехала в Шанхай. К этому времени на ее полках было более 12 тысяч книг. Позже Серебренниковы успели собрать в Китае третью библиотеку, которая и разошлась по всему свету. Серебренниковы решили переехать в Чехословакию, но болезнь помешала осуществить это намерение и они вернулись в

31 Hoover Institution: Serebrennikov, box 10

Тяньцзинь, где занялись педагогической практикой. В это время И. И. Серебренников был членом Совета старейшин Тяньцзиньского русского общественного собрания, основав при ней библиотеку. Стал он одним из учредителей Русской национальной общины и редактором ее «Вестника».

На страницах многих журналов и газет продолжала мелькать фамилия Серебренниковых. С 1938 года статьи А. Н. Серебренниковой стали появляться на страницах тяньцзиньской газеты «Возрождение Азии». В это же время она стала писать стихи. За семь лет работы в этой газете она опубликовала около 200 своих стихотворений, которые включают в себя и переводы (в основном с английских изданий) китайских, японских, корейских и тюрко-татарских поэтов. Публиковалась Серебренникова и в других русских изданиях Харбина и Шанхая. В марте 1942 года поэтесса приняла участие в конкурсе русских поэтов, где за стихотворение «Зимней ночью» получила четвертую премию. «Имея в своем распоряжении, — писала она, — более 150-ти уже обработанных стихотворений японских поэтов, старинных и современных, я задалась целью выпустить из печати сборник этих стихотворений; это была бы первая антология японской поэзии на русском языке. По соглашению с журналом «Луч Азии», я отослала готовый для сборника материал в ее распоряжение. Но, к сожалению, редакция журнала продержала его около двух лет. Тогда по моей просьбе харбинские друзья передали материал сборника «Из японской поэзии» в журнал «Восточное Обозрение», выходивший в Дайрене в издательстве Южно-Маньчжурской железной дороги (Минтецу), и там было решено напечатать этот материал в виде большой статьи в мартовской статье за 1945-й год»³². Но журнал неожиданно прекратил свое существование и антология Серебренниковой так и не вышла из печати.

32 Hoover Institution: Serebrennikov, box 3.

ГЛАВА I

Б Ъ Г С Т В О .

... Мнѣ друг один: в сыром
ночном туманѣ

Дорога вдаль.

Там нѣтъ жилища — как
в темном океанѣ,

Одна печаль.

А. БЛОК.

НА СТАНЦИИ ИННОКЕНТЬЕВСКОЙ.

На ст. Иннокентьевской нам пришлось жить пять дней в вагонах, ожидая отправки поѣзда. Не скажу, чтобы столь длительное ожиданіе доставляло нам большое удовольствіе. Хотѣлось скорѣе выбраться. Общая обстановка не внушала увѣренности, что все может обойтись благополучно. Недалеко от нас на путях стоял какой-то красноармейскій эшелон мѣстнаго формированія. В наш вагон иногда заходили мѣстные рабочіе, большевики, как об этом можно было судить по разговорам их с чехами.

Чтобы не выдѣляться из общей массы чехословаков, я попросил начальника нашего эшелона выдать мнѣ полное военное чешское обмундированіе: на мнѣ появились защитные френч и брюки и высокіе сапоги; получил я также шапку и шинель. Но этого было мало; я попросил, чтобы чехи

Первая страница II тома книги И. И. Серебрянникова
«Мои воспоминания»

Но вернемся к Ивану Иннокентьевичу Серебренникову, главный труд которого остался неизданным до сих пор, — это дневники, которые он вел ежедневно до 1937 года четким, красивым почерком, позднее, после того, как его разбил паралич, — корявыми и похожими на клинопись буквами, а затем под его диктовку писала жена. Глубокой болью за отечество проникнуты следующие строки: «Мы не любим слов: «революция», революционеры», но если мы пожелаем вступить на путь активной, решительной борьбы с коммунистами, мы неминуемо станем революционерами. Меняются времена, меняются положения и лица! Теперь в России только два класса: внизу — голодные крестьяне и служащие (те же рабочие), сверху — коммунисты». Страницы этих дневников заполнены наблюдениями о жизни русской эмиграции в Китае, подчас весьма откровенными. «Я вымарал оттуда все те места, — писал Иван Иннокетъевич в октябре 1946 года, — в коих содержались неблагоприятные для японцев отзывы. Возможно, я спаникерствовал... Так или иначе, я все же несколько обескровил свои дневники. Я боялся, что японцы могут обратить особое внимание на журналистов (я причислял себя к таковым), как возможных свидетелей их деяний, и притом таких, которые могут собирать соответственные материалы и будут в состоянии в будущем их опубликовать. Однажды один русский эмигрант, служивший здесь в японской жандармерии, сообщил мне, что его начальник спрашивал:

— А что делает сейчас Серебренников? Что он пишет?

Кажется, этот эмигрант ответил начальнику жандармерии в том смысле, что этот Серебренников интересуется всего больше в данное время древней историей Китая...

За последнее время, когда однажды по Тяньцзиню прошел слух, что наш город будет занят советскими войсками, я стал думать, что мне надо будет мои дневники куда-то спрятать, или, в крайнем случае, вымарать из них все те места, где я выражался неблагоприятно о большевиках, о коммунистах вообще, о Сталине и иже с ним [...].³³

К счастью, советские войска не пришли в Тяньцзинь, и дневники эмигранта сохранились в целости и сохранности. Подступила старость, и Серебренниковы — детей у них не было — забеспокоились о сохранности своего наследства. Неожиданно пришло предложение из Гуверовского института войны и мира взять на хранение их архив. После некоторого раздумья они приняли решение, и 6 июня 1946 года в дневнике появились следующие строки: «Все же, наряду с грустью, мы с женой почувствовали и облегчение, отправив свой архив: мы знаем теперь, что все труды наши, плод многолетней работы, все, что наполняло нашу жизнь, не затеряется, не пропадет и сохранится... я написал профессору, что мой личный архив должен храниться в Америке до прекращения коммунистической диктатуры в бывшей России, после чего должен быть переслан в распоряжение Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества в Иркутске».

Иван Иннокентьевич Серебренников скончался 19 июня 1953 года в Тяньцзине. Вот как описала его смерть Александра Николаевна: «В среду 17-го [июня 1953 г.] муж не приходил в себя и пробыл без сознания до самой смерти, 19-го, в 12 1/4 часа утра. Я безотлучно была около него, сидела не раздеваясь, в кресле три ночи, и вместе со мной дежурила Зина, мой верный друг. В пятницу 19-го он стал умирать. Я, Зина и сестра Лиза Курбатова стояли в полном молчании в ногах его постели и следили за его агонией. Вот он стал дышать все тише и реже; потом дыхание остановилось. «Еще не конец, — шепнула мне сестра Лиза, — подожди немного». Еще два-три слабых вдоха долетели до нас, и опять дыхание остановилось. «Конец», — сказала Лиза. И в этот же миг взвилась из-под изголовья мужа высоко кверху белая бабочка — и исчезла»³⁴.

Александра Николаевна с трудом покинула Китай и перебралась в Европу, а затем в Америку. Каждый день она продолжала вести семейный дневник. Вот последние строки: «10 января 1956 г. Утро было ясное, на востоке розовела заря, заря моей новой жизни. Я внутренне горячо поблагодарила Господа за Его помощь мне в достижении моей цели. Автобус шел больше часа до города, я с жадным ин-

тересом смотрела по сторонам; мне нравились выкрашенные в белую краску дома Сан-Франциско, придававшие ему светлый, нарядный вид. Деревья и кустарники зеленые, зеленеет трава — какой контраст с холодным Нью-Йорком. На этом я заканчиваю ведение моих дневников. Я достигла теперь цели в жизни. Мне больше некуда стремиться «географически». Америка будет третьей моей родиной. Уже до конца моих дней. Я должна теперь только стараться выполнить те задачи, которые стоят передо мной и ради которых я сюда приехала. Да поможет мне Господь в этом!». ³⁵

А. Н. Серебренникова хотела привезти в порядок семейный архив, хранящейся в Гуверовском институте, что она и сделала. Александра Николаевна работала в газете «Русская Жизнь», которая издавалась в Сан-Франциско. Время от времени на ее страницах появлялись статьи-воспоминания Серебренниковой о жизни в Китае. Она скончалась 12 апреля 1975 года в Сан-Франциско, где и похоронена.

Сочинения И. И. Серебренникова:

Албазинцы. — Харбин: Тип. «Свет», 1920. — 15 с.;

Сибиреведение: Конспект лекций, чит. кооператив курсов в г. Харбине, в мае–июне 1920 года. — Харбин, 1920. — 210, II, [1] с.;

Материалы к вопросу о состоянии скотоводства у бурят Иркутской губернии и Забайкальской области. — Харбин: Тип. КВЖД, 1920. — 83 с. — Монгол. экспедиция по заготовке мяса для действующих армий. Маньчжур. — Владивост. р-н;

Материалы к отчету о деятельности с 1915 по 1918 гг.; Вып. 12, прил. 4;

Материалы к вопросу о численности и составе скота в Сибири: (С.-х. перепись 1916 г.). Вып. 12, прил. 5. — Харбин: Тип. КВЖД, 1920. — 60 с.

Материалы к отчету о деятельности с 1915 по 1918 гг.; Очерк экономической географии Китая. — Харбин: Изд. ОРО, 1926. — 113 с. Библиогр.: с. 110–112;

Strange Figures of Chinese Handicraft // The China Journal. — 1932. — Sept.

Великий отход: Рассеяние по Азии белых армий, 1919–1923. — Харбин: Изд-во М.В.Зайцева, 1936. — 263 с.: ил.;

Мои воспоминания: В 2 т. — Тяньцзинь: Наше знание, 1937 – 1940. — Т. 1: В революции (1917–1919). 1937. — 289 с.; Т. 2:

В эмиграции (1920–1924). — 1940. — 215 с. — Прил. (Серебренникова А.Н. С чехами от Иркутска до Харбина: Дорож. зап. С. 219 – 260);

К истории Азии: Сб. ст., очерков и рассказов из истории Монголии, Маньчжурии и Сибири. Т. 1. — Тяньцзинь: Наше знание, 1941. — 444 с.: портр.;

Князь Гантимур: Ист. очерк. — Шанхай: Тип. «Far Eastern Times», 1934. — 20 с.

Свадьба городского бога // Парус. — Шанхай, 1932. — № 8 – 9.

О шаманизме в Китае // Парус. — 1933. — № 11.

Funeral Money in China // The China Journal. — Shanghai, 1933. — Apr.

Русские интересы // Парус. — 1933. — № 17 – 18.

Сочинения А. Н. Серебренниковой:

Серебренниковы А.Н., И.И. Цветы китайской поэзии. – Тянь-цзинь: Изд. авт., тип. «Ideal Press», 1938. — 168 с. — Прил.(Кит. религиоз. гимны). – Из рец.: «Следует отметить высокое достоинство стихотворного перевода, достоинство несомненное! Как убедился и сам читатель на примере приведенных нами образцов, стих везде выразителен, упруг и ритмически оправдывает тему. Каждому культурному русскому человеку ясно, какое огромное значение может иметь этот труд для нашего понимания откровенных глубин китайской души. Кроме того, конечно, антология эта является и ценным вкладом в русскую переводную художественную литературу» (Несмелов А. Отзыв // Харбин. заря. — 1939. — 19 янв.), Н.Р. Книжные новинки // Рубеж. – 1939. – № 20 (13 мая). – С. 24); Великая легенда. — Сан-Франциско, 1967.

Предисловие К 11-му ТОМУ

Настоящий том «Моих Воспоминаний» представляет непосредственное продолжение тома первого, изданного в начале 1937 года в Тяньцзине, и содержит описание моего бегства из Сибири в 1920 году, затем скитания мои по городам Северного Китая за последующие три–четыре года и мои первые путевые впечатления от знакомства с новой страной. Конечно, в своих описаниях и повествованиях я уделил много внимания к жизни русских эмигрантов, поселившихся в Северном Китае, и их первоначальному устройению здесь.

Мне думается, что в таком виде этот том моих «Воспоминаний» может представить, помимо общего интереса, некоторый материал для изучения истории расселения русской эмиграции в Китае.

Автор.

Глава I БЕГСТВО

... Мне друг один: в сыром
ночном тумане
Дорога вдаль.
Там нет жилья — как
В темном океане,
Одна печаль.
А. Блок

НА СТАНЦИИ ИННОКЕНТЬЕВСКОЙ.

На ст. Иннокентьевской нам пришлось жить пять дней в вагонах, ожидая отправки поезда. НЕ скажу, чтобы столь дли-

тельное ожидание доставляло нам большое удовольствие. Хотелось скорее выбраться. Общая обстановка не внушала уверенности, что всё может обойтись благополучно. Недалеко от нас на путях стоял какой-то красноармейский эшелон местного формирования. В наш вагон заходили местные рабочие, большевики, как об этом можно было судить по разговорам их с чехами.

Чтобы не выделяться из общей массы чехословаков, я попросил начальника нашего эшелона выдать мне полное военное чешское обмундирование: на мне появились защитные френч и брюки и высокие сапоги; получил я также шапку и шинель. Но этого мало: я попросил, чтобы чехи дали мне соответствующий документ на всякий случай. Документ этот был мне выдан и гласил, что предъявитель его, доброволец чешской армии Ян Пенкава, командирован со служебными целями во Владивосток.

Таким образом, я, как И. И. Серебренников, временно перестал существовать...

И вот мы в Харбине, идем искать себе пристанище на ночь. Стелется перед нами туманной завесой неизвестное будущее в чужом городе, среди чужих людей... Что будет, как сложится дальше наша жизнь, что еще предстоит пережить нам, дурного и хорошего? Пока же мы счастливы тем, что ничто не угрожает нам, что мы в безопасности и свободны, что красный враг как будто остался далеко позади...³⁶

36 *Серебренников И. И.* Мои воспоминания. Т. II. В эмиграции (1920–1940). Тяньцзинь: Изд-во «Наше Знание», 1940. С. 1–16

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА I. БѢГСТВО.

На станціи Иннокентьевской. Мимо Иркутска. На Байкалѣ. В Мысовой. Красные партизаны. В Петровском Заводѣ. Чехи в пути. Наши дорожныя занятія. На станціи Хилок. В Читѣ и далѣе. В Маньчжуріи.

Стр. 1—16

ГЛАВА II. В ХАРБИНѢ.

Первые дни. В поисках работы. Иркутяне в Харбинѣ. Из бесѣд с Н. И. Соболевским. Н. Н. Козьмин. Харбинскіе журналисты. А. Н. Пепеляев. Из пережитаго. Мои статистическія работы. Размѣнная биржа. Китайская Восточная желѣзная дорога. Харбин. Харбинскіе китайцы. В Фуцзянѣ. На Кооперативных курсах. Сибиревѣдѣніе. Харбинская пресса. Юридическій Факультет. Ученая жизнь. Экономическій кружок. Ликвидация русских учреждений. Настроенія эмиграціи. Въ политики. Поиски новаго мѣста жительства. Поѣздка в Пекин.

Стр. 17—67

ГЛАВА III. В ПЕКИНѢ.

Вѣзд. В Русской Духовной Миссіи. Встрѣча Рождества Христова. Русское Посольство. Русскіе синологи. Генерал Хорват. Русская колонія. Совѣтская Миссія. Алапаевскіе мученики. Книгоиздательство Носач-Носкова. Аресты. Новыя

предпріятія. В Тяньцзинѣ. Русскія войска спасли иностранный Тяньцзин. Задержка в Тяньцзинѣ. В Циндао. В Дайренѣ. Снова в Харбинѣ. Возвращеніе в Пекин. Работа в типографіи. И. Я. Коростовец. На крышѣ отеля. Бѣженцы. Постриженіе в монахи. Иностранцы в Пекинѣ. Пекин. Из пекинских легенд. Албазинцы. В Пейтайхо. Знакомство с бытом. Запутанный дѣла. На новом мѣстѣ. Еще раз в Харбинѣ. На обратном пути. Опять в Пекинѣ. Поѣздка в Калган. Переѣзд в Тяньцзин.

Стр. 68—170

ГЛАВА IV. В ТЯНЬЦЗИНѢ.

Коммерческое Училище. Православное Братство. Иностранныя школы. Спортивныя организаціи. Благотворительное Общество. Дамы-патронессы. Благотворительные вечера. Русскій Клуб. Е. Д. Гомбоева и А. Д. Старцев. Русскіе старожилы. Первые русскія газеты. Первая общеэмигрантская организація. Управление Русской концессіей. Русскія предпріятія. Русскіе музыканты. В роли книгопродавца. В квартирѣ на Козинс род. В семьѣ Злоказовых. Наши пансіоны в Пейтайхо. Уход из школы. Заключение.

Стр. 171—215

ПРИЛОЖЕНІЕ. А. Н. СЕРЕБРЕННИКОВА. С ЧЕХАМИ ОТ ИРКУТСКА ДО ХАРБИНА.

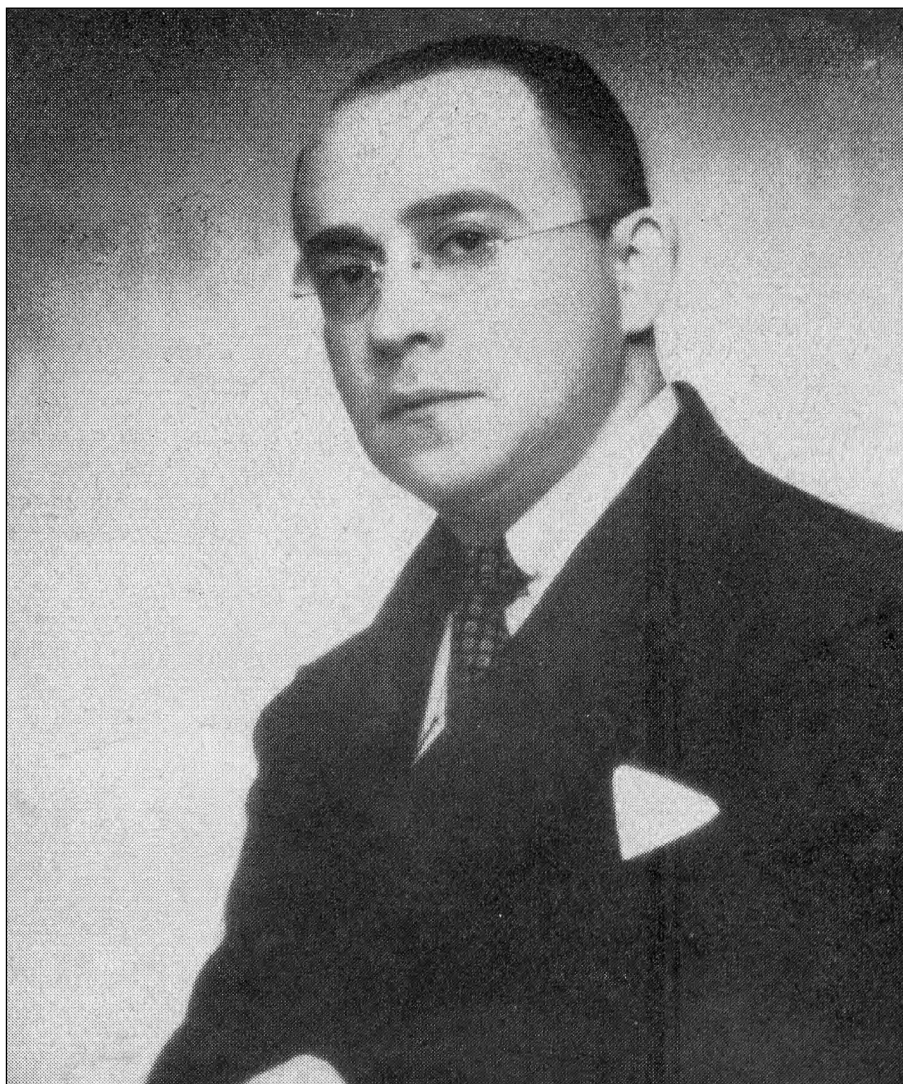
Дорожныя записки.

Стр. 217

В книге можно увидеть места, которые посетили супруги
Серебрянниковы

Журналист Лев Арнольдов:
Из России до Китая

從俄羅斯到中國

(10 (22) июня 1894, с. Черевковское Сольвычегодского уезда
Вологодской губернии — не ранее 1946, Бразилия)

Арнольдов Лев Викторович учился в Иркутской гимназии. В 1912 – 1913 годах жил в Берлине, Париже и Тулузе, где слушал лекции в местном университете. Затем продолжил образование на медицинском и юридическом факультетах Томского университета. Печатался со школьных лет, работал в газете «Иркутская жизнь» в 1915–1916 годах. Начальник отделения департамента по делам печати с октября 1918 года, затем директор Бюро информации министерства иностранных дел правительства А. В. Колчака. Публиковался в газетах «Русская армия» и «Заря». В конце июля 1919 года уехал из Омска и жил в Хабаровске, где работал в газетах «Приамурская жизнь» и «Приамурье». Одновременно преподавал в Хабаровском кадетском корпусе. Во Владивостоке публиковался в газетах «Вечер» и «Слово». В Харбине поселился в августе 1920-ого и прожил 4,5 года. Публиковал статьи в харбинских газетах «Русский голос», «Рупор», «Свет» и «Харбинская заря». В Шанхае издал несколько книг по китаеведению и публицистических произведений. Переехав в Шанхай, стал редактором ежедневной газеты «Шанхайская заря». Член Русского юридического общества в Шанхае. После окончания войны газета закрылась, работал у китайского адвоката. По одним сведениям эмигрировал в Бразилию, по другим остался в Шанхае с больной матерью.

Книга: Китай, как он есть: Быт и политика: Наблюдения, факты, выводы. Шанхай: Рус. тип. «График», 1933. 371 с. В.И. (Всеволод Иванов) Китай, как он есть // Заря. Харбин, 1933; Рец.: Густав Д. О новых книгах: «Китай, как он есть» // Парус. 1932. № 10. С. 88.

Из рецензии: «Для журналистов книга Л.В. Арнольдова может быть настольной книгой. Автор не только хорошо знает Китай, но обладает живым острым умом и способностью наблюдать и затем рассказать. Арнольдов — не сухой ученый-этнограф, только и знающий, что ссылаться на синологическую литературу. Он сам знает то, о чем пишет. Кроме того, у него умение легко и точно выражать свою мысль, что позволяет читать эту специальную книгу самым широким кругам читателей» (— с. Книжные новинки // Рубеж. 1933. № 15 (8 апр.). С. 23).

Как писать о Китае.

О Китае написано много книг. С незапамятных времен, Китай привлекал своими тайнами, своей величиной, своей культурой внимание и дразнил любопытство, как путешественников, так и повествователей.

Особенно обильны количеством книги о Китае, появившиеся на европейских языках, на протяжении девятнадцатого века.

Странам англо-саксонской культуры Китай был «открыт», сто лет назад, миссионером Моррисоном, который, подвижнически, в самом начале прошлого столетия, начал, в полном китайском уединении и исключительно китайском окружении, составлять свой, ныне столь прославленный, ставший классическим, словарь живого англо-китайского языка.

Очень много для изучения Китая делали, до 1914 года, немцы; теперь этот интерес к Китаю в Германии снова возрождается и так как активной, «колониальной» политики немцы, после Версаля, пока не ведут, то их интерес носит более альтруистически, более спокойно научный характер, чем прежде, в эпоху овладения полуостровом Кiao-Чао, устройства морской базы и крепости Циндао и реализации пекинских «побед» ген. Вальдерзее.

ГЛАВА I.

Как писать о Китаѣ.

О Китаѣ написано много книг.

С незапамятных времен, Китай привлекал своими тайнами, своей величиной, своей культурой вниманіе и дразнил любопытство, как путешественников, так и повѣствователей.

Особенно обильны количеством книги о Китаѣ, появившіяся на европейских языках, на протяженіи девятнадцатаго вѣка.

Странам англо-саксонской культуры Китай был „открыт“, сто лѣтъ назад, миссіонером Моррисоном, который, подвижнически, в самом началѣ прошлаго столѣтія, начал, в полном китайском уединеніи и исключительно китайском окруженіи, составлять свой, нынѣ столь прославленный, ставшій классическим, словарь живого англо-китайскаго языка.

Очень много для изученія Китая дѣлали, до 1914 года, нѣмцы; теперь этот интерес к Китаю в Германіи снова возрождается и так как активной, „колониальной“ политики нѣмцы, послѣ Версаля, пока не ведут, то их интерес носит болѣе альтруистическій, болѣе спокойно-научный характер, чѣм прежде, в эпоху овладѣнія полуостровом Кіао-Чао, устройства морской базы и крѣпости Циндао и реализаціи пекинских „побѣд“ ген. Вальдерзее.

Не мало было написано книг о Китаѣ и на русском языкѣ.

Наш славный миссіонер Іакинф Бичурин, о котором до сих пор с глубоким почтеніем говорят среди русских, серьезно изучающих китайскій вопрос, цѣлый ряд болѣе

Немало было написано книг о Китае и на русском языке.

Наш славный миссионер Иакинф Бичурин, о котором до сих пор с глубоким почтением говорят среди русских, серьезно изучающих китайский вопрос; целый ряд более поздних русских синологов в Петербурге, проф. Васильев, Позднеев, во Владивостоке Кюннер, среди них едва-ли не первый по умению широко охватить тему и проникновенно в ней разобраться — Сергей Георгиевский, который, помимо более мелких, размерами и по содержанию, работ, подарил русскую синологию капитальной монографией «Принципы жизни Китая» (СПб. Тип. И. Н. Скороходова. 1888).

Кружок серьезных китаеведов составилсся и в Харбине. Многие, по началу дилетанты, из его рядов выбились, потом, на путь обстоятельного, а главное, осторожного и терпеливого изучения Китая.

Надо утвердить сразу следующий принцип: Китай нельзя изучать «заочно», или ограничить свое изучение этой огромной страны и ее разноплеменного народа каким-либо одним районом.

Чтобы «охватить» Китай, овладеть темой, надо если не жить, то побывать в Маньчжурии, в Пекине и Калгане, постранствовать по Шандую, забраться и Шаньси, пожить в бассейне великой Голубой реки (Ян-Цзе-Цзяна), надо знать центры иностранного расселения: Тяньцзинь, Шанхай, Трехградье (Ханькоу) и обязательно изучить юг, во главе с Кантоном, который играет за последние три десятка лет такую заметную и такую активную роль в истории революционного периода, гражданской войны и вопросов о путях объединения страны.

Затем, весьма существенным, при изучении Китая, в любом разрезе: исторического Китая, китайского народного хозяйства, китайской торговли или земледелия, китайской юриспруденции литературы или прессы, мы считаем ознакомление, более или менее основательное, во всяком случае на протяжении трех или пяти лет не менее, с китайским разговорным языком (гуан-хуа) и китайской письменностью, хотя бы для повседневного обихода и более дружеского и интимного общения с китайцами (не только с теми, кто владеет иностранными языками).

поздних русских синологов в Петербурге, проф. Васильев, Поляев, во Владивостоке Кисор, среди них едва-ли не первый по умению широко охватить тему и проникновенно и в ней разобраться — Сергей Георгиевский, который, помимо более мелких, разбранил и по содержанию, работ, подарила русскую синологию капитальной монографией „Принципы жизни Китая“ (СПб. Тип. И. Н. Скороходова. 1888).

Кружок серьезных китайцев составили и в Харбин и многие, по началу дилеттанты, из его рядов вылились, потом, на пути обострившегося, а главное, осторожного и терпеливого изучения Китая.

Надо утвердить сразу сфавдующий принцип: Китай нельзя изучать „заочно“, или ограничить свое изучение этой огромной страны и ее разноразличного народа каким-либо одним районом.

Чтобы „охватить“ Китай, овладеть темой, надо если не жить, то побывать в Маньчжурии, в Пекине и Калгане, постраивать по Шанхаю, забраться в Шанси, пожить в бассейне великой Голубой реки (Ян-Цзы-Цзян), надо знать центры иностранного населения: Тяньцзинь, Шанхай, Трехградье (Ханьку) и обязательно изучить юг, во главе с Кантоном, который играет за последние три десятилетия такую замкнутую и такую активную роль в истории революционного периода, гражданской войны и вопросов о путях объединения страны.

Затем, весьма существенным, при изучении Китая, в любом разрыве: исторического Китая, китайского народного хозяйства, китайской торговли или земледелия, китайской организации, литературы или прессы, мы считаем ознакомление, более или менее обстоятельное, во всяком случае на протяжении трех или пяти лет не меньше, с китайским разговорным языком (гуан-хуа) и китайской письменностью, хотя-бы для повседнежного обихода и более дружеского и интимного общения с китайцами (не только с теми, кто владеет иностранными языками).

Чтение серьезных трудов о Китае очень помогает, но может служить лишь пособием при самостоятельном, серьезном и настойчивом, изучении этой страны и ее народа.

При этом надо хорошо помнить, что о Китае написано и, в особенности, сейчас пишется на всех языках

2

так много недостаточного, противоречивого, часто откровенно безграмотного, что чтение европейской литературы о Китае подчас приносит больше вреда, чем пользы.

В подходе к Китаю надо постоянно помнить и никогда не забывать, что „с кондачка“ или только теоретически нельзя постигнуть Китай.

Даже если вы где-либо в европейском университете или в Америке, у опытного учителя, и при помощи общения с китайской учащейся молодежью, могли усвоить, в общем не трудный, китайский разговорный язык, то это еще далеко не значит, что вы *знаете* Китай и что вы в нем станете сразу разбираться *посад того*, как высадитесь с парохода в Шанхае или в Тяньцзини и будете говорить по китайски с отечественными бойцами, будете высказывать комплименты от тех интеллигентов китайцев — чиновников министерств, клерков в банках и конторах, представителей китайской интеллигенции или от китайских журналистов, — вашему китайскому языку и вашей „эрудинции“ в „the things chinese“.

В Китае все идет по особому, уклад и темпы жизни совсем иные, как иными путями здесь воспринимаются явления и факты политики, императивные принципы морали и даже цифры в трудах по экономической политике.

Для того, чтобы начать *использовать* Китай, поскольку это вообще доступно для европейского мозгового аппарата, надо жить в Китае годами, работать в нем и охотно общаться с китайским народом, присматриваться, прислушиваться, копить факты собственного опыта, делять свои и для себя, независимые, выводы, размышлять, не боясь признавать свои ошибки, когда они обнаружатся, порождаясь недостаточностью, по началу, опыта и только при этом нетерпеливом, прилежном, а главное, честном способе продолжного изучения, вы достигните, через довольно много лет, тех результатов, за которые вам потом не придется извиняться.

Надо помнить, что, помимо всего прочего, человек, пишущий о Китае, должен обладать не только всеми наличными данными синологической эрудиции, но и особым даром разбираться именно в „китайских вещах“.

Иначе все равно ничего не получится, потому что даже у таких, всеми признанных авторитетов, как извѣстный и уважаемый французский синолог д-р А. Ф. Ле-

3

Развороты книги «Китай, как он есть». Шанхай, 1933

жандр, автор цѣлаго ряда исследований о Китае и автор книги, которая считается едва-ли не классической: „La civilisation chinoise moderne“, имѣются ошибки и встречаются выкладки, которые жизнь без труда опровергает.

Чтобы писать о Китае, мало, повторим, изучить китайский язык и странствовать по Китаю, надо имѣть дар истолкования сложных вопросов китайцев и надо быть, вообще, разносторонне образованным человеком, располагать хотя бы элементарными знаниями в истории человечества, антропологии, этнографии, социологии, экономики и философии права.

Такими знаниями была в полной мѣрѣ надѣлен Дк. О. П. Базил.

Вот почему двѣ его работы о Китае: „China under the Empress Dowager“ и „Essent events and present policies in China“ создали ему репутацию непревзойденного авторитета, с каковыми авторитетом может спорить разве только такой столик синолог, как, до сих пор еще благополучно здравствующий, Herbert A. Giles, автор настольной книги: „The civilisation of China“.

Теперь читатель не только может, но и должен спросить: «а как-же вы, — вы тоже пишете или во всяком случае, рискуете писать о Китае? Надѣлены-ли вы всеми необходимыми знаниями, обладаете ли вы специальным даром разбираться в китайском вопросе и вообще, читатель ли вы сами в правѣ писать на эту тему?..»

И, тут, должно послѣдовать откровенное и, при том, без всякой рисовки, признание автора, которое сводится к тому, что необходимыми знаниями он не считает себя надѣленным в той степени, в которой хотѣлось бы, что автор этой книги отнюдь не претендует на то, что он может безосновочно разбираться в китайских фактах, явлениях и «вещах» и что если он, все таки, рискует писать о Китае, то тому сдѣлают ниже приведенные причины.

Первая причина та, что автор тот уже пятнадцать лѣт безвызвано находится на территории Китая, много путешествовал по странѣ, всюду и всегда старался вступать в живое общение с китайским населением, от министров до людей самых простых, провел пять лѣт на сѣверѣ Китая, восемь лѣт провѣл на китайском югѣ, постоянно пополнял свои фактическия знания и наблюдѣния прилежным чтѣнием и почитает себя внимательным и

старательным учеником, по количеству лѣт если не заслужившим, то *используя* право говорить о Китае.

Вторая причина та, что, послѣ 1917-18 г.г., о Китае почти не выходят на русские языки книг, претендующих на объективность, безпристрастие и составленных людьми, которые не только живут в Китае, но и изучают эту страну, ее народ, его прошлое и настоящее, сдѣла в первых рядах за тѣм, как развѣтываются событія на исторической сценѣ китайской современности.

Но и с этой оговоркой, в своих писаніях о Китае (автор заявляет об этом наперед) он отнюдь не претендует на «ученость», не считает *всѣх* своих суждений безапелляционными, не рассматривает своих писаній, как чего-то окончательно сложившагося, законченнаго, отдаланнаго до конца, «вещи в себѣ».

Работая всѣ эти пятнадцать лѣт в Китае в качествѣ русского журналиста и, по характеру профессіи, вынужденнаго сдѣлать за ходом событій, имѣющаго, к тому же, легкую возможность провѣрять факты из первоисточников, а также, встречаясь и говоря с тѣми, кто «дѣлает» современную китайскую исторію, автор смѣет думать, что его скромная наблюдѣния не окажутся бесполезными для тѣх, кто интересуется Китаем, не жил по-долгу, в Китае, но кто живо воспринимает событія, будоражаща почти от края до края эту великую страну, вот уже на протяжении четверти вѣка сотрясаемую судорогами глубокого революціоннаго социального, политическаго и государственнаго реформаторскаго движенія.

На ряду с бѣлыми, калейдоскопическими, противорѣчивыми, а потому, сбивающими и путающими перспективу сообщеніями о Китае иностранных путешественников, которые сюда прѣзжали на несколько мѣсяцев и, потом, предлагали свои рецепты истолкованія причин и слѣдствій грандіозных, интригующихъ всѣмъ мирѣ, событій, продолжающихъ разгорачиваться на землях Китая, наши наблюдѣния, немногіе выводы и, возможно большае количество, нами самими воспринятыхъ фактовъ, должны, как намъ кажется, помочь разбираться в китайскомъ вопросѣ, который сам по себѣ очень сложен и который поддается истолкованію и усвоенію лишь с большимъ трудомъ даже здѣсь, на мѣстѣ.

4

5

Чтение серьезных трудов о Китае очень помогает, но может служить лишь пособием при самостоятельном, серьезном и настойчивом, изучении этой страны и ее народа.

При этом надо хорошо помнить, что о Китае написано и, в особенности, сейчас пишется на всех языках так много недостоверной, противоречивой, часто откровенно безграмотной публицистики, что чтение европейской литературы о Китае подчас приносит больше вреда, чем пользы.

В подходе к Китаю надо постоянно помнить и никогда не забывать, что «с кондачка» или только теоретически нельзя постигнуть Китай.

Даже если вы где-либо в европейском университете или в Америке, у опытного учителя, и при помощи общения с китайской учащейся молодежью, могли усвоить, в общем нетрудный, китайский разговорный язык, то это еще далеко не значит, что вы узнали Китай и что вы в нем станете сразу разбираться после того, как высадитесь с парохода в Шанхае или в Тяньцзине и будете говорить по-китайски с отельными боями, будете выслушивать комплименты от тех интеллигентов китайцев — чиновников министерств, клерков в банках и конторах, представителей китайской интеллигенции или от китайских журналистов, — вашему китайскому языку и вашей «эрудиции» в «the things Chinese».

В Китае все идет по-особому, уклад и темпы жизни совсем иные, как иными путями здесь воспринимаются явления и факты политики, императивные принципы морали и даже цифры в трудах по экономической политике.

Для того, чтобы начать постигать Китай, поскольку это вообще доступно для европейская мозгового аппарата, надо жить в Китае годами, работать в нем и охотно общаться с китайским народом, присматриваться, прислушиваться, копить факты собственного опыта, делать свои и для себя, независимые, выводы, размышлять, не бояться признавать свои ошибки, когда они обнаружатся, порожденный недостаточ-

ностью, по началу, опыта и только при этом неторопливом, прилежном, а, главное, честном способе подлинного изучения, вы достигните, через довольно много лет, тех результатов, за которые вам потом не придется извиняться.

Надо помнить, что, помимо всего прочего, человек, пишущий о Китае, должен обладать не только всеми наличными данными синологической эрудиции, но и особым даром разбираться именно в «китайских вещах».

Иначе все равно ничего не получится, потому что даже у таких, всеми признанных авторитетов, как известный и уважаемый французский синолог д-р А.Ф. Лежанр, автор целого ряда исследований о Китае и автор книги, которая считается едва ли не классической: «*La civilisation chinoise moderne*», имеются ошибки и встречаются выводы, которые жизнь без труда опровергает.

Чтобы писать о Китае, мало, повторяем, изучить китайский язык и странствовать по Китаю, надо иметь дар истолкования сложных вопросов китаеведения и надо быть, вообще, разносторонне образованным человеком, располагать хотя бы элементарными знаниями в истории человечества, антропологии, этнографии, социологии, экономики и философии права.

Таковыми знаниями был в полной мере наделен Дж. О.П. Блэнд.

Вот почему две его работы о Китае: «*China under the Empress Dowager*» и «*Recent events and present policies in China*» создали ему репутацию непререкаемого авторитета, с каковым авторитетом может спорить разве только такой столп синология, как, до сих пор еще благополучно здравствующий, Herbert A. Giles, автор настольной книги: «*The civilisation of China*».

Теперь читатель не только может, но и должен спросить: «а как же вы, — вы тоже пишете или во всяком случае, рискуете писать о Китае? Наделены ли вы всеми необходимыми знаниями, обладаете ли вы специальным даром разбираться в китайском вопросе и вообще, считаете ли вы себя в праве писать на эту тему?..».

Вот из этих соображений и исходит автор, когда он, зная всю запутанность, всю глубину и разнообразие и, так сказать, неисчерпаемость темы, рискует все-таки предложить общественному вниманию свои китайскія наблюдения и свои выводы из наблюдений китайской дѣйствительности.

В этих наблюдениях, навѣрное, есть ошибки, но в них нѣтъ предвзятости.

В подобранных фактах, может быть, не всякій раз прослѣжена до конца их причинная связь, и не всѣ выводы вѣрны, но в них нѣтъ подтасовки.

ГЛАВА II.

Прошлое и настоящее.

Среди синологов идет жаркій спор: одни утверждают, что Китай переживает глубокий, внутренний процесс перерождения тканей, не только политическую и экономическую, но и социальную революцію, другіе, не менѣе убѣжденно, говорят, что всѣ разговоры и писанія на счет китайскаго ренессанса обманчивый мираж тѣх иностранцев-китаевѣдов, которые живут, обычно, в приморских, дѣйствительно быстро европеизирующихся, городах, ничѣм не напоминающих подлинный, внутренний Китай, остающийся от вѣка неизмѣнным.

Когда на это возражают, что не всѣ синологи ограничивают свои наблюдения Шанхаем, Тяньцзином или Кантоном, то говорят, что если не всѣ, то большинство иностранцев, путешествующих по китайской провинціи, передаются, из рук в руки, тѣм молодым китайским администраторам, которые всюду теперь стоят у власти: — бывшіе студенты, возвратившіеся из Европы или из Америки, выученики миссіонерских университетов, активные работники многочисленных отдѣленій китайскаго христіанскаго союза молодых людей и члены партіи Гоминдан, которые, часто безсознательно, ведут агитацію за то, что Китай переживает подъем творческих сил, реформируется, переустраивается, модернизируется и т. д.

Спор по этому вопросу отвлек-бы нас от основной темы. Одно можно утверждать с полной достовѣрностью, что міровой прогресс, техническій и экономическій, сказывается и под небом Срединнаго Государства.

И, тут, должно последовать откровенное и, при том, без всякой рисовки, признание автора, которое сводится к тому, что необходимыми знаниями он не считает себя наделенным в той степени, в которой хотелось бы, что автор этой книги отнюдь не претендует на то, что он может безошибочно разбираться в китайских фактах, явлениях и «вещах» и что если он, все таки, рискует писать о Китае, то тому следуют ниже приводимые причины.

Первая причина та, что автор вот уже пятнадцать лет безвыездно находится на территории Китая, много путешествовал по стране, всюду и всегда старался вступать в живое общение с китайским населением, от министров до людей самых простых, провел пять лет на севере Китая, восемь лет провел на китайском юге, постоянно пополнял свои фактические знания и наблюдения прилежным чтением и почитает себя внимательными старательным учеником, по количеству лет если не заслужившим, то выслужившим право говорить о Китае.

Вторая причина та, что, после 1917–18 г.г., о Китае почти не выходит на русском языке книг, претендующих на объективность, беспристрастие и составляемых людьми, которые не только живут в Китае, но и изучают эту страну, ее народ, его прошлое и настоящее, следя из первых рядов за тем, как разворачиваются события на исторической сцене китайской современности.

Но и с этой оговоркой, в своих писаниях о Китае (автор заявляет об этом наперед) он отнюдь не претендует на «ученость», не считает всех своих суждений безапелляционными, не рассматривает своих писаний, как чего-то окончательно сложившегося, законченного, отделанного до конца, «вещи в себя».

Работая все эти пятнадцать лет в Китае в качестве русского журналиста и, по характеру профессии, вынужденного следить за ходом событий, имеющего, к тому же, легкую возможность

проверять факты из первоисточников, а также, встречаясь и говоря с теми, кто «делают» современную китайскую историю, автор смеет думать, что его скромные наблюдения не окажутся бесполезными для тех, кто никогда не был, тем более не жил подолгу, в Китае, но кто живо воспринимает события, будоражащие почти от края и до края эту великую страну, вот уже на протяжении четверти века сотрясаемую судорогами глубокого революционного социального, политического и государственного реформаторского движения.

На ряду с беглыми, калейдоскопическими, противоречивыми, а, потому, сбивающими и путающими перспективу сообщениями о Китае иностранных путешественников, которые сюда приезжают на несколько месяцев и, потом, предлагают свои рецепты истолкования причин и следствий грандиозных, интригующих весь мир, событий, продолжающих разворачиваться на землях Китая, наши наблюдения, немногие выводы и, возможно большее количество, нами самими воспринятых, фактов, должны, как нам кажется, помочь разбираться в китайском вопросе, который сам по себе очень сложен и который поддается истолкованию и усвоению лишь с большим трудом даже здесь, на месте.

Вот из этих соображений и исходит автор, когда он, зная всю запутанность, всю глубину и разнообразие и, так сказать, неисчерпаемость темы, рискует все-таки предложить общественному вниманию свои китайские наблюдения и свои выводы из наблюдений китайской действительности.

В этих наблюдениях, наверное, есть ошибки, но в них нет предвзятости.

В подобранных фактах, может быть, не всякий раз прослежена до конца их причинная связь, и не все выводы верны, но в них нет подтасовки.³⁷

37 *Арнольд Л. В.* Китай, как он есть: Быт и политика: Наблюдения, факты, выводы. Шанхай: Рус. тип. «График», 1933. с. 1–6

Книга: Из страны белого солнца: Этюды о Китае. Шанхай:
Изд-во А.П. Малык и В.П. Камкина, 1934. 438 с.

Посвящается моей Матери.³⁸

Настоящая книга является прямым следствием моего труда «Китай, как он есть», принятого весьма доброжелательно читателями и критикой. Этюды о Китае, объединенные заглавием «Из страны Белого Солнца», не требуют ни длинного предисловия, ни специальной заключительной главы, подводящей итоги. Внимательный читатель поймет со страниц самой книги без подсказки, верит ли автор в будущее Китая или у него нет этой веры. Живя в Китае долгие годы, мы не могли подметить никаких доказательных признаков упадка, наоборот, многое говорит за то, что эта неисчислимая нация становится, в конце концов, на путь укрепления государственных основ. Что же касается интеллектуального ренессанса, то он бесспорен. Возможно, что ни мы, ни дети наши не увидят еще Китай полностью восстановленным во всем великолепии его древнего и славного прошлого. Но даже если процесс возрождения великого народа затянется на столетия, человечество не должно терять веры в будущее Китая.

Еще хочется мне наперед извиниться перед читателем за ошибки и опечатки. Набиралась эта книга и даже правилась китайцами, не знающими русского языка, что должно служить известным оправданием и для автора и для издательства.

Март 1934. Шанхай.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО.

Какое производит первое впечатление на новопришельца Китай?

Это зависит, конечно, от того, откуда и как вы в него попадаете.

Человеку, едущему с Запада, по железной дороге через Сибирь, местом встречи с Китаем является ст. Маньчжурия — равнина, ничем не отличающаяся от соседней Забайкальской: валкие,

38 Арнольдова, Любовь Владимировна (16 авг. 1865 – после 1945).

ленивые сопки на горизонте, по весне и летом кругом — трава-мурава, к осени, после палящего июля — пыль, которая наносится с просторов Монголии, которая зимою бьет в лицо ледяными иглами, которая крутит иногда над Харбином желтым самумом, против которого не могут устоять даже двойные рамы; она хрустит на зубах, забирается в уши, в мгновение ока грязнит белый воротничок и покрывает желтоватым, плотным слоем полированные поверхности обстановки в комнатах.

Вдоль железной дороги на Харбин некоторые станционные постройки стилизованы еще русскими под трафаретный, обще-китайский стиль и рабочие вдоль полотна дороги — сплошь китайцы.

Если вы едете ночью, летом, и, над несущимся поездом, висит, в звенящем воздухе, огромная, желтоватая луна и вы чувствуете, что после игрушечной Европы вы уже вступили в необъятные просторы Азии и впереди вас ждет Великий (или, почему то, — Тихий!) Океан, то в вашем воображении сами собою, начинают возникать волнующие образы монгольских завоевателей, Чингис или Кублай ханов, их становище, необъятные, давящие размеры их вселенских владений, их победы и завоевания, несметные сокровища, которых они не ценили и таинственная связанность российских исторических судеб с Азией, которая ощущалась нами за долго до того, когда о ней настойчиво заговорили евразийцы.

В Харбине много китайского, но ни прежде, — ни теперь это китайское в Харбине начало не чувствовалось там так, как оно чувствуется на каждом шагу, скажем, в Шанхае, не смотря на весь его набивший оскомину, космополитизм.

Для того, чтобы «из окна вагона» почувствовать и ощутить Китай, надо в Мукдене свернуть на Тяньцзинь и Пекин.

Подъезжая к Тяньцзиню, а, потом, следуя три часа на Пекин, вы смотрите жадными от любопытства глазами за бесчисленными, серо-черными мазанками деревенской или пригородной бедноты, которую прикрывают от тяжелых субтропических ливней или от палящего летом солнца, крохотный крыши из самодельной черепицы.

*Дорогому Борису Борисовичу Рин-
монову, неутомимому автору
книг, которых, как я знаю по
личному опыту — так трудно
создавать на Дальнем Востоке.*

Л. В. Арнольд

Преподаватель китаеведения на Высших
Экономико-Юридических Курсах в Шанхай.
Б. преподаватель Омского Сельско-Хозяй-
ственного Института.

В. Ринмонов

16.VI.34.

Из страны Бѣлаго Солнца

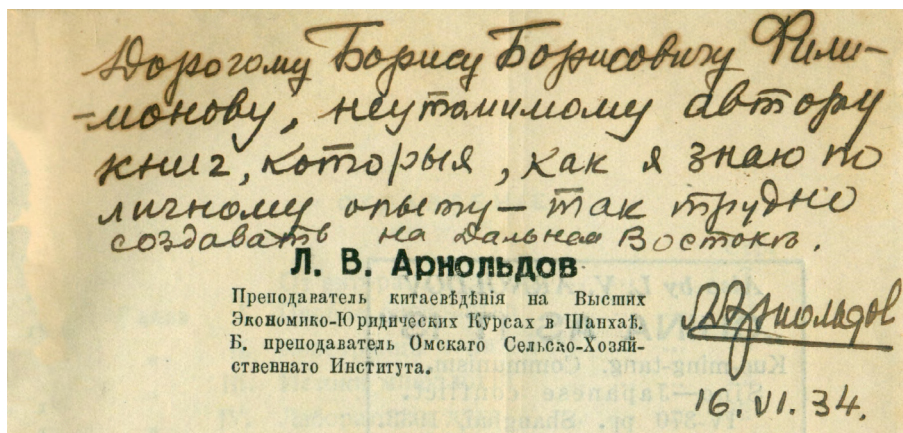
Этюды о Китаѣ

„Кто умирая не погибает,
тот долговѣчен“.

Лао Цзы („Дао-дэ-цзин“, тл. 33.)

Книгоиздательство
А. П. Малык и В. П. Камкина
Шанхай
1934

Титульный лист книги «Из страны Белого Солнца», 1934

На титульном листе автограф: «Дорогому Борису Борисовичу Филимонову, неутомимому автору книг, которые, как я знаю по личному опыту — так трудно создавать на Дальнем Востоке. Л. Арнольд. 16 июня 34-ого года»

Эти жилища, сплошь прокопчённые изнутри, почему то напоминают вам ласточкины гнезда и вы сразу вспоминаете, что китайцы употребляют ласточкины гнезда в пищу, о чем вы слыхали в Европе с раннего детства, хотя можно жить в Китае долгие годы и так и не отведать ласточкина гнезда.

Пекин, конечно, Китай: древний, величественный, волнующий и незабываемый.

Но не такой Китай, каким он представляется воображению человека, читающего в Европе романы Клода Фаррера о «курильщиках опиума».

Подлинный Китай гораздо проще, реальнее, осязаемее и милее. В нем есть свои тайны, но не там, где их искал Октав Мирбо в своем надуманном и безвкусном романе «Сад пыток».

Однако, понять Китай, не смотря на то, что он проще, чем его изображают европейские беллетристы, — не легко.

Понимать нам Китай трудно потому, что это океан людей. Разве легко постигается океан?

Фот. г. Чен Чуан-ли

Первые уроки.

Авантитул книги «Из страны Белого Солнца», 1934

Затем, и самый мозг китайца сконструирован несколько отлично от нашего европейская мозга: они также люди, как и мы, они также думают и также чувствуют, ничто человеческое им не чуждо, но воспринимая факты и явления жизни подобно нам и теми же путями — они дают им свое истолкование и отражают их в своем мозговом аппарате по своему.

На поверхности повседневного общения все это не замечается, но при более глубоком проникновении в душу китайского народа вы чувствуете, что это своеобразная душа, как своеобразна китайская культура, китайская письменность, как своеобразен общий облик китайского города, как бы не старался д-р А.Ф. Лежандр развенчать самобытность стиля китайских дворцов и храмов, как бы не критиковал он косность и убожество их архитектурного замысла, как бы не иронизировал этот блестящий и злой французский синолог над неудобствами и однообразием повседневного китайского жития.

Конечно, совсем иначе, чем из окна железнодорожного вагона, Китай развернется перед глазами путешественника, летящего на аэроплане.

Иным представляется Китай, если из Америки или, через Суэц, из Европы вы подплываете к нему, делая первую остановку в Шанхай.

Вы видите тогда только узкую полосу низкого берега, едва проступающего над поверхностью воды в неохватной дельте Ян-Цзе-Цзяна и ловите себя на мысли:

— Неужели это и есть Китай?

Морская, иссиня изумрудная, прозрачная вода становится здесь непроницаемо бурой, муть клубится на глубине и вы вспоминаете, что эту грязную воду выбрасывает в океан огромная река, упоминаемая во всех учебниках географии, на берегах которой живут десятки и десятки миллионов основного китайского населения, стоят такие города, как столица нынешнего Китая — Нанкин и Ханькоу и которая в переводе называется великой Голубой рекою.

Портрет Л. В. Арнольдова

Посвящается моей Матери.

Настоящая книга является прямым слѣдствием моего труда „Китай, как он есть“, принятаго весьма доброжелательно читателями и критикой. Этюды о Китаѣ, объединенные заглавіем „Из страны Бѣлаго Солнца“, не требуют ни длиннаго предисловія, ни специальной заключительной главы, подводящей итоги. Внимательный читатель поймет со страниц самой книги без подсказки, вѣрит ли автор в будущее Китая или у него нѣтъ этой вѣры. Живя в Китаѣ долгіе годы, мы не могли подмѣтить никаких доказательных признаков упадка, наоборот, многое говорит за то, что эта неисчислимая нація становится, в концѣ концов, на путь укрѣпленія государственных основ. Что же касается интеллектуальнаго ренессанса, то он безспорен. Возможно, что ни мы, ни дѣти наши не увидят еще Китай полностью возстановленным во всем великолѣпіи его древняго и славнаго прошлаго. Но даже если процесс возрожденія великаго народа затянется на столѣтія, человѣчество не должно терять вѣры в будущее Китая.

Еще хочется мнѣ наперед извиниться перед читателем за ошибки и опечатки. Набиралась эта книга и даже правилась китайцами, не знающими русскаго языка, что должно служить извѣстным оправданіем и для автора и для издательства.

Март 1934
Шанхай.

Предисловие автора в книге «Из страны белого солнца», 1934

Но, потом, все эти «первые впечатления» смешиваются и без конца пополняются подлинными и точными впечатлениями от долгих лет пребывания в стране, которая, чем больше вы в ней живете, кажется все менее вами постигаемой, все более сложной.

Нам, жителям городов, думается, что из европейцев, по-настоящему и хорошо Китай знают только миссионеры.

Они десятками лет живут, почти безвыездно, по медвежьим углам отдаленнейших провинций, в толще и гуще китайских масс, еще почти не затронутых воздействием европейской цивилизации, они все, как правило, прилежно изучают китайский язык, хорошо говорят на нем, пишут и читают и, занимаясь уловлением китайских душ в сети религии — проникают глубинно в психику этого народа.

Но читая некоторые из их трудов, вы, вдруг, приходите к выводу, что и они, знатоки и специалисты, многое истолковывают по-европейски предвзято, что они также могут делать роковые ошибки, как и вы, подходящие к Китаю с теоретическим изучением его.

Но знакомство, не смотря на трудность темы, продолжается: вы разговариваете с китайцами, читаете книги о Китае, расспрашиваете тех иностранцев, которых вы считаете осведомленными в китайских делах, вы, наконец, сами пишете о Китае и по китайским вопросам. Как доказательство сказанному ниже и следуют наши «Этюды о Китае».

У Китая много ликов, и если начать основательно изучать эту страну и ее народ, то как то само собой нарастает чувство живой симпатии к Китаю, а интерес к нем нему никогда не иссякнет.

Китай поражает нас своими размерами, разнообразием своих ландшафтов, трудолюбием много- терпеливого, многомиллионного народа, он волнует наше воображение образчиками тонкой и изысканной красоты, он увлекает нас вечно меняющимся, пестрым и прихотливым, калейдоскопом своей политической жизни, не похожей на политическую жизнь ни одного другого народа.³⁹

39 Арнольд Л. В. Из страны белого солнца: Этюды о Китае. Шанхай: Изд-во А.П. Малык и В.П. Камкина, 1934. с. 9–14

Журналист Ананий Горбунов:
«От брокера до... репортера»

從經紀人到.....記者

(8 мая 1883 г., Баргузин — ?)

Горбунов Ананий Александрович (псевдонимы Анаша, Вас. Горин) роился 8 мая 1883 года. До революции 1917 года был предпринимателем, имел подряды от военного ведомства. В августе 1917 года поселился в Тяньцзине, где продолжил мелкие торговые операции. С 1934 года работал судебным репортером в местной газете «Наша заря».

Монгольская эпопея Автор у своего „передвижного магазина“, перед отправлением в Ургу.

А. А. ГОРБУНОВ

(Вас. Горин)

От брокера до... репортера

(Воспоминанія тяньцзинца)

Тяньцзин

Книга: От брокера до... репортера: (Воспоминания тяньцзинца). Тяньцзинь: Тип. The Chili Press, [1927]. 42 с.: портр.

От автора

...жизнь большинства шла мирно, в крепко установившихся условиях, — родился, учился, женился, в меру работал, в меру веселился, наплодил потомство и — отбыл в края, где нет ни печали, ни воздыханий...

Сейчас писателю нет необходимости бродить с своим профессиональным фонарем в поисках «любопытных персонажей». Миллионы людей всех стран и народов, волей бурного времени, переживали и переживают из года в год, нередко, изо дня в день, совершенно непредвиденные, чаще всего трагические, а сплошь да рядом трагикомические приключения...

Оглянитесь кругом и даже здесь, в обстановке тихого Тянь-цзиня, вы увидите множество людей, ваших друзей и добрых, знакомых, которым до спокойного кресла в вечернем «Кунсте», до неспешных занятий в комфортабельном офисе, пришлось пережить такую калейдоскопическую эпопею, что она, бесспорно, удовлетворила бы самого взыскательного романиста.

Моя жизнь не представляет исключения из современной повседневности, но по пережитому мной, по пестроты по сотням самых несуразных житейских этапов, по приключениям и неожиданным переменам, — она, право, не хуже, скажем, истории о «Синбаде-мореплавателе» или занятного романа Уильяма Локка об Аристиде Пюжолле.

Впрочем, остановлюсь во время, чтобы снова не заслужить упрека по поводу «красивых слов». Предоставляю самим моим любезным читателям дать должную оценку первого литературного дебюта человека, который взялся за перо, не мудрствуя лукаво.

Судьба кидала меня из конца в конец родной страны, забрасывала за ее рубежи, заставляла меня заниматься множеством профессий и в центрах, и в заброшенных углах. Может быть, многим будет приятно, вместе со мной, хоть на книжных листах, снова побывать на дорогой родине, вспомнить, как хорошо, богато и вальяжно жила бывлая Россия.

предпримчивой фантазией. Жизнь большинства шла мирно, в крѣпко установившихся условіях,—родился, учился, женился, в мѣру работал, в мѣру веселился, наплодил потомство и—отбыл в края, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханій...

Сейчас писателю нѣтъ необходимости бродить с своим профессиональным фонарем в поисках “любопытных персонажей”. Милліоны людей всѣх стран и народов, волей бурнаго времени, переживали и переживают из года в год, нерѣдко, изо дня в день, совершенно непредвидѣнные, чаще всего трагическія, а сплошь-да-рядом трагико-комическія приключенія...

Оглянитесь кругом и даже здѣсь, в обстановкѣ тихаго Тяньцзиня, вы увидите множество людей, ваших друзей и добрых, знакомых, которым до спокойнаго кресла в вечернем “Кунстѣ”, до неспѣшных занятій в комфортабельном оффисѣ, пришлось пережить такую калейдоскопическую эпопею, что она, безспорно, удовлетворила бы самаго взыскательнаго романиста.

Моя жизнь не представляет исключенія из современной повседневности, но по пережитому мной, по пестротѣ, по сотням самых несуразных житейских этапов, по приключеніям и неожиданным переменам,—она, право, не хуже, скажем, исторіи с “Синбадѣ-мореплавателѣ” или занятнаго романа Уильяма Локка об Аристидѣ Пуюолѣ...

Впрочем, останавлиюсь во время, чтобы снова не заслужить упрека по поводу “красивых слов”. Предоставляю самым моим любезным читателям дать должную оцѣнку перваго литературнаго дебюта человѣка, который взялся за перо, не мудрствуя лукаво.

II

Страница из книги «От брокера до... репортера»

Зная Тяньцзинь и тяньцзинцев двадцать лет я верю, что мой настоящий литературный опыт не встретит насмешки, а это уже будет для меня достаточной наградой.

А. Горбунов⁴⁰

Судьба кидала меня из конца в конец родной страны, забрасывала за ее рубежи, заставляла меня заниматься множеством профессий и в центрах, и в заброшенных углах. Может быть, многим будет приятно, вместе со мной, хоть на книжных листах, снова побывать на дорогой родине, вспомнить, как хорошо, богато и вальяжно жила бывшая Россия ..

Зная Тяньцзин и тяньцзинцев двадцать лет, я верю, что мой настоящий литературный опыт не встретит насмешки, а это уже будет для меня достаточной наградой.

А. Горбунов.

Журналист Всеволод Иванов:
Русская молодежь в Шанхае

在上海的俄羅斯年輕人

(7 ноября 1888, Кострома — 9 окт. 1971, Хабаровск)

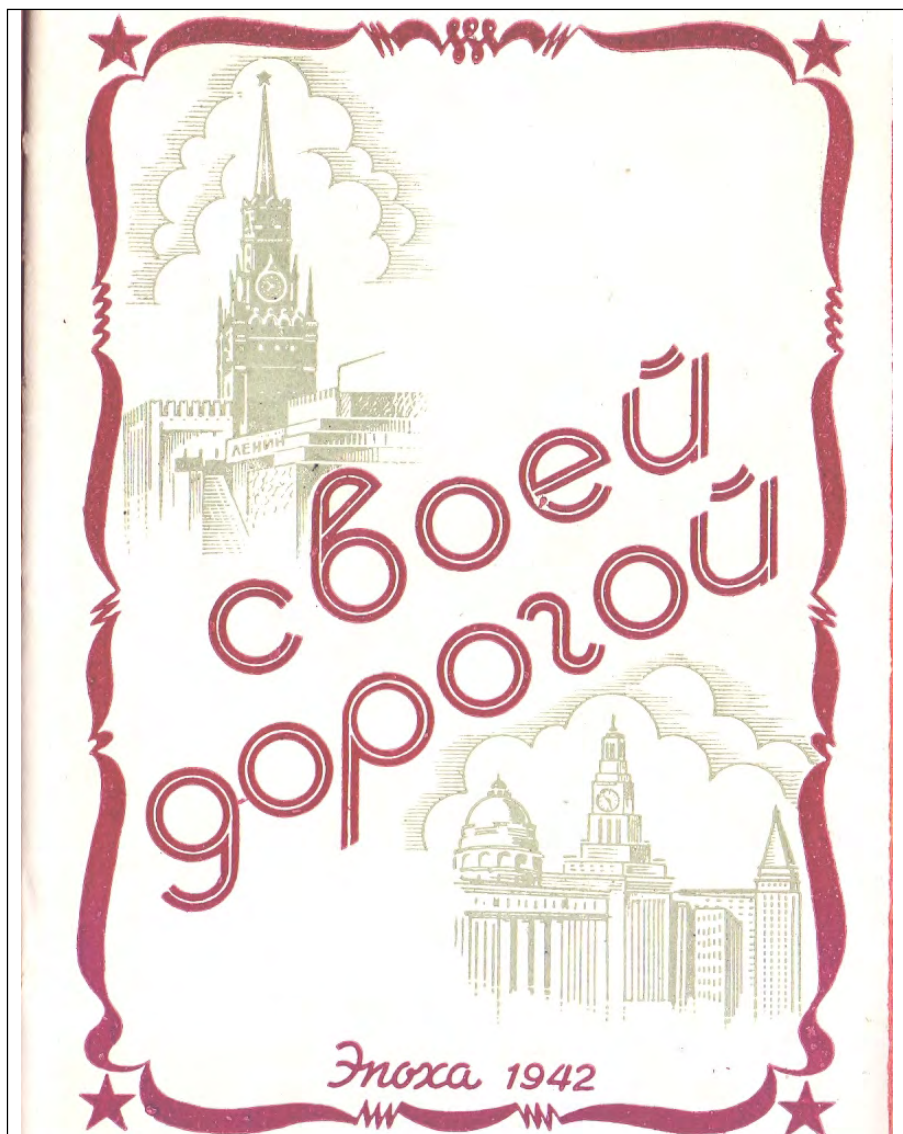
Иванов, Всеволод Никанорович. Окончил Костромскую гимназию в 1906 году и Санкт-Петербургский университет в 1911 году. Участник Первой мировой войны. Писал в газетах Омска, Владивостока и Харбина. Эмигрировал в 1922 году. Близок к атаману Г.М. Семенову и С.Д. Меркулову. Редактор газеты «Гун-Бао». Жил в Тяньцзине. Один из основателей в Тяньцзине кружка китаеведения (позднее Общество изучения Китая), первый редактор китаеведческого журнала «Вестника Китая». Гражданин СССР с 1931 года. На просоветские позиции перешел в мае 1936 года. Сотрудник газеты «China Daily Herald» до 12 октября 1937 года, публиковался в газете «Новости Дня» с 1936 по 1937 год, затем, 7 ноября 1937 года, стал главным редактором журнала «Мой журнал». Вернулся в СССР в феврале 1945 года, жил в Хабаровске, занимался литературной деятельностью. Член Союза писателей СССР.

夫諾萬一筆主俄社報公

Редактор газеты „Гун-Бао“, талантливый писатель—поэт-Всеволод
Никанорович **ИВАНОВ.**

Mr. V. N. Ivanoff—a talented Writer, the Editor of the
newspaper „Kung-Pao.”—in his cabinet,

Книга: Своей дорогой : (О русской эмигрантской молодежи) : (сборник). Шанхай : Эпоха, 1942. 38 с. Содержание: Девушка из Модягоу. Ник. Светлов, Записная книжка. Вс. Н. Иванов, Русская молодежь в Шанхае. Н. Федоров, История одного письма.

Статья: Русская молодежь в Шанхае

Много лет тому назад в России явилась пьеса «Дети Ванюшина». Она совершила тогда триумфальное шествие по всей стране, и до сих пор не сходит с советской сцены.

Кто не знает этой пьесы, этой трагедии «отцов и детей»? Когда в финале пьесы купец Ванюшин, все время занятый своими «делами» — обращает наконец внимание на «младшее поколение», он видит, что выросли какие-то чужие люди.

— Откуда вы, такие? — спрашивает он.

И его юноша-сын отвечает отцу знаменитым монологом:

Мы сверху! — Вы родили нас и отослали наверх, в мезонин, вы поручали нас учителям, гувернанткам, и нечего не знали о нас!..

Эта пьеса вспомнилась мне, когда я на днях читал статейку в местной газете о «Русской молодежи».

— Да откуда вы, такие, взялись?— изумляются взволнованные газетные папаши. — Почему вы не с нами?

Почему-же молодежи «быть с ними»? Разве эти «отцы» вели ее, руководили ею? Разве они пользуются авторитетом в ее глазах по части знания того, что происходит там, дома, на родине?

Анонимный публицист, кипя и брызжа, как самовар, впрочем утверждает, что «отцы» — «знают Россию», а молодежь — только — «чувствует»:

— «Отцы видят, понимают, не только чувствуют, молодежь же не знает СССР, и лишь чувствует Россию», пишет он.

Неужели вы серьезно думаете, что «отцы понимают СССР»?

* * *

Если говорить об отцах, то прямо удивительно, до чего, в общем, «старшее поколение» не знает СССР, да и вообще не интересуется этой страной. На днях ехал я как-то в трамвае, развернул «Правду», читаю. Сидевший рядом папаша какого-то отпры-

ска приклонился к моему газетному листу, стал читать и, наконец, обратился ко мне с вопросом:

— А разрешите спросить, какая это газета?

— Московская!

— А ее можно читать?

— А сколько угодно!

— А где же ее достать?

— Там то и там то... И стоит всего четвертак, дешевле местных газетных грибов...

Надо признать, что доселе в Шанхае как то в доблесть ставится известному слою старого поколения ничего не читать и ничего не знать о Советском Союзе, о том, что там делается, строится, говорится, пишется, и т. д. Людей, читающих советские газеты, жмут, берут на подозрение и даже клеветают на них работодателям. Духовенство ведет открыто свою проповедь против чтения советских газет, как против смертного «греха». Попробуйте достать в местных библиотеках книгу об СССР; это вам удастся лишь случайно, а журнала или газеты никогда не достать. Все это было «запрещено» и невежество в отношении родины многими культивировалось очень усердно.

Впрочем, признаем и то, что для многих заскоруженных эмигрантов вовсе не читать советских газет было гораздо спокойнее, чем их читать: есть какой-нибудь маломальский заработок, есть иногда рюмка водки, сиди и рассказывай о великольном прошлом, развертывай увлекательные воспоминания о славных походах, об удачных удираниях от страшных «большевиков».

Как капуста в погребе, так в душах папаш, хвативших горького белого хмеля гражданской войны, квасится доселе острая оскомина, хранится травма 1918–20 годов. Но выбрасывать это проквасившееся воспоминание жалко! Ведь как ни как — молодость! Что поставишь вместо этих прокислых кадров? Шанхайскую безотрадность? Люккавей в перспективе? И вот —

Как белый камень в глубине колодца,
В моей Душе лежит воспоминанье...

Русская молодежь в Шанхае

Много лет тому назад в России явилась пьеса «Дети Ванюшина». Она совершила тогда триумфальное шествие по всей стране, и до сих пор не сходит с советской сцены.

Кто не знает этой пьесы, этой трагедии «отцов и детей?» Когда в финале пьесы купец Ванюшин, все время занятый своими «делами» — обращает наконец внимание на «младшее поколение», он видит, что выросли какие-то чужие люди.

— Откуда вы, такие?—спрашивает он.

И его юноша-сын отвечает отцу знаменитым монологом:

— Мы сверху! — Вы родили нас и отослали наверх, в мезонин, вы поручали нас учителям, гувернанткам, и нечего не знали о нас!..

— 21 —

И еще одно. Ежели эти устаревшие воспоминания пересмотреть и выкинуть в мусорный ящик, как «аннулированные», то что же останется с условной иерархией Шанхая, которая до сих пор удивительным образом сохраняется?

Если, например, у меня нет 100.000 рублей — то я НЕ МОГУ БЫТЬ «купцом 1-ой гильдии»; но если у меня нет ни одного солдата, а только престарелая и непреклонная супруга, то все же я «рассудку вопреки, наперекор стихиям» — остаюсь «ваше превосходительство». А для «превосходительства» нужен фон, нужно блистательное общество, нужны те, которые, Как говорят, «отвечают на приветствие». И вот, во дворах некоторых учебных заведений мы иногда видим, как к бедным, плохо кормленным русским ребятишкам в погончиках подскакивает на старой кобыленке какой-то дядя, бодро «здоровается» по-военному, и затем встречает «подвысь» духовное начальство.

Один умный бородач сказал мне однажды:

— Эмиграция живет вождедением о том, что потеряла!

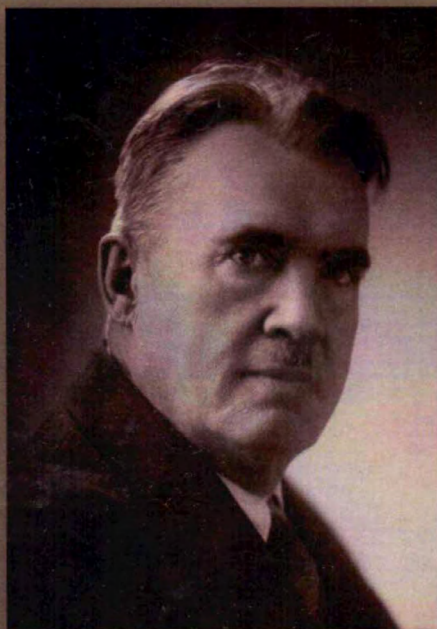
Истинная правда! И до тех пор, пока в Шанхае был кое-какой скудный хлеб, то можно было жить, отворотясь в угол, тая свои мечты, «что все скоро кончится» и жизнь будет «такая же, какая была». В сущности, только теперь, одновременно с тяжелым положением иностранного труда в Шанхае, в рядах «отцов» начинает распространяться паника:

— А что-же дальше? Что делать? Как жить?

И тут мы наблюдаем примечательное явление:

— «Отцы» начинают признавать авторитет молодежи, отцы начинают прислушиваться к тому, что она говорит. И многие неприступные дотоле позиции эмигрантских отцов падают, как карточные домики перед веселым взглядом детей:

— Отстали, папаша, от жизни! Молодежь давно уже смотрит туда, на Запад, в Москву, в обетованную страну, откуда вы, Мои-сеи наоборот, вывели нас в двадцатипятилетнее странствование... Молодежь давно решила, этот вопрос, который только теперь встал перед вами...

**КАТАЛОГ КОЛЛЕКЦИИ
ПИСАТЕЛЯ ВС. Н. ИВАНОВА
в Хабаровском краевом музее
им. Н.И. Гродекова**

Портрет автора на обложке издания «Каталог коллекции писателя
Вс. Н. Иванова в Хабаровском краевом музее им. Н. И. Гродекова»

— «Молодежь»?

Давайте уважаемые читатели оговоримся:

— Какая же это «молодежь»?

Ведь это же давно все взрослые люди, пусть они выехали из России мальчонками и девчонками, пусть большинство родилось в Харбине, пусть России, ни старой, ни новой, они не видели. Но они видели многое другое.

Здесь они видели работу китайского народа, как работу и других народов, которые живут, борются и каждый добивается своей цели.

Начнем прямо с того, что молодежь русского зарубежья теперь никак не согласна занимать «вочманские» или другие второсортные посты в жизни, на что охотно соглашались их папаша. Они учатся, по возможности, в иностранных школах, чем утверждают, что русские школы «папаш» здесь сплошное убожество. Во многих случаях русская молодежь в иностранных школах превосходит успехами детей иностранцев. Она также хочет иметь свое «отечество», не желая оставаться человеком без страны, гражданином «второго сорта» какого то ныне покачнувшегося международного города.

Если папашам достаточно только одних воспоминаний о своем отечестве, то детям — этого мало. Дети больше не хотят пережевывать рассказов об отцовских отступлениях и неудачах, страхах и удираниях; нет, они совершенно не восхищены такими авантюрным «беженскими» эпопеями: — они хотят знать свою страну, хотят любить ее. И они бестрепетно обращаются к газетам, к книгам. Они смело идут, наконец, прямо в Советское консульство. И это явление началось не теперь. Оно началось уже давно.

Еще в 1936 году, в связи с возможным нападением Гитлеровской Германии на Советский Союз — здесь дало сильные ростки так наз. «оборонческое движение». Оно обсуждалось очень оживленно в эмигрантских изданиях, и здесь и в Европе. Такие эми-

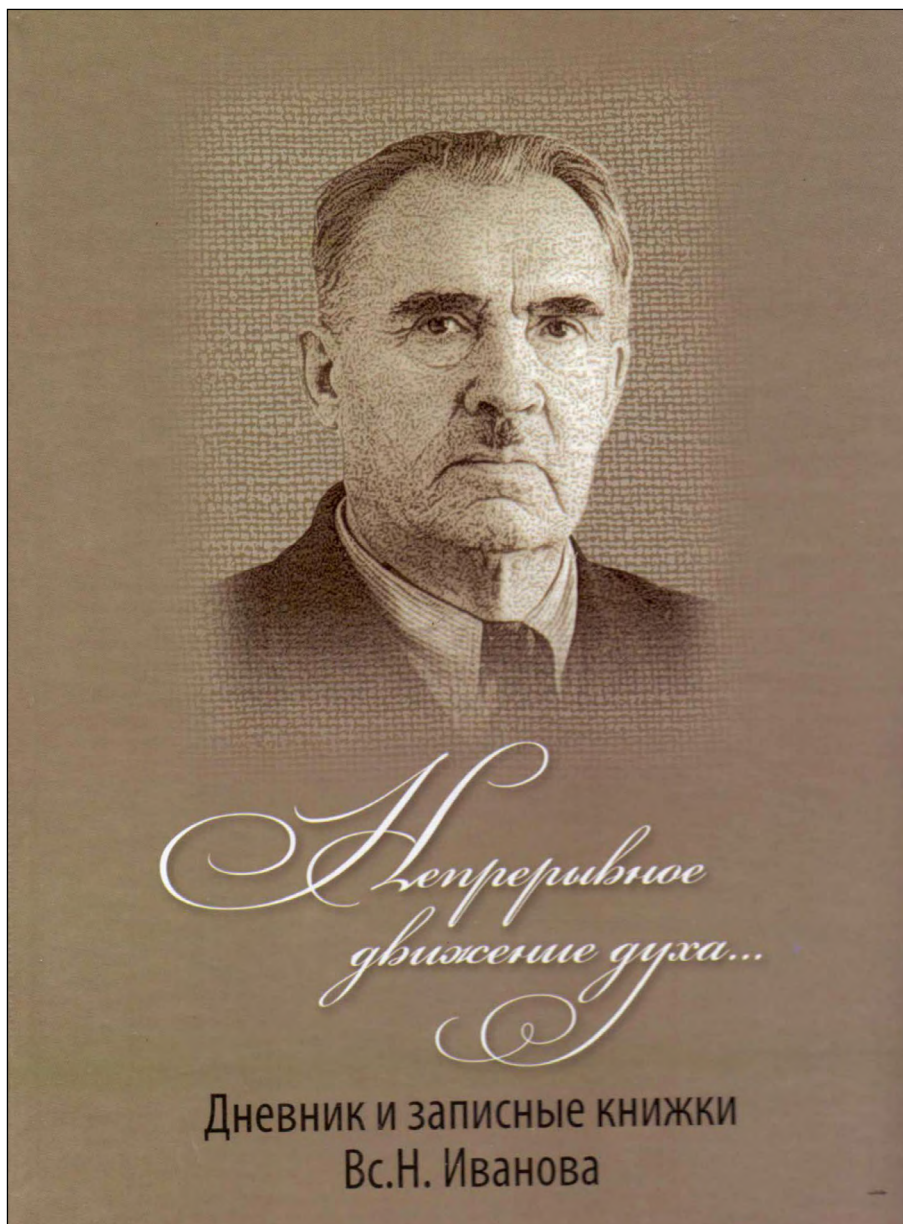
грантские организации, как, например, Младороссы, становятся на ту же «оборонческую» точку зрения, и вместе с тем начинают пересматривать свое отношение к своей стране. И как следствие этого — они вновь находят Родину. Начинается здесь, в Шанхае, так наз. «возвращенческое движение»: — Союз Возвращенцев в одно время имеет в своих списках до 500 человек. Небольшое помещение на Лов лэйн, 105, кишит народом. Начинает выходить неплохая газета «На Родину», и т. д. Только наступившие условия военного времени на Дальнем Востоке заставили эту возвращенческую работу сойти на нет. Зато гитлеровское нападение на Советский Союз 22 июня 1941 года отбросило всяческие «прикровенные» формы и двинуло публику прямо в местное Советское консульство.

В последние дни там было особенно много народу. Все они шли туда не потому что были завлечены в какие-то «сети интриг, уловлявших юные души», как злобно об этом шипит газетный аноним. Люди просто чувствуют, что у них есть Родина, и стремятся к ней. Чего проще и естественнее?

Это достойное движение среди эмиграции разгорается сейчас сильнее; потому что на Родине идет великая война, и, конечно, никому, кроме отпетых или пропитых голов с захватчиками-немцами не по пути.

Молодые русские души и умы чувствуют, как героически дерется русский народ, как он бьет этих захватчиков, как он могуче организован, видят, как героически бьется Красная армия, следуя традициям наших славных предков Александра Невского, Минина и Пожарского, Суворова, Кутузова. — Что же, скажите пожалуйста, молодежь должна, делать? Огорчаться? Говорить, что жалко, что бьют слепых шовинистов-гитлеровцев, мечтающих поработить весь мир? Нет, русский русскому — друг и брат!

Чувство народной гордости естественно присуще каждому. Нам, русским, есть чем гордиться! В трудную минуту, когда решаются национальные судьбы русского народа, русская эмиграция, как по рельсам, подкатывает к дверям Советского консульства.

Портрет автора на обложке издания «Непрерывное движение духа..»

И как там ее встречают? Конечно, неплохо. Больше десяти лет прошло, как умер великий поэт Маяковский, а и он писал тогда в своих стихах:

Я белому руку, пожалуй, подам,
Пожму, не побрезговав ею,
И только скажу: — А здорово вам
Наши намылили шею!

— Только и всего!

Я могу все это писать потому, что я сам из эмиграции, сам бродил по ее печальным дорогам: мне понятны эти тревоги и волнения, когда вы беретесь впервые за ручку тяжелой консульской двери, знакомы «друзей сожаления, врагов торжество»... Но — ей-богу, все стоит пережить, чтобы получить отечество, и к тому же такое замечательное отечество, как Советский Союз, до краев полное сильных, деятельных и умных людей!

* * *

В эмигрантской интеллигенции этот вопрос о детях был поставлен давно, и «отцы» давно уже выявили свое идеологическое бессилие. Приведу пример.

В мае 1935 года в Харбине состоялся диспут о «Нашей Смене», в котором участвовали проф. Гинс, проф. Зайцев, В.В. Кибардин, Н.Я. Морев, проф. Никифоров, иеромонах Нафанаил, А.Я. Слободчиков, проф. Энгельфельд, пишущий эти строки и др. Первый тезис гласил:

— Что делать, чтобы поддержать преемство между старшим и младшим поколениями?

Очень хорошо помню, какой несусветной ерунды наговорили тогда эти харбинские «ученые». Проф. К. И. Зайцев особенно. Он звал ни к чему другому, как к восстановлению Руси Ивана Грозного! — Назад! — кричали они, назад! Проф. Гинс утверждал, что нужен «Культ Св. Руси в ее старомосковском понимании».

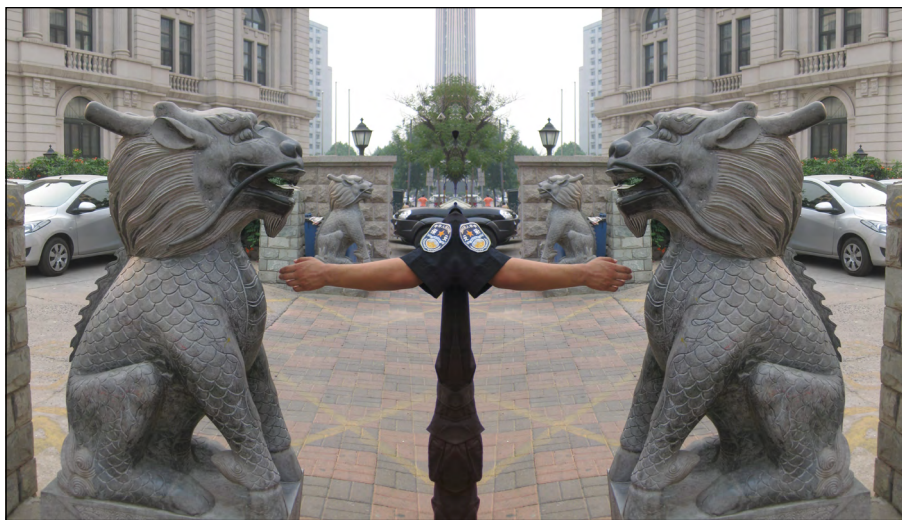
Прис. пов. А.Я. Слободчиков говорил, что нужна «школьная реформа», начиная от введения ранцев, обязательного посещения богослужений, и отдельного обучения юношей и девушек!

(цитирую по отчету в «Рупоре», от 25.5.35). Игумен Нафанаил советовал «распространять скаутизм при православных храмах». И только представитель молодежи Н.Я. Морев сказал, что «если погибнет Россия, погибнем и мы», что «без России — нет и нас».

Прошло шесть лет, мне остается только повторить мои тогдашние слова, что пусть молодежь будет уверена, что она права в своих исканиях, что Россия не кончится в своей великой истории от того, что несколько десятков милостивых государей сидят в эмиграции и брюзжат, обращаясь в «албазинцев». Пусть она будет уверена, что там, дома, наш талантливый, сильный и добрый народ, под руководством своих вождей, строит небывало прекрасное Советское государство, которое сменило собой в последовательном ряду нашей истории и Московскую Русь, и Петербургскую Империю. И в этой уверенности — пусть все те, кто может без злобы относиться, к эмигрантской молодежи, ищущей новых путей, получают силы и жить и трудиться для своего народа.

* * *

А для этого прежде всего — надо изучать Советский Союз.⁴¹

41 *Иванов В. Н. Своей дорогой : (О русской эмигрантской молодежи) : (сборник). Шанхай : Эпоха, 1942. с. 21–30*

Обложки работ В. Н. Иванова

Путешественник Борис Морозов:
Монголия

蒙古

1902, Харьков — 25 мая 1960, Лейквуд, США)⁴²

42 Загорский А. Памяти Бориса Иоановича Морозова: (Некролог) // Рус. жизнь. 1960. 9 июня.

Борис Иванович (Иоанович) Морозов — сын писательницы О. А. Морозовой. Окончил Семипалатинскую мужскую гимназию. В своей книге описал путь, который прошел с матерью (14 ноября 1927 — 24 февраля 1928). В экспедиции принимал участие Свен Гведин. Жил в США с 1949 года. В окрестностях Нью-Йорка содержал ферму.

*Борис Ионович Морозов
в день прибытія в Гуйхуачен послѣ
104 дней пути через Монголію.*

Борис Морозов

МОНГОЛИЯ

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА

ТЯНЬЦЗИН

1935

Книга: Монголия: Из записной книжки путешественника.
Тяньцзинь: Знание, 1935. 112 с.: ил., портр.

14 ноября 1927 г.

Итак, завтра мы наконец едем... Сегодня караванбаш Ган перевез всех нас с вещами и провизией из Гучена на заимку, где мы и проведем ночь. А завтра двинемся в путь на верблюдах и на 3–4 месяца оторвёмся по всякой культурной жизни.

Невольно оборачиваюсь назад и вспоминаю последние дни, наши сборы, хлопоты, вообще всю ту сумятицу, в которой мы крутились больше месяца, стараюсь оборудовать нашу поездку возможно лучше. Мы советовались с опытными людьми, принимая во внимание всё, что нам говорилось, сами раскидывали умом, соображали... Но насколько всё это, вместе взятое, даст в конечном итоге благоприятные результаты — покажет конечно, будущее.

Помню большинство знакомых, особенно тётушка Марья Ивановна, все охали, как это я поеду через Монголию на верблюде, да ещё и зимой по 40–градусному морозу... В конце концов меня так напугали, что я нашёл себе массу тёплых вещей и, когда все было готово, решил примерить, пригласить на консультацию Марью Ивановну, как лицо очень опытное, и много путешествовавшую в свое время, хотя, правда, не по пустыням, а по заграничным курортам.

Надел я тёплое нижнее белье, затем суконные брюки и гимнастёрку, кожаную пару, подбитую мехом, китайские стеганные ватные штаны, суконную на меху поддевку и наконец ещё жеребковую доху. На ноги — длинные чулки из верблюжки, потом байбаки (чулки из кошмы) на меху и валенки. На голову — меховую с наушниками шапку и башлык, на руки — тёплые перчатки и жеребковые рукавицы.

Вышло так хорошо и тепло, как верно бывает зайцу, когда его ставят жарить, предварительно наштиговал салом, а потом ещё любовно прикрыв крышечкой. Но тётушка была в восторге. Когда же я подошел к зеркалу, то оказалось, что моя фигура была столь внушительных размеров, что даже не помещалась трюмо. Ну что ж, это не плохо: ширина и высота всегда были

в духе русского человека, лишь бы не вышло по пословице «велика Федура, да дура»...

Не знаю, как влезу я в этом костюме свою кабинку, но что в нём я не замерзну даже при 100 градусах мороза — это не подлежит сомнению.

Во время примерки пришел Виноградский. Он долго хохотал, глядя на меня, а затем серьезно сказал:

— Вы, мой милый, дурака не ломайте. Не забывайте, что Монголия — это песок, пустыня вроде Сахары; а разве в Сахаре холодно? Вам абсолютно не надо брать никаких тёплых вещей, одно летнее. Ведь Вы едете к востоку, к морю, следовательно, что ни день, то будет теплее. Что же вы будете делать со всем вашим гардеробом? Ведь соленой капусты из него не приготовишь?

Я совсем растерялся от слов Виноградского, и хотя знал этого милого человека больше, как специалиста по женской части, чем серьезного житейского практика, но на душе у меня стало смутно: именно летнего то я с собой ничего и не брал.

Ну тут мне на помощь пришла тётушка: не давая сказать больше Виноградскому ни слова, обозвав его «жонглером» (перепутав верно слово «фантазер»), она стала рьяно защищать свою позицию о холоде Монголии. Но со свойственной всем женщинам логикой скованно запуталась в своих доказательствах, рассердилась на Виноградского, рассердилась на меня и наконец ушла, не простившись и захватив собою обратно тёплый шарф, связанный ею мне в подарок на дорогу.

За нею ушел и Виноградский.

Оставшись один, я разоблачился и упал в кресло: я был весь мокрый и чувствовал себя так, как будто бы принял 10 порошков аспирина или же неудачно объяснился в любви какой-нибудь целомудренной бибикопф.

К вечеру зашёл Николаев. Я как раз укладывал охотничье ружье и набивал в дорогу патроны.

Николаев удивленно поднял брови.

— Это вы что, никак ружье думаете брать с собою? — спросил он.

— Ну конечно, оно уже прописано у меня в билете.

— А кого же вы будете стрелять в пустыне, своих верблюдов что ли? — Иронически спросил он, скривив в сторону губы.

— Нет, не верблюдов, — ответил я раздражаясь. — А гусей, уток, фазанов, рябчиков..., наконец коз.

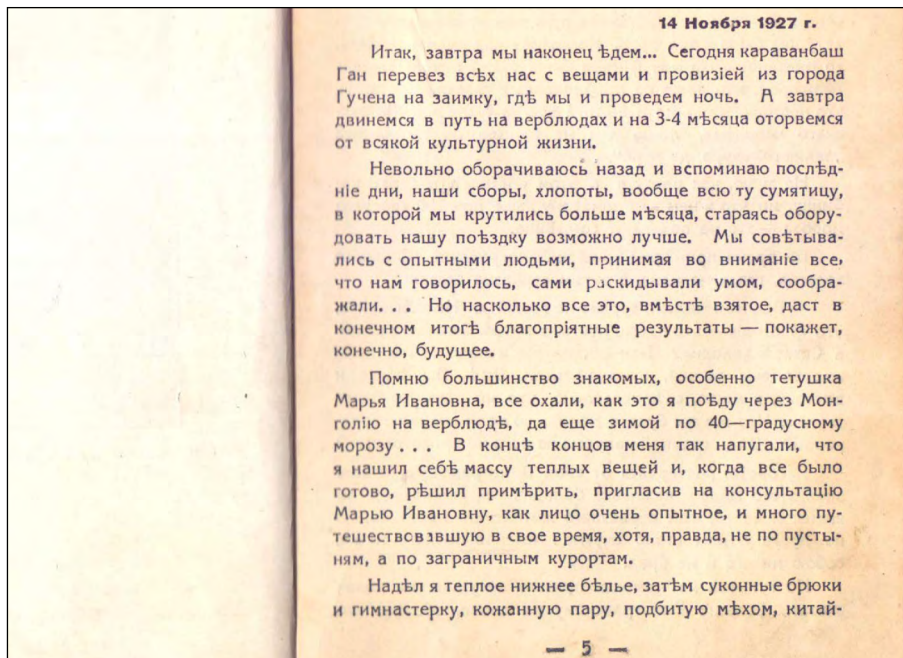
— Вы это серьезно?

— А вы думаете, шутя? Мне сейчас совсем не до шуток, так как у меня ничего не ладится.

— Конечно, и не может ладиться, когда у вас, простите, в голове раки ползают. Где же это в пустыне дичь, да еще водная? Откуда вы это выдумали? Приснилось вам, что ли?

— Не выдумал и не приснилось! — Крикнул я уже совсем зло.

— А мне все это подробно рассказывали...⁴³

Первая страница книги Б. И. Морозова

43 Морозов Б. И. Из записной книжки путешественника. Тяньцзинь: Знание, 1935. С. 5–7

Борис Морозов

МОНГОЛИЯ

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА

ТЯНЬЦЗИН

Титульный лист книги Б. И. Морозова «Монголия. Из записной книжки путешественника», 1935

...очень неудобно и тесно, но всё-таки лучше, чем сидеть на заимке и ждать какого-либо другого, более сносного, способа передвижения.

Итак, больше мы не увидим наших верблюдов, не увидим Гоби и Шамо. Впереди перед нами вставало неизвестное будущее, а сзади мы оставляли пески, камни, тяжелое безводье и тысячи трупов.

Дорогой, лишь по приблизительному подсчету, мы встретили в транспортах свыше 12.000 верблюдов. Наш транспорт, по величине животных и их упитанности был один из самых лучших, и все таки за дорогу, за три месяца мы потеряли 10% (из пятидесяти пало пять, а последних, брошенных на заимке, я даже и не считаю). Следовательно за это время от прошедших по пустыням транспортов останется на месте не менее 1.200 истощенных, искалеченных идохлых животных.

Жуткая картина, жуткие цифры!

23 февраля.

Ночевали в какой-то фанзе около дороги. Ехали вчера все время по жилым местам — поселки, кумирни, отдельные фанзы. Не скажу, чтобы лица встречных были симпатичны, поэтому наша охрана скакала с ружьями на перевес, а мы, русские, все ехали со взведенными курками в ноганах.

Здесь грабят постоянно, ежечасно, и именно в этих то, таких невинных придорожных домиках и скрываются грабители. Нападают они целыми сотнями, но случаи убийства весьма редки, обыкновенно все дело кончается грабежом.

Перед вечером перевалили высокую гору, через которую лишь недавно сделана хорошая дорога, а раньше она шла по обрыву, и была одной из семи египетских казней для проезжавших и самым любимым местом для грабителей. С перевала открывается вид на гор. Гуйхуачен, до которого всего сорок ли. Когда мы

увидели, наконец, нашу обетованную землю — у всех брызнули из глаз слезы. Только в эту минуту мы со всей остротой почувствовали, как стосковались мы по нормальным условиям жизни и по тем маленьким удобствам, которые обыкновенно не замечаются, но лишение которых повергало нас в пути иногда в отчаяние.

24 февраля.

Ночь провели опять в какой то грязной и дымной фанзе, а утром, рассчитавшись с нашей охраной, двинулись в город, хотя охрана должна еще сопровождать нас до самого Гуйхуачена. Заплатили мы им всем 34 доллара, и столько же обязаны еще внести в городе Торговому Обществу.

Дорогой, проезжая через какой-то поселок, наши первые подводы были остановлены стоявшей у моста охраной и реквизированы для перевозки военных грузов. Услышав, в чем дело, я быстро вылез из своей двуколки и подошёл к постовым: на мне была моя кожаная пара, за спиной неразлучное охотничье ружье, в руках ноган. Вообще вид внушительный! Я храбро выругал постовых по-китайски за то, что они осмелились задержать транспорт с иностранцами, и постовые, сделав мне под козырек, почтительно расступились. Дальше мы ехали уже без всяких недоразумений, а с нами вместе ехала и вся фунтеза, благополучно проскользнувшая благодаря нам из Синьцзяня на Восток.

Около часу дня мы въехали в город и остановились в небольшой гостинице. Не прошло и десяти минут, как у нас в номере уже сидели китайские власти, знакомясь, расспрашивая и тщательно отбирая все оружие вплоть до моего злосчастного охотничьего ружья. Путь наш закончен, и как то даже не верится, что мы находимся опять в культурном сравнительно месте. Впрочем с этой культурой я уже успел сегодня познакомиться: узнав, что в городе имеется большой католический собор, я, приведя себя в порядок, т.е. сходяв в баню и побрившись, отправился перед вече-

Всѣ права сохраняются за автором.
Tous droits réservés par l'auteur.
Alle Rechte vorbehalten.
Copyright by the Author.

РИПОТНОМ

АДМИНИСТРАЦИЯ КОПИИ И РЕПРОДУКЦИИ

УЧЕБНО-НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ПЕЧАТАНИЯ И ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ МАГАЗИНА „ЗНАНИЕ“
285, Виктория Род
ТЯНЬЦЗИН.

ские стеганные ватные штаны, суконную на мѣху поддевку и наконец еще жеребью доху. . . На ноги — длинные чулки из верблюжьи, потом байбаки (чулки из кошмы) на мѣху и валенки. На голову — мѣховую с наушниками шапку и башлык, на руки — теплые перчатки и жеребью рукавицу.

Вышло так хорошо и тепло, как вѣрно бывает зайцу, когда его ставят жарить, предварительно напшиговав салом, а потом еще любовно прикрыв крышечкой. Но тетушка была в восторгѣ. Когда же я подошел к зеркалу, то оказалось, что моя фигура была столь внушительных размѣров, что даже не помѣщалась в трюмо. Ну чтож, это неплохо: ширина и высота всегда были в духѣ русскаго человѣка, лишь бы не вышло по пословицѣ „велика Федора, да дура“. . .

Не знаю, как влезу я в этом костюмѣ в свою кабинку, но что в нем я не замерзну даже при 100 градусах мороза — это не подлежит сомнѣнію.

Во время примѣтки пришел Виноградскій. Он долго хохотал, глядя на меня, а затѣм серьезно сказал:

— Вы, мой милый, дурака не ломайте. Не забывайте, что Монголія — это песок, пустыня вродѣ Сахары; а развѣ в Сахарѣ холодно? Вам абсолютно ненадо брать никаких теплых вещей, одно лѣтнее. Вѣдь Вы ѣдете к востоку, к морю, слѣдовательно, что ни день, то будет теплѣе. Что же вы будете дѣлать со всѣм вашим гардеробом? Вѣдь соленой капусты из него не пригоготовишь?

Я совсѣм растерялся от слов Виноградскаго, и хотя зналъ этого милого человѣка больше, как спецалиста по женской части, чѣм серьезнаго житейскаго практика, но на душѣ у меня стало смутно: именно лѣтняго то я с собою ничего и не брал.

Но тут мнѣ на помощь пришла тетушка: не давая сказать больше Виноградскому ни слова, обозвав его

„жонгллером“ (перепутав вѣрно слово „фантасер“), она стала рьяно защищать свою позицію о холодѣ Монголіи. Но со свойственной всѣм женщинам логикой скоро запуталась в своих доказательствах, разсердилась на Виноградскаго, разсердившись на меня и наконец ушла, не простившись и захватив с собою обратно теплый шарф, связанный ею мнѣ в подарок на дорогу.

За нею ушел и Виноградскій.

Оставшись один, я разоблачился и упал в кресло: я был весь мокрый и чувствовал себя так, как будто бы принял 10 порошков аспирина или же неудачно объяснился в любви какой нибудь цѣлующей библиоф.

К вечеру зашел Николаев. Я как раз укладывал охотничьи ружья и набивал в дорогу патроны.

Николаев удивленно поднял брови.

— Это вы что, никак ружья думаете брать с собою? — Спросил он.

— Ну конечно, оно уже прописано у меня в билетѣ.

— А кого же вы будете стрѣлять в пустынь, своих верблюдов что ли? — Иронически спросил он, скривив в сторону губы.

— Нѣт, не верблюдов, отвѣтил я, раздражаясь. — А гусей, уток, фазанов, рябчиков. . . наконец коз.

— Вы это серьезно?

— А вы думаете, шути? Миѣ сейчас совсѣм не до шуток, так как у меня ничего не ладится.

— Конечно, и не может ладиться, когда у вас, простите, в головѣ раки ползают. Гдѣ же это в пустынь дичь, да еще водная? Откуда вы это выдумали? Пришлось вам, что ли?

— Не выдумал и не приснилось! — Крикнул я уже совсѣм зло. — А мнѣ все это подробно рассказывали

— 6 —

— 7 —

Развороты из книги Б. И. Морозова «Монголия. Из записной книжки путешественника», 1935

очень неудобно и тѣсно, но все таки лучше, чѣм сидѣть на заимкѣ и ждать какого либо другаго, болѣе сноснаго, способа передвиженія.

Итак, больше мы не увидим наших верблюдов, не увидим Гоби и Шамо. Впереді перед нами вставало неизвѣстное будущее, а сзади мы оставляли пески, камни, тяжелое безводье и тысячи тропов.

Дорогой, лишь по приблизительному подсчету, мы встрѣтили в транспортах свыше 12.000 верблюдов. Наш транспорт, по величинѣ животных и их упитанности был один из самых лучших, и все таки за дорогу, за три мѣсяца, мы потеряли 10% (из пятидесяти пало пять, а послѣдних, брошенных на заимкѣ, я даже и не считаю). Слѣдовательно за это время от прошедших по пустыням транспортов останется на мѣстѣ не менѣе 1.200 истощенных, исклѣченных и дохлых животных.

Жуткая картина, жуткія цифры!

23 февраля.

Ночевали в какой то фанзѣ около дороги. Ъхали вчера все время по жилым мѣстам — поселки, кумирни, отдѣльные фанзы. Не скажу, что бы лица встрѣчных были симпатичны, поэтому наша охрана скакала с ружьями на перевѣсѣ, а мы, русскіе, всѣ ѣхали со взведенными курками в ногахъ.

Здѣсь грабят постоянно, ежечасно, и именно в этих то, таких невинных придорожных домиках и скрываются грабители. Нападают они цѣлыми сотнями, но случаи убійства весьма рѣдки, обыкновенно все дѣло кончается грабежом.

Перед вечером перевалили высокую гору, через которую лишь недавно сдѣлана хорошая дорога, а

раньше она шла по обрыву, и была одной из семи египетских казней для проѣзжавших и самым любимым мѣстом для грабителей. С перевала открывается вид на гор. Гуйхучен, до котораго всего сорок ли. Когда мы увидѣли, наконец, нашу обѣщанную землю — всѣх брызнули из глаз слезы. Только в эту минуту мы со всей остротой почувствовали, как стесковались мы по нормальным условіям жизни и по тѣм маленьким удобствам, которыя обыкновенно не замѣчаются, но лишеніе которых повергало нас в пути динга в отчаяніе.

24 февраля.

Ночь провели опять в какой то грязной и дымной фанзѣ, а утром, разсчитавшись с нашей охраной, двинулись в город, хотя охрана должна еще сопровождать нас до самого Гуйхучена. Заплатили мы им всѣм 34 доллара, и столько же обязаны еще внести в городѣ Торговому Обществу.

Дорогой, проѣзжая через какой то поселок, наши первыя подводы были остановлены стоящей у моста охраной и реквизированы для перевозки военных грузов. Успѣхав, в чем дѣло, я быстро вылез из своей двуколки и подошел к постовым: на мнѣ была моя кожанная пара, за спиной неразлучное охотничье ружье, в руках ноган. Вообще вид внушительный! Я храбро выругал постовых по китайски за то, что они осмѣлились задерживать транспорт с иностранцами, и постовые, сдѣлав мнѣ под козырек, почтительно разступились. Дальше мы ѣхали уже без всяких недоразумѣній, а с нами въѣхъ ѣхала и вся фунтеза, благополучно проскользнувшая благодаря нам из Синьцзяна на Восток.

Около часу дня мы въѣхали в город и остановились с небольшою гостиницѣ. Не прошло и десяти минут, как у нас в номерѣ уже сидѣли китайскія власти, знако-

— 110 —

— 111 —

Печатаю дневник, не могу не помянуть добрым словом трагически погибшего в 1928 году Ян-ду-туна, Генерал-Губернатора Синьцзяня, который не только дал нам возможность выехать на Восток в столь тревожное время, но и снабдил нас еще охранными грамотами и разрешением на провоз с собою необходимого в дорогу оружия.

Также тепло вспоминаю я и о всех наших спутниках, не исключая фунтезы. Что же касается Гана, то несмотря на некоторые недоразумения с ним, все таки ему мы должны быть особенно признательны, так как только благодаря его находчивости и его знанию дороги и законов пустыни мы сделали весь наш путь так сравнительно скоро и благополучно

Б. Морозов

Г. ЧУНКИНГ

КИТАЙ⁴⁴

мясь, распроставая и тщательно отбирая все оружие вплоть до моего злосчастного охотничьего ружья. Путь наш закончен, и как то даже не вѣрится, что мы находимся опять в культурном сравнительно мѣстѣ. Впрочем с этой культурой я уже успѣл сегодня познакомиться: узнав, что в городѣ имѣется большой католическій собор, я, приведя себя в порядок, т. е. сходя в баню и побрившись, отправился перед вечером к ксендзу и, передав ему визитную карточку, просил принять меня. Мнѣ так хотѣлось повидаться с кѣм нибудь из иностранцев и поговорить. Но ксендз выслал мнѣ сказать, что с русскими он никакого дѣла имѣть не желает...

Печатаю дневник, не могу не помянуть добрым словом трагически погибшаго в 1928 году Ян-ду-туна, Генерал-Губернатора Синьцзяня, который не только дал нам возможность выѣхать на восток в столь тревожное время, но и снабдил нас еще охранными грамотами и разрешеніем на провоз с собою необходимаго в дорогѣ оружия.

Также тепло вспоминаю я и о всѣх наших спутниках, не исключая фунтезы. Что же касается Гана, то несмотря на нѣкоторыя недоразумѣнія с ним, все таки ему мы должны быть особенно признательны, так как только благодаря его находчивости и его знанію дороги и законов пустыни мы сдѣлали весь наш путь так сравнительно скоро и благополучно.

Г. ЧУНКИНГ
КИТАЙ.

Б. Морозов.

— 112 —

1. Чункинг. 2. Ян-ду-тун. 3. Ян-ду-тун. 4. Ян-ду-тун. 5. Ян-ду-тун. 6. Ян-ду-тун. 7. Ян-ду-тун. 8. Ян-ду-тун. 9. Ян-ду-тун. 10. Ян-ду-тун.

1) † Фань, Мин. Вн. Дѣл, - 2) Доктор Экспедиции, - 3) Совѣт. Консул Гавро, 4) Проф. Янь из экспедиции, - 5) СВЕН ГВЕДИН, - 6) Служаш. экспедиции, 7) † ЯН-ДУ ТУН, генерал губернатор, - 8) † К. В. Гмыркин, - 9) Мин. Финансов Лютанжан, 10) † Адъютант Ян-ду-туна.

Фотографія снята за нѣсколько дней до убійства Ян-ду-туна.

-
- 1) Фань, Мин. Вн. Дел, — 2) Доктор экспедиции, — 3) Совет. Консул Гавро, — 4) Проф. Янь из экспедиции, — 5) СВЕН ГВЕДИН, — 6) Служаш. экспедиции, — 7) ЯН-ДУ ТУН, генерал губернатор, — 8) К. В. Кмыркин, — 9) Мин. Финансов Лютанжан, — 10) Адъютант Ян-Ду туна

Фотография снята за несколько дней до убийства Ян-Ду туна

Предприниматель Юрий Янковский:
Полвека охоты на тигров

半個世紀的獵虎

(6 мая 1879, о. Аскольд, Приморье – 13 мая 1956, около Тайшета)

ЯНКОВСКИЙ Юрий Михайлович

(6 мая 1879, о. Аскольд, Приморье – 13 мая 1956, около Тайшета)⁴⁵

Остров Аскольд

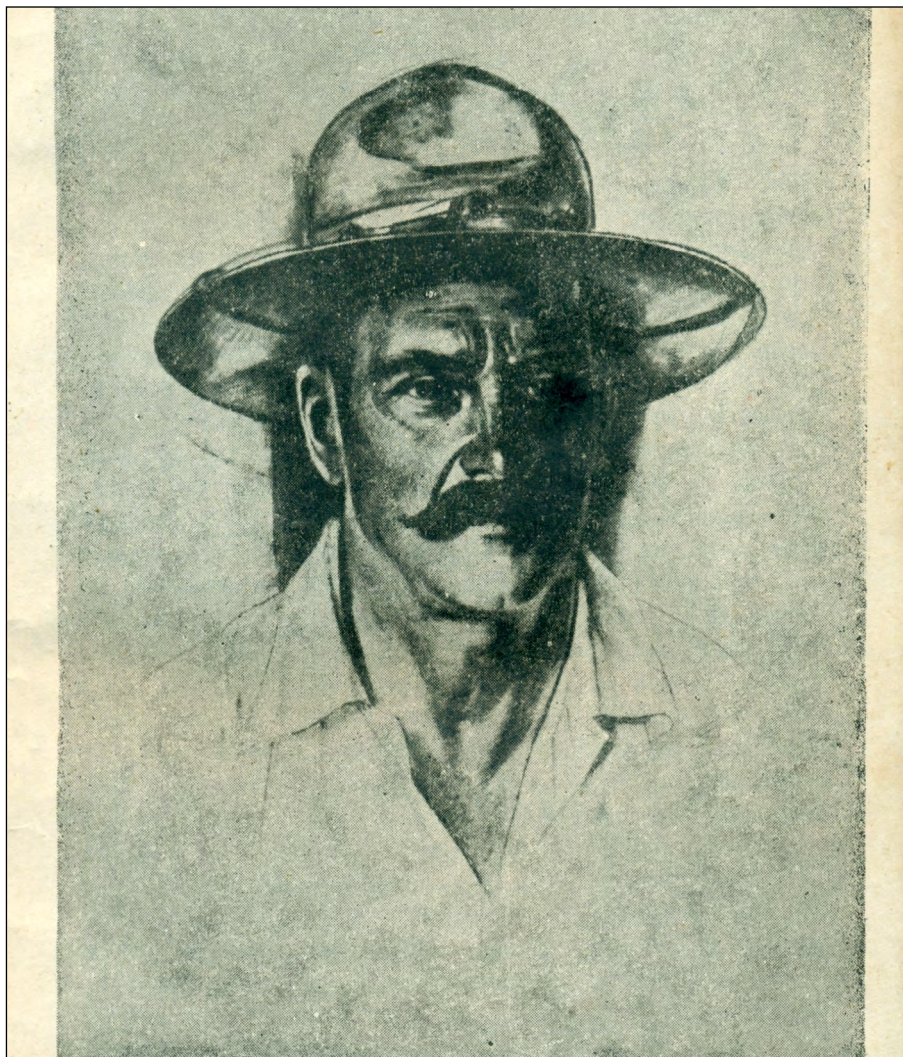
ASKOLD ISLAND

45 Приволье для охотников. Красный зверь в лесах Кореи // Рубеж. – 1930. – № 10 (1 марта). – С. 15: портр.; Русский театр в сердце Кореи // Рубеж. – 1934. – № 34 (18 авг.). – С. 16: фот.; Аргус. Русские сказки в корейской тайге // Рубеж. – 1934. – № 37 (8 сент.). – С. 17: фот.; Воейкова Е. Православное торжество в Корее. В «Новине» освещен храм Воскресения Господня // Рубеж. – 1937. – № 33 (14 авг.). – С. 17: фот.; Воейкова Е. Православие в Корее // Рубеж. – 1937. – № 35 (28 авг.). – С. 15: фот.; Ко второй годовщине смерти М.М. Янковской // Рубеж. – 1938. – № 44 (9 окт.). – С. 6: портр.; Ю.М. Янковский в лапах подраненного тигра. Чудом спасшийся русский охотник на большого зверя // Новая заря. – 1941. – 10 апр.; Русский уголок в Корее // Рубеж. – 1940. – № 38 (14 сент.). – С. 16: фот.; Савский Г. Три тигра за одну неделю!: Рекордный охотничий успех Ю.М. и Ю.Ю. Янковских // Рубеж. – 1941. – № 14 (29 сент.). – Обл., с. 18: фот.; Торжества в Новине: Жизнь русского курорта в Корее // Рубеж. – 1941. – № 38/11 (20 сент.). – С. 16; Е.К. «Новина» под снегом: О корейском создании Янковских // Рубеж. – 1942. – № 1 (1 янв.). – С. 19: фот.; Шульце В. «Кожанный чулок» Кореи // Рубеж. – 1943. – 1 янв. – С. 11, 14; Колбин Н. Сидими: (После побега Янковских) // Красное знамя. – 1994. – 12 нояб.; Архив ФСБ по Приморскому краю. Личное дело Ю.Янковского (ПУ – 5649, Владивосток); Справка от 5 авг. 1997.

Янковский Юрий Михайлович «родился на острове Аскольд и в возрасте 2 месяцев был привезен на полуостров Славянский, как в то время его именовали (полуостров Янковского в будущем). В том же июне хунхузы напали на домик Гека, убили его гражданскую жену, увели в полон сына, воспользовавшись тем, что шкипер ушел на своей шхуне за Янковским на Аскольд. Юрий Михайлович учился в гимназии во Владивостоке, но не закончил обучение, дела потребовали его помощи на конном заводе в Сидеми. 1899–1902 годы он провел в Америке, учился сельскому хозяйству на практике (был ковбоем в Техасе), был вольнослушателем сельхозинститута в городе Сент–Луис на Миссисипи. Привел из Сан–Франциско первых чистокровных лошадей. В 1906 году женился на старшей дочери М. Г. Шевелева Маргарите. Принял от отца «бразды правления» полуостровом: конный завод, парк пятнистых оленей, первую в России плантацию дикорастущего женьшеня, рыбалки и пр. Стал официальным начальником Самообороны Посыетского района, гласным городской думы города Владивостока. В сентябре 1922 года эмигрировал в Корею (тогда под японским протекторатом). Увел два катера с баржами, людьми и коровами в порт Сейсин, где была куплена большая корейская фанза, построены конюшни. 60 лучших коней увел своим ходом, но все это было продано и прожито, большинство людей отправлено в Харбин и Шанхай. Но в 26–м году он приобрел участок земли в 50 км на юг от Сейсина, где с годами образовал курортный поселок «Новина», куда летом съезжалось много дачников из Маньчжурии и Китая, зажиточных эмигрантов и иностранцев. Многим продавали легально участки земли, строили по их заказу дачи. Открыли второй курорт на берегу моря — Лукоморье. Поймали в лесу и вновь развели пантовых оленей. Много охотились на птицу, коз, кабанов, медведей, оленей, изюбров, рысь, барса и тигра. Имели пасеку, фруктовый сад, огороды. Мама умерла от рака (в возрасте 52 лет в октябре 1936 года — А.Х.). В 1941 году Юрий Михайлович женился во второй раз.⁴⁶

46 Собр. А. А. Хисамутдинова. Письмо В.Ю. Янковского от 27 авг. 1995 г.

Арестован 5 сентября 1946 года. Приговорен к 10 годам исправительно-трудового лагеря 1 февраля 1947 года. Умер за несколько дней до освобождения. Реабилитирован 22 июня 1990 года. Сын Арсений умер в Сан-Франциско 14 февраля 1978 года.

Юрий Михайлович Янковский.
Портрет работы художника Кичигина

Ю. М. ЯНКОВСКИЙ

ПОЛВЕКА
ОХОТЫ
НА ТИГРОВ

ХАРБИН

1944

Книга: Полвека охоты на тигров. Харбин: Заря, 1944. 203 с.: ил., прил. Рец. в: Климов Н. Книжные новинки // Рубеж. 1944. № 16 (30 мая). С. 23.

Из предисловия:

Михаил Иванович Янковский.

Мой отец, Михаил Иванович Янковский, был среди пионеров Приморья, попав во Владивосток в те времена, когда «тигры свободно прохаживались по улицам города». Будучи большим любителем природы, решительным и храбрым человеком, он удовлетворялся жизнью города и решил одним из первых поселиться в провинции, зная заранее на какие опасности и лишения он идет. Край был в те времена не только диким, но и опасным, так как только перешел к русским от китайцев, которые всеми силами стремились вернуть его к себе.

Отец был женат на Ольге Лукиничне Кузнецовой. Моя мать, подобно ему, была исключительно решительной и храброй уроженкой Сибири, любившей природу. В 1880 году родители мои поселились на безымянном полуострове на берегу Японского моря, всего лишь в 30 верстах от дикой тогда Маньчжурии и в 40 верстах, через Амурский залив, от Владивостока. Позднее этот полуостров стал называться Янковским, каковое название сохранилось и по настоящее время во всех географических картах. Одновременно там же, на расстоянии одной версты от нас, поселился с женой и воспитанником известный «морской волк» капитан Гек, кстати сказать, выведенный в последней книге шанхайского беллетриста М. В. Щербакова под фамилией капитана Дека.

Начало было не из веселых. Отец на шхуне капитана Гека уехал на остров Аскольд за матерью и нами через три месяца после начала постройки домов, а в их отсутствие на поселение напала шайка хунхузов, которая убила жену и воспитанника Гека, а также всех рабочих, разграбила имущество, сожгла постройки и после этого скрылась через границу, которая в этом месте разделяет Приморье от Маньчжурии горным хребтом высотой в 3.000 футов, под названием «Синий хребет», заросшим почти непроходимой тайгой. Из этой тайги впоследствии по зверовым тропам к нам очень часто приходили тигры и хунхузы, одни полакомиться лошадкой или коровкой, вторые — грабануть.

Михаил Иванович Янковский.

Мой отец, Михаил Иванович Янковский, был одним из пионеров Приморья, попав во Владивосток еще в те времена, когда «тигры свободно прохаживались по улицам города». Будучи большим любителем природы, решительным и храбрым человеком, он не удовлетворялся жизнью города и решил одним из первых поселиться в провинции, зная заранее на какие опасности и лишения он идет. Край был в те времена не только диким, но и опасным, так как только что перешел к русским от китайцев, которые всеми силами стремились вернуть его к себе.

Отец был женат на Ольге Лукиничне Кузнецовой. Моя мать, подобно ему, была исключительно решительной и храброй уроженкой Сибири, любившей природу. В 1880 году родители мои поселились на диком безымянном полуострове на берегу Японского моря, всего лишь в 30 верстах от дикой тогда Маньчжурии и в 40 верстах, через Амурский залив, от Владивостока. Позднее этот полуостров стал называться Янковским, каковое название сохранилось и по настоящее время во всех географических картах. Одновременно там же, на расстоянии одной версты от нас, поселился с женой и воспитанником известный «морской волк» капитан Гек, кстати сказать, выведенный в последней книге шанхайского беллетриста М. В. Щербакова под фамилией капитана Дека.

Начало было не из веселых. Отец на шкуне капитана Гека уехал на остров Аскольд за матерью и нами через три месяца после начала постройки домов, а в их отсутствие на поселение напала шайка хунхузов, которая убила жену и воспитанника Гека,

Вернувшись на постройку, отец нашел пепелище, но это не сломило энергии его и Гека. Они тут же поклялись, что начнут дело вновь, а хунхузам отомстят за их вероломство. И клятва была сдержана — хунхузы дорого заплатили за это.

Не раз отец, забрав всех способных владеть оружием рабочих, а позднее и соседей–поселенцев, уходил в погоню за шайкой, часто переходя дикую границу, а мать оставалась с винчестером дома одна с нами, детьми. Будущие «тигрятники» были с ней, как цыплята под наседкой.

Одновременно с отцом выходцы из Кореи образовали деревню Верхнее Сидеми, между поселком Янковским и «Синим хребтом», создав таким образом как бы буфер в сторону границы, но они не были вооружены и стали данниками хунхузов. Когда дани не хватало, хунхузы убивали корейцев и те обратились к отцу за защитой. Отец согласился, объединил их со своими служащими, вооружил и организовал правильную борьбу с хунхузами. Как храбрый начальник и исключительно меткий стрелок, отец получил от корейцев прозвище «Дэнуни» (четыrehглазый) за свои черные очки, которые он всегда носил и только при стрельбе поднимал их на лоб. За 20 лет возглавления добровольной дружины против хунхузов, состоящей преимущественно из корейцев, прозвище «Дэнуни» стало нашей второй фамилией. До сего дня старики Северной Кореи меня называют «Дэнуни агери» (Сын четырехглазого), а моих сыновей — «Дэнуни–сонча» (Внуки четырехглазого).

Все свободное время отец проводил на охоте. Это доставляло ему не только удовольствие, но и заработок для укрепления и развития хозяйства. Отец задался целью создать конский завод, по примеру Забайкалья, где он прежде работал, т. е. степное табунное коневодство. Вот тогда то и началась слава отца, как охотника–тигрятника.

Первыми «пастухами» оказались... тигры. В первую же зиму, из приобретенных отцом жеребца и четырех кобылиц, тигры съели всех кобылиц. Для борьбы с хищниками отец и стал ти-

гровым охотником. Помимо наличия храбрости, решительности и самообладания, отец считался лучшим стрелком края. Не надо забывать, что оружие того времени, со свинцовыми пулями, было много слабее нынешнего и я помню случаи, когда пуля, попавшая в переднюю лопатку тигра, плющилась и зверь уходил легко раненым. Хотя неуверенность в ружье и обескураживает самого лучшего охотника, все же отец взял на своем веку девять тигров и барсов, что по тому времени было рекордом.

Если читатели пожелают, то когда-нибудь я расскажу о действительно легендарных приключениях своего отца и капитана Гека, учеником, а позднее и сподвижником которых мне пришлось быть почти с пеленок. Воспитание было суворовским. Они не имели привычки оглядываться на охоте для того, чтобы узнать, поспеваю ли я за ними.

Вкратце история моего отца такова:

Будучи восемнадцатилетним студентом, в 1862 году, во время восстания в Польше, он был арестован и пешим порядком отправлен в Сибирь, где в Иркутске отбыл свой срок наказания, около 10 лет. Попав на свободу, он два года проработал помощником у ученого — доктора Дыбовского, изучавшего флору и фауну Восточной Сибири по берегам Аргуни и Онона. Оттуда он попал на разработку золота на Олекму, а в 1874 году прибыл во Владивосток, где сразу же, как специалист, устроился на золотой прииск на острове Аскольд, находящемся в Японском море, в 50 верстах от Владивостока. На Аскольде он позднее женился, там же, в 1879 году, родился я: за год до переселения моих родителей на полуостров Янковский.

С того самого дня, когда я начал сознавать окружающее, я, главным образом, слышал — «Сегодня приходил тигр и загрыз «Звездочку». За ним гонялись охотники, стреляли и легко ранили. Завтра собираются его преследовать»... «Вчера тигр ранил «Азию», но она вырвалась и ее надо лечить», или же есть агентурные сведения, что хунхузы вновь готовят нападение. Надо быть начеку». Куда-то посылают разведчиков, вечером осматривают, прочно ли

заперты дубовые, окованные железом, двери дома. Во всех окнах были решетки из толстого круглого железа, через которые в дом нельзя было проникнуть. Идя по воду, или доить коров, захватывали, на всякий случай, винчестер.

■ также всех рабочих, разграбила имущество, сожгла постройки и после этого скрылась через границу, которая в этом месте разделяет Приморье от Маньчжун горным хребтом высотой в 3.000 футов, под названием «Синий хребет», заросшим почти непроходимой тайгой. Из этой тайги впоследствии по аэровым тропам к нам очень часто приходили тигры и хунхузы, одни ползком, другие лошадиной или коровьей, вторые — граблями.

Вернувшись на постройку, отец нашего пепелища, но это не сломило энергии его и Гека. Они тут же поклялись, что начнут дело вновь, а хунхузам отомстят за их вероломство. И клятва была сдержана — хунхузы дорого заплатили за это.

Не раз отец, забрав всех способных владеть оружием рабочих, а позднее и соседей-поселенцев, уходил в погоню за шайкой, часто переходя дикую границу, а мать оставалась с винчестером дома одна с нами, детьми. Будущие «тигритники» были с ней, как цыплята под наседкой.

Одновременно с отцом выходили из Кореи образовали деревню Верхнее Сидеи, между поселком Янковским и «Синим хребтом», создав таким образом как бы буфер в сторону границы, но они не были вооружены и стали данниками хунхузов. Когда дани не хватало, хунхузы убивали корейцев и те обращались к отцу за защитой. Отец согласился, объединил их со своими служащими, вооружил и организовал правильную борьбу с хунхузами. Как храбрый начальник и исключительно меткий стрелок, отец получил от корейцев прозвище «Дэнуни» (четыреглазый) за свои черные очки, которые он всегда носил и только при стрельбе поднимал их на лоб. За 20 лет возглавления добровольной дружины против хунхузов, состоявшей преимущественно из корейцев, прозвище «Дэнуни» стало нашей второй фамилией. До сего дня старики Северной Кореи меня называют «Дэнуни аэри» (Сын четырехглазого), а монахи сино-буй — «Дэнуни-сонча» (Внуки четырехглазого).

Все свободное время отец проводил на охоте.

Это доставляло ему не только удовольствие, но и заработок для укрепления и развития хозяйства. Отец надался целью создать конский завод, по примеру Забайкалья, где он прежде работал; т. е. степное табунное коневодство. Вот тогда то и началась слава отца, как охотника-тигритника.

Первыми «пастухами» оказались... тигры. В первую же зиму из приобретенных отцом жеребца и четырех кобылиц, тигры съели всех кобылиц. Для борьбы с хищниками отец и стал тигровым охотником. Помимо наличия храбрости, решительности и самообладания, отец считался лучшим стрелком края. Не надо забывать, что оружие того времени, со свинцовыми пулями, было много слабее нынешнего и я помню случаи, когда пуля, попавшая в переднюю лапку тигра, плющилась и зверь уходил легко раненным. Хотя неуверенность в ружье и обезкураживает самого лучшего охотника, все же отец взял на своем веку десять тигров и барсов, что по тому времени было рекордом.

Если читатели пожелают, то когда-нибудь я расскажу о действительно легендарных приспосаблившихся своего отца и капитана Гека, учеником, а позднее и сподвижником которых мне пришлось быть почти с пеленок. Воспитание было суворовским. Они не имели привычки оглядываться на охоте для того, чтобы узнать, поспевают ли за ними.

Краткие истории моего отца таковы:

Будучи семнадцатилетним студентом, в 1862 году, во время восстания в Польше, он был арестован и вместе с другими поряком отправлен в Сибирь, где в Иркутске отбыл свой срок наказания, около 10 лет. Попав на свободу, он два года проработал помощником у ученого — доктора Лобовского, изучавшего флору и фауну Восточной Сибири по берегам Амур и Онона. Оттуда он поехал на разработку золота на Олекму, а в 1874 году прибыл во Владивосток, где сразу же, как специалист, устроился на золотой прииск на острове Аскольда, находящемся в Японском море, в 50 верстах от Владивостока. На Аскольде он

Страницы из книги Ю. М. Янковского «Полвека охоты на тигров», 1944

Когда мне было около 5 лет, я уже видел привезенных из леса на дровнях убитых тигров или барсов, дергал их за хвост и, конечно, побаивался. Хотя я был ребенком сметливым и быстро убедился в том, что мертвый зверь не страшен, должен сказать, что взрослые, не отдавая себе отчета, часто пугают ребят, что делать ни в коем случае не следует. Когда мне было 6 лет, отец научил меня стрелять из винчестера. Правда, приходилось прикладываться с сошек и прижимать ружье изо всей силы к щеке и плечу, чтобы не разбить лицо, но зато какое счастье было стрелять.

В то время меня уже брали на ближние охоты на коз и фазанов. Иногда на снегу попадались следы тигра, а иногда он ночью проходил вблизи усадьбы. Все, конечно, шли смотреть, когда хищник иногда загрызал в загоне корову или утаскивал свинью, причем мы, дети, переживали эти нападения очень болезненно.

С оружием у охотников часто дело обстояло очень плохо, да откровенно говоря, настоящим тигровым охотником был только мой отец. Остальные, кого я только помню, были дилетанты — так поболтать на охотничьи темы, или походить за козами, а то приезжие из города гости, которые храбры лишь по времени, пока тигром не пахнет. Отец часто говорил:

— Я лучше пойду на тигра один, чем с компаньоном, который может в критический момент струсить и растеряться, или просто, оставив в беде, удрать. Идя же вдвоем, всегда бережешься.

Этот его совет я выполняю и по сии дни.

позднее женился, там же, в 1879 году, родился я, за год до переселения моих родителей на полуостров Янковский.

С того самого дня, когда я начал сознавать окружающее, я, главным образом, слышал — «Сегодня приходит тигр и загрызет «Звездочку». За ним гонялись охотники, стреляли и легко ранили. Завтра собираются его преследовать». «Вчера тигр ранил «Азию», но она вырвалась и ее надо лечить», или же «Есть агентурные сведения, что хунхузы вновь готовят нападение. Надо быть начеку». Куда-то посылают разведчиков, вечером осматривают, прочно-ли закрыты дубовые, окованные железом, двери дома. Во всех скнах были решетки из толстого круглого железа, через которые в дом нельзя было проникнуть. Идя по воду, или доить коров, захватывали, на всякий случай, винчестер.

Когда мне было около 5 лет, я уже видел привезенных из леса на дровнях убитых тигров или барсов, держал их за хвост и, конечно, понабавлял. Хотя я был ребенком сметливым и быстро убедился в том, что мертвый зверь не страшен, должен сказать, что взрослые, не бдящая себе отчета, часто пугают ребят, что делать ни в коем случае не следует. Когда мне было 6 лет, отец научил меня стрелять из винчестера. Правда, приходилось прикалываться с сошкой и прижимать ружье изо всей силы к щеке и плечу, чтобы не разбить лицо, но зато какое счастье было стрелять.

В то время меня уже брали на ближние охоты на коз и фазанов. Иногда на снегу попадались следы тигра, а иногда он ночью проходил вблизи усадьбы. Все, конечно, шли смотреть, когда хищник иногда загрызал в загоне корову или утаскивал свинью, причем мы, дети, переживали эти нападения очень болезненно.

С оружием у охотников часто дело обстояло очень плохо, да откровенно говоря, настоящим тигровым охотником был только мой отец. Остальные, кого я только помню, были дилетанты — так по-

болтать на охотничьи темы, или походить за козами, а то приезжие из города гости, которые храбры лишь до того времени, пока тигром не пахнет. Отец часто говорил:

— Я лучше пойду на тигра один, чем с компаньоном, который может в критический момент струсить и растеряться, или просто, оставив в беде, удрать. Идя же вдвоем, всегда бережешься.

Этот его совет я выполняю и по сии дни.

Помню, из всех охотников выделялся наш конош Платон — отставной артиллерист, косая сажень в плечах, богатырь и действительно храбрый человек, с огромной рыжей бородой. Стрелял только он плохо, хотя и больше всех на свете был счастлив, когда ему давали выстрелить из ружья. Вот его иногда отец и брал на охоту за тигром, зная, что Платон не струсит. Когда не было второго ружья, отец вооружал его копьём. Оно было прекрасное, острое и я не сомневался, что такая комбинация была самой надежной, т. е. если обилие вас, т. е. вилотною, тигр схватит человека, то плохой стрелок легко заколет зверя копьем, или нанесет ему рану, которая заставит его бросить жертву и убежать. Когда я вспоминаю свою юность и связанные с ней случаи и курьезы охоты на тигров, в особенности при участии приезжавших к нам горожан, мне становится часто весело. В частности, богатырь Платон был героем охоты, во время которой я убил своего первого тигра, но об этом будет дальше.

Помню, из всех охотников выделялся наш конюх Платон — отставной артиллерист, косая сажень и плечах, богатырь и действительно храбрый человек, с огромной рыжей бородой. Стрелял только он плохо, хотя и больше всех на свете был счастлив, когда ему давали выстрелить из ружья. Вот его иногда отец и брал на охоту за тигром, зная, что Платон не струсит. Когда не было второго ружья, отец вооружал его копьем. Оно было прекрасное, острое и я не сомневался, что такая комбинация была самой надежной, т. к., если вблизи вас, т. е. вплотную, тигр хватит человека, то плохой стрелок легче заколет зверя копьем, или нанесет ему рану, которая заставит его бросить жертву и убежать. Когда я вспоминаю свою юность и связанные с ней случаи и курьезы охоты на тигров, в особенности при участии приезжавших к нам горожан, мне становится часто весело. В частности, богатырь Платон был героем охоты, во время которой я убил своего первого тигра, но об этом будет дальше.⁴⁷

47 Янковский Ю. М. Полвека охоты на тигров. Харбин: Заря, 1944. 203 с.: ил., прил. С. 7–11

Служащий Петр Лапикен: Четыре города

四個城市

(7 июля 1907, Рингсудхоф Лифляндской губ. – 14 августа 1983,
Сан–Франциско)⁴⁸

Лапикен Петр Петрович приехал с родителями в Маньчжурию из Владивостока в 1916 году. Окончил Институт ориентальных и коммерческих наук в 1931 году и музыкальную школу имени Глазунова в Харбине. Указал в анкете, что профессией является «конторский труд» (музыкант, литератор, кит. и англ. яз.). Переехал из Шанхая в США в 1941 году, служил в американской армии. Переводчик на Нюрнбергском процессе. Уйдя в отставку, окончил Калифорнийский университет. Доктор философии по славяноведению с 1953 года, преподавал в разных университетах. Похоронен на Сербском кладбище в Колме.

48 ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 5307. 2 л.; МРК, коллекция П.П. Лапикена; Собр. В.В. Шкуркина (Сан–Франциско); Сан. Профессор Петр Петрович Лапикен: (Некролог) // Рус. жизнь. 1983. 20 сент.

**П.
П.
Л
А
П
И
К
Е
Н.**

**ЧЕТЫРЕ
ГОРОДА.**

Книга: Четыре города: Очерки. Харбин: Тип. изд-ва "Заря",
1935. 112 с.

Дайрен.

Подъезжая к Дайрену, мы видим серо-желтое море, трубы, трубы... и дома, весьма похожие на казармы. Может быть этот тип домов наиболее дешев, желателен и прост, но город уютным не делает — скорее похожи на военное поселение. И, кажется, очень пыльно — но это показалось — город довольно чистый.

Дайрен. Маленький вокзал. Шесть минут исторических воспоминаний, пока носильщик выручает багаж. Вы садитесь на извозчика, называете адрес — и все. Плата определенная — такса. И первое впечатление, что все здесь протаксировано, остается у вас почти навсегда...

Говорят, что сверху город походит на разбросанные в зелени колеса, что надо помнить дори и что и, главное, Охироба — площадь, от которой приезжий начинает танцевать по Дайрену. Если памятник этой площади вытянет левую чугунную руку, то покажет направление Ояма-дори: там магазины, почта виадук к вокзалу, центральная телефонная станция и 8-ми этажная гостиница, пока еще гордость Дайрена. На площади — различные банки, полицейское управление и Ямато Отель. За ним в гору по Сатзума и Шинмей чо — дайренский госпиталь Мантецу — Ю. М. ж. д. Можете осмотреть его, можете удивиться размерам, населенности, порядкам. Может быть, нас несколько подивит, что за больным помимо персонала, ухаживают мать, отец, жена и пятеро детей... Далее, — школы, то, чему удивляемся восхищенно.

Восхищение и, вообще, сопутствует при обходе города, но едва ли лирическое... Почта, построенная по образцу парижской, очень много подпочт, транспортных контор, складов, различных бюро, банков, агентств, компаний... указывает, что Дайрен явно вырождается в город-контору. И только недалекое море, горы и лески, даже фабрики — где добывают

йод из морской капусты, мыло из бобового масла — большей частью химическая промышленность, даже они оживляют этот город. Сектор, включающий Нихон баси — виадук к вокзалу, порт, Рэнсогай и Манчжу бао, — мало походит на основной Дайрен. Здесь есть Нанива-чо, а это вот что такое:

Блестящие лампочки в Н-сот свечей, цветы, лотки, толпа... Ночной базар Нанива-чо. Мелькают шляпы, лица, обои, гэта... Они разноголосые, эти гэта, к ним надо только уметь прислушаться. Люди ежеминутно прорывают невидимую преграду, стремятся в двери магазинов, боковые улочки, узкие, как ручейки, в такую же толпу. Длинная лента электрических лампочек с 6-го этажа по 2-ой комбинированно вспыхивает и движется вверх. Если вы умеете читать, вы прочтете все новости электрической газеты. На углу улицы увидите фокусника с веревкой на шее. Он делает чудеса. Каждое утро сопровождается речью в час; мы не увидим ни одного... Четки, щетки, шелк, белье, веера, фрукты, пасты, порошки, галстуки, различные патентованные мелочи грудami навалены на лотках. Рядом, за лицемерно недоступными витринами — золото, камни, кольца... Тема витрины — воздушная оборона, сейчас демонстрирующаяся в городе.

Площади в голубой темноте: — на фонарях голубые ведранамордники. В небе ползют светлые струи, пока не ловят серебряного мотылька — аэроплан. Тот делает героические усилия: падает, переворачивается... Напрасно, серо-светлая паутина лучей крепка. Вдали пушечные громы несут смерть...

Уже ночь. Уже глубокая ночь — 10 ч. Вечера. Некоторые улицы украшены световыми арками. Параллелепипеды, кубы, шары, цилиндры и другие геометрические фигуры источают океаны света. А к Рэнсогаю возвращаются сонные автобусы из Порт-Артура. Мимо мчатся трамваи, похожие на поезда, рикши, извозчики, автомобили. Из-за гор вылетает тот дайренский ветер, который выдувает всю лирику из города, ночи, людей...

四个城市 在上海的俄罗斯人 在中国

ДАЙРЕН.

Подъезжая к Дайрену, мы видим серо-желтое море, трубы, трубы... и дома, весьма похожие на казармы. Может быть, этот тип домов наиболее дешев, желателен и прост, но город уютным не делает — скорее похожим на военное поселение. И, кажется, очень пыльно — но это показалось — город довольно чистый.

Дайрен. Маленький вокзал. Шесть минут исторических воспоминаний, пока носильщик выгружает багаж. Вы садитесь на извозчика, называете адрес — и все. Плата определенная — такса. И первое впечатление, что все здесь протаксировано, остается у вас почти навсегда...

Говорят, что сверху город походит на разбросанные в зелени колеса, что надо помнить дори и что и, главное, Охироба — площадь, от которой приезжий начинает танцевать по Дайрену. Если памятник этой площади вытянет левую чугунную руку, то покажет направление Ояма-дори: там магазины, почта, виадук к вокзалу, центральная телефонная станция и 8-ми

Первая страница книги П. П. Лапикена «Четыре города», 1935

этажная гостиница, пока еще гордость Дайрена. На площади — различные банки, полицейское управление и Ямато Отель. За ним в гово по Сат-аума и Шинмей чо — дайренский госпиталь Ман-теу — Ю.М.ж.д. Можете посмотреть его, можете удивиться размерам, населенности, порядкам. Может быть, нас несколько подивит, что за большим помимо персонала, ухаживают мать, отец, жена и пятеро детей... Далее, — школы, то, чему удивляемся восхищенно.

Восхищение и, вообще, сопутствует при обходе города, но слава ли лирическое... Почта, построенная по образцу парижской, очень много подпочт, транспортных контор, складов, различных бюро, банков, агентств, компаний... указывает, что Дайрен явно вырождается в горю-контору. И только недалекое море, горы и лески, даже фабрики — где добывают нод из морской капусты, мыло из бобового масла — большей частью химическая промышленность, даже они оживляют этот город. Сектор, включающий Нихон басы — виадук к вокзалу, порт, Рэнсогай и Малчу бао, — мало походит на остальной Дайрен. Здесь есть Нанива-чо, а это вот что такое:

Блестящие лампочки в Н-сот свечей, цветы, лотки, толпа... Ночной базар Нанива-чо. Мелькают шляпы, лица, обои, гэта... Они разногосые, эти гэта, к ним надо только уметь прислушаться. Люди сжигают прорывают невидимую преграду, стремятся в днери магазинов, боковые улочки, узкие, как ручейки, в такую же толпу. Длинная лента электрических лампочек с 6-го этажа по 2-ой комбинированно вспыхивает

2

Дэнкиюис — меньше, но здесь есть рыбный садок, зверинец и ботанический. Для детей — гигантские шаги, карусель, американские горки, пони... Кроме всего этого, есть в Дайрене Механические мастерские Ю.М. ж.д., лаборатории, испытательные станции и опытные поля. Есть школы с подчиняющимися школьниками, которых вывозят на пляж по праздничным дням. Они удивительны, эти маленькие люди, послушанием, безропотностью и спокойствием. Гимнастика, питание, солнце и море, делают их крепкими с определенным будущим. Это смена — и должна она быть жизнеспособной, может, с некоторым привкусом механизации...

Русские в Дайрене сейчас приживаются, но пока еще немного. Главное занятие — дачи. Есть и конторщики, комиссионеры, один врач, один зубной — потребность строго нормируется: безработных не должно быть. Есть и контрабандисты, красочная история коих сводится к одному: некая личность регистрирует контрабанду и пропускает, повторяет это несколько раз. Смелый контрабандист обманывает бдительность таможи, он торжествует. На шестой раз, когда он рискует очень крупной партией, его ловят...

В Дайрене все рентабельно — есть такое хорошее нерусское слово. Море загоняется в квадраты расчищенных полей: в отлив, солнце выпаривает воду. Сгущенная вода переливается в другие квадраты. Так получается морская соль. Исключительно большие бассейны дожде-

и движется вверх. Если вы умеете читать, вы прочтете все новости электрической газеты. На углу улицы увидите фокусника с веревкой на шее. Он делает чудеса. Каждое чудо сопровождается речью в час; мы не увидим ни одного... Четки, щетки, шелк, белье, веера, фрукты, пасты, порошки, галстуки, различные патентованные мелочи грудными навалены на лотках. Рядом, за лицемерно недоступными витринами — золото, камни, кольца... Тема витрины — воздушная оборона, сейчас демонстрирующаяся в городе.

Площади в голубой темноте: — на фонарях голубые ведра-намордники. В небе ползают светлые струи, пока не ловят серебряного мотылька — аэроплан. Тот делает героические усилия: падает, переворачивается... Напрасно, серо-светлая паутина лучей крепка. Вдали пушечные грома несут смерть...

Уже ночь. Уже глубокая ночь — 10 ч. вечера. Некоторые улицы украшены световыми арками. Параллелепипеды, кубы, шары, цилиндры и другие геометрические фигуры источают океаны света. А к Рэнсогаю возвращаются сонные автобусы из Порт-Артура. Мимо мчатся трамваи, похожие на поезда, рикши, извозчики, автомобили. Из-за гор вылетает тот дайренский ветер, который выдувает всю лирику из города, ночи, людей...

Центральный парк содержит горы, озеро, ручеек, сладкий запах туй, храм буддийский и Шинто, русскую пушку 1904 года, мину, амвост под стеклом и памятник. Электрический парк —

3

ной воды имеются в горах, но, не довольствуясь этим, город имеет большой опреснитель по дороге в Хошигаура. Когда вы едете мимо, кажется, что вдали над морем туман — это бьют невысокие фонтаны опреснителя... Цемент, стекло, камни, нод, руды каких то металлов дает небогатая природа Дайрена. Надо только уметь использовать. А умеют.

Если городу полагается душа, то Дайрен имеет ее в виде солидной конторской книги, где никаких помарок и подчисток не допускают. К книге подходят иностранные корабли и третпето прикладываются, как к священной. Ни шуток, ни улыбок, ни смеха. Несловность наказывается простым, а за него — плати. Делай то, что предначертано свыше этой книгой и не пытайся заработать больше, нежели полагается. Если есть какие-либо неумолимые законы, железная необходимость и прочее, то, несомненно, в этом городе плацдармы корректной сухости и деловитости, заметной на первый взгляд. Меня поразило, что я не заметил здесь развеселости, присущей портовым городам. В других были и улицы матросских кабачков и матросы, веселые, полунагие, заработавшие, сорвавшие куш... здесь, очевидно, сорвать не удастся. И, все таки, город пыльный, хотя пылит: это серые здания, серый асфальт, тротуары и серая, будничная деловитость. Средний уровень жизни дешев, но удивительно приспособлен к наибольшему количеству потребностей. В Дайрене, как правило, нельзя много заработать и скопить, но можно прекрасно прожить, ни в

5

Центральный парк содержит горы, озеро, ручеек, сладкий запах туи, храм буддийский и Шинто, русскую пушку 1904 года, мину, аистов под стеклом и памятник. Электрический парк — Дэнкюеси — меньше, но здесь есть рыбный садок, зверинец и ботанический. Для детей — гигантские шаги, карусель, американские горки, пони... Кроме всего этого, есть в Дайрене Механические мастерские Ю.М. ж.д., лаборатории, испытательные станции и опытные поля. Есть школы с полчищами школьников, которых вывозят на пляж по праздничным дням. Они удивительны, эти, маленькие люди, послушанием, безропотностью и спокойствием. Гимнастика, питание, солнце и море, делают их крепышами с определенным будущим. Это смена — и должна она быть жизнеспособной, может, с некоторым привкусом механизации...

Русские в Дайрене сейчас приживаются, но пока еще немного. Главное занятие — дачи. Есть и конторщики, комиссионеры, один врач, один зубной — потребность строго нормируется: безработных не должно быть. Есть и контрабандисты, красочная история коих сводится к одному: некая личность регистрирует контрабанду и пропускает, повторяет это несколько раз. Смелый контрабандист обманывает бдительность таможни, он торжествует. На шестой раз, когда он рискует очень крупной партией, его ловят....

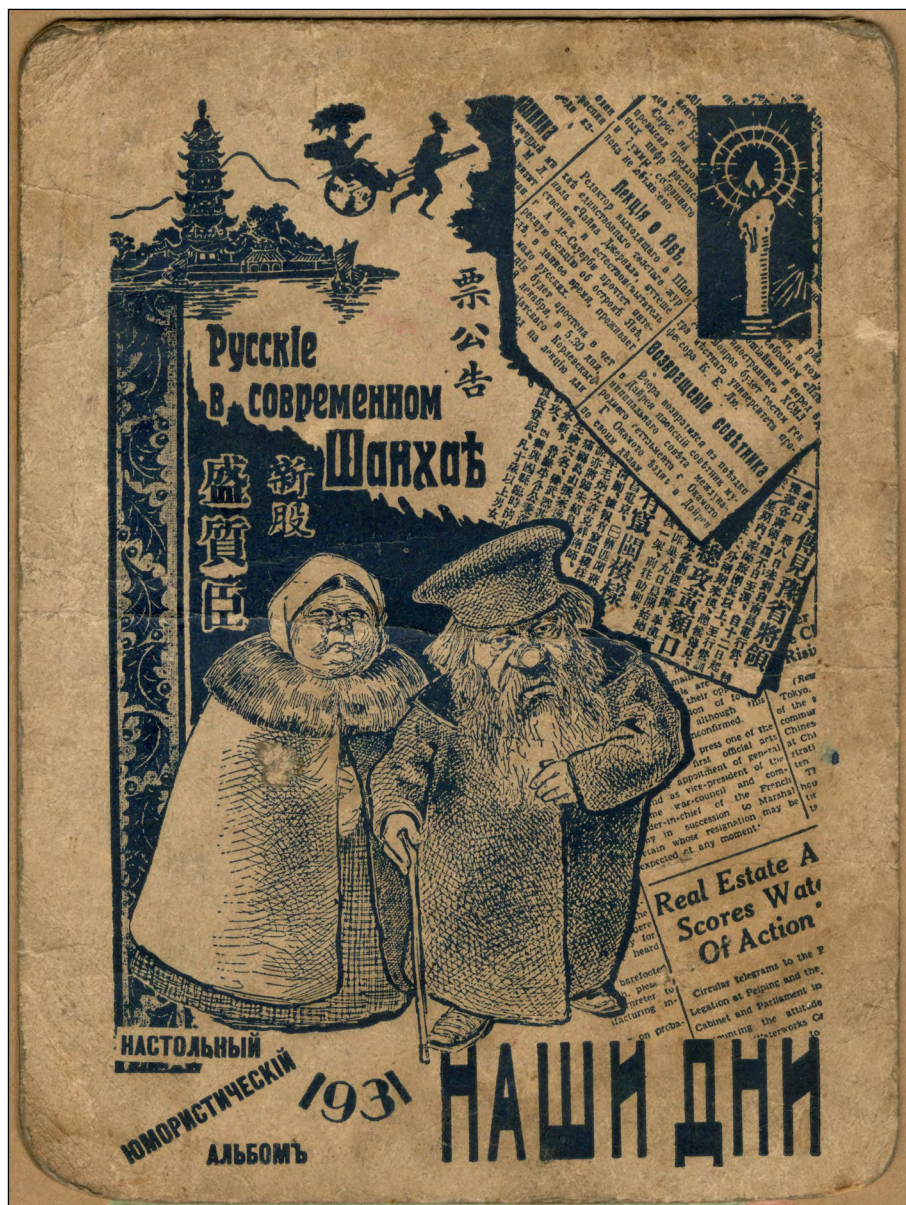
В Дайрене все рентабельно — есть такое хорошее нерусское слово. Море загоняется в квадраты расчищенных полей: в отлив, солнце выпаривает воду. Сгущенная вода переливается в другие квадраты. Так получается морская соль. Исключительно большие бассейны дождевой воды имеются в горах, но, не довольствуясь этим, город имеет большой опреснитель по дороге в Хошигаура. Когда вы едете мимо, кажется, что вдали над морем туман — это бьют невысокие фонтаны опреснителя... Цемент, стекло, камень, йод, руды каких-то металлов дает небогатая природа Дайрена. Надо только уметь использовать. А умеют.

Если городу полагается душа, то Дайрен имеет ее в виде солидной конторской книги, где никаких помарок и подчисток не

допускают. К книге подходят иностранные корабли и трепетно прикладываются, как к священной. Ни шуток, ни улыбок, ни смеха. Неловкость наказывается простым, а за него — плати. Делай то, что предназначено свыше этой книгой и не помышляй заработать больше, нежели полагается. Если есть какие-либо неумолимые законы, железная необходимость и прочее, то, несомненно, в этом городе плацдарме корректной сухости и деловитости, незаметной на первый взгляд. Меня поражало, что я не заметил здесь развеселости, присущей портовым городам. В других были и улицы матросских кабачков и матросы, веселые, полупьяные, заработавшие, сорвавшие куш... здесь, очевидно, сорвать не удастся; И, все таки, город пыльный, хотя пыли нет: это серые здания, серый асфальт, тротуары и серая, будничная деловитость. Средний уровень жизни дешев, но удивительно приспособлен к наибольшему количеству потребностей. В Дайрене, как правило, нельзя много заработать и скопить, но можно прекрасно прожить, ни в чем не нуждаясь. Где-либо такая же жизнь стоила бы больших денег...

Два пригорода — Хошигаура и Рокотан (есть и другие) стягивают дачников из Маньчжурии и Китая. Но, предупреждаем, не вздумайте фотографировать живописные места: море, скалы... здесь военная зона. Прогулки на некоторые горы тоже воспрещены.

Теперь я расскажу одну историю о Рокотан, по китайски Лао-ху-тан — пляж старого тигра. Сейчас это маленький рыбачий поселок, а раньше... раньше было совсем не то. Раньше это была совершенно пустынная местность, где отдыхал старый тигр. Он осторожно раздвигал желтой мордой кусты, потягивался на все четыре лапы, шел мыться к морю. Искупавшись, тигр фыркал от удовольствия и валялся на песке. Раскинувшись на спине, он подставлял солнышку свое белое мохнатое брюхо. Он мурлыкал и засыпал. И пока он спал, на его путь — к леску тащили самостоятельно сдохшую свинью, напичканную имбирём, чтобы тигр не заметил обмана. Тигр ее благосклонно съедал... А теперь здесь поселок.

«Наше дни». Настольный юмористический альбом. Шанхай, 1931

Еще немного осталось о Дайрене. Немного это — порт, фто, матоу. Каждая гавань имеет привлекательность, хотя бы тем, что отсюда уезжают. Отсюда уезжают и приезжают около 10-ти тысяч кораблей. Они вывозят зерно, зерно и зерно, жмыхи, изредка лес, бобовое масло и прочее. Зерно! Это оно привлекает иностранные суда в эту неуютную гавань: я не хочу сказать: неудобную она прекрасна, благоустроена, но...

Зерно! Оно свалено сотнями миллионов пудов в многочисленных хранилищах, где тщательно хранится и сохраняется. Ежедневная погрузка в порту около 2-х миллионов пудов. Железнодорожные ветки — целая сеть — протянуты сюда, армии рабочих, машин, кранов, мешков... согласованно живут и повинуются огромному четырехэтажному складу — управлению, похожему на хорошо оструганный брусок своим внешним видом — современный стиль. Но все это малодоступно для глаз пассажиров, выгружающихся в длинном здании с полукруглым порталом. Пассажиры знают, что зал этот стоил 700 тысяч иен, построен был в 1924 году, что пароходы пристают к бортам этого зала, что перед отходом бьют в медную тарелку, снимают сходни... В руках у провожающих — серпантин. Машут платками, кричат... Группа студентов поет песню. У многих куплены корзины бананов, здесь дешевых.

Маленький буксир оттягивает пароход, тот вздрагивает, выбрасывает массы воды. Город Дайрен — пятно, горы тают, уменьшаются. Уже — море, которым вначале любуешься, но вскоре это пустыня: вода, вода, вода... Волны, привлекательные и разнообразные глыбы жидкого стекла с мраморными прожилками, пена, как кружева, начинают повторяться и надоедать. Море — очень скучная вещь, если пробыть на нем года....

О Порт-Артуре я не пишу — я не люблю неизлечимой грусти.⁴⁹

49 *Лапикен П. П.* Четыре города: Очерки. Харбин: Тип. изд-ва “Заря”, 1935. С. 1-7

Циндао...море. Прекрасный песок, палатки, полы для танцев, моторные и весельные лодки, рестораны... люди...

Кто-то шепчет:

— Не говори по-русски, пусть нас принимают за иностранцев.

Вероятно, какое то убожество мечтает об этом долгие годы... Вечером город почти нескучен и живописен: темные силуэты гор, гирлянды огней, светлые кратеры оживленных центральных участков города, окна домов, дробящихся светлыми бликами в море... Если сидеть на веранде, свисающей с уступа горы над морем, то услышишь, как внизу шуршит по гравию море и туман. Легкий ветерок качает прядь роз, спустившуюся из соседнего сада. Вдали мерцает фонарь маяка. Кропят облака тёмно-зелёными тенями землю. Свежо. Спрячемся за полированные стекла любоваться миром гор, моря, луны, который постепенно приобретает фарфоровую хрупкость...

Что еще можно сказать о Циньдао, помимо подземных фортов, красных крыш, дачек?... Здесь была почти Бавария; Гранд-Отель до сих пор зовется Отель Принца Генриха, а оранжево-черное чудовище города Цинь-дао — кабриолет — уже вымирает. Здесь не дорога клубника: несколько цент фунт; клубнику другого порядка немецкий начальник полиции воспретил, а пираты, возмущенные непосильными налогами у других берегов Шаньдуна, подбираются сюда. Есть культурная жизнь, около сотни землячеств, по числу русских семейств, бесконечно дешевые шляпы, чесунча и фаланыцы — клуазонэ...

Если у ваших знакомых есть катер под иностранным флагом, поезжайте скорее посмотреть рыбную ловлю. — Вы увидите чудную сказку о рыбаке и рыбке, ожившую у берегов Цзяо-чжоу...

Если бы не война 14-го года, мы имели бы Берлин-Циньдаоскую железную дорогу через Константинополь и Багдад... О, у Цинь-дао безусловно великое будущее, но пока он надоедает за два дня...

Кто помолодел, так это...

...Акулина Петровна

(1921 | 1931)

Здесь и далее в главе карикатуры из настольного юмористического
альбома «Наши дни», 1935)

День и вечер проходят смиренно — идет дождь. Заполняют анкеты, играют в мачжан, слушают красочные довести о Шанхае, Сингапуре, Макао, Филиппинах и мирно расходятся спать. Утро опять дождливое. В 12 торопливо обедают и ждут. К 2 часам показывается солнце и совершенно желтая вода, хотя это море.

На горизонте зелень. Мы приближаемся. Шанхай! Некоторые, обостренным понаслышке зрением видят Нанкинскую улицу, авеню Жоффри, собачьи скачки... Некий человек поддразнивает: — Совершенно верно. Видите, та, белая, прибежала первой.

Смех. Все тревожны. Шанхай! сердце замирает, Шанхай! Город нежных развлечений!

Но до Шанхая далеко. Это проплывают нефтеналивные склады, пресный океан реки Яньцзы и множество парусных посудин, шаланд различного сорта... Две тысячи лет тому назад, вероятно, плавали такие-же и также паруса горели разноцветными заплатами... Мимо плывет белое чудо Канадской компании — «Императрица Азин», колесные пароходики, маленькие крейсера, проданные по ошибке... Шанхай!..⁵⁰

50 Лапикен П. П. Четыре города: Очерки. Харбин: Тип. изд-ва “Заря”, 1935. С. 11–13

Настя всегда презирала этих мужчин

...Люди идут с полотенцами, ежеминутно вытираясь. Все мокры, всем жарко. Надо молиться богам, здесь их несколько: бог-деньги, бог-сквозняк, бог-тайфун.

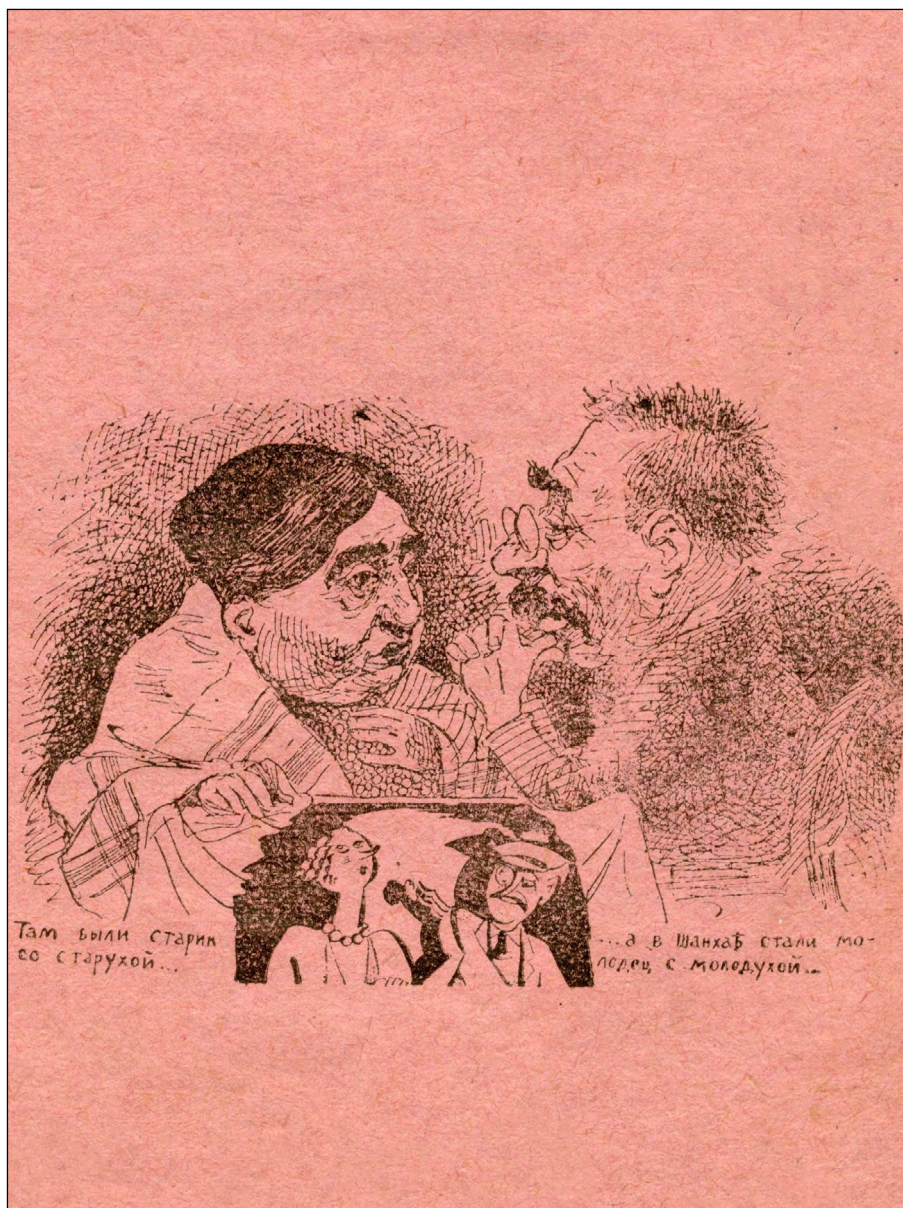
Жарко: у постовых полицейских-анамитов на французской, концессии и индусов на международной — жалкий, обмокший вид. А грузчики на Кэ-де-Франс и Бище — на набережной широкой грязной лужи Хуан-пу или Вам-пу? А рикши, называющиеся по китайски Вам-па-це или по-русски, Лам-па-цо? О рикшах и кули пишут трактаты, проектируют особые колясочки, награждают благословением небес в будущей жизни, где будет не так жарко и копера будут серебряными, даже Лига Наций попыталась узнать о их жизни. А пока что: — вообразите трогательную историю о счастливой китайке и ее муже. О леди, погоняющей: асо-асо, о жаре и смерти двуногой лошадки.

Жара это значит — несколько стаканов прохладительного, фрукты, холодный душ, а на завтра: амебная дизентерия, сыпь на теле и жар. Или же: горячий чай, сухое полотенце и путешествие по Шанхаю пешком без признаков заболеваний. Жара это — жажда: сквозняка, питья, холодка. Это — загоревшееся дерево, асфальт, мокрый до слякотности, веера, вентиляторы, холодильники, шторы за окнами, толпы людей на улицах, когда подует ветерок и ночь. Ночь с мокрой простыней на теле, циновки без белья и луна: большая, желтая, вспотевшая, тропическая...

Но не бойтесь жары, она не так страшна; к ней привыкают.⁵¹

51 Лапикен П. П. Четыре города: Очерки. Харбин: Тип. изд-ва “Заря”, 1935. С. 20

Там были старик со старухой...

...а в Шанхае стали молодец с молодой

在上海的俄羅斯人

Мое знакомство с жизнью русских началось с невероятно-го анекдота: —

На одном шахматном вечере к Алехину подбежала некая и с укором сказала:

— Гордость России. Как вы смеее пить водку.

Алехин сконфузился и через месяц уехал из Шанхая...

Здесь крайне много поэтов. О них говорят так: — Моя жена талант. Она издала три книги стихов. — Скверных? — Три книги...

Проза имеет следующий вид:

Жил богатый папа китаец Фоп-гои с дочкой по имени Фу-Фу, что значит, счастливая удача. 90 страниц небывалой экзотики, телохранитель-бодигард Жорж, любовь бедной русской и богатой китайки, счастливый брак (понятно, с бедной), Фу-Фу умирает от чахотки. Или еще:

— Рождество. Елка. Бедная конурка. Дуэт папы й умирающего сына: Ма-ма, где ты... Мама, живущая с богатым иностранцем, в приливе благородных чувств, кается. К конурке подъезжает роскошный форд... Мальчик выздоравливает.

— Она богата. Он культурен: пьет рюмками водку и играет Шопена. Первый поцелуй на 115-ой странице, после бешеной автомобильной гонки, когда умирает ее муж, а природа заботливо топит пароход с его женой.

Эти отбросы называются литературными новинками...

Будущему критику придется отметить: социалка вместо социалистка, княгиня поздоровалась с графом очень этикетно, ужасно жуткий кошмар, мое сердце иссоперничалось и многое другое. Разумеется, это не о всех, кто к настоящему времени стали шанхайскими и, конечно, было бы бесстыдной клеветой говорить, что русские в Шанхае только этим и заняты.

Но не бойтесь жары, она не так страшна; к ней привыкают.

Глава 4. РУССКИЕ В ШАНХАЕ.

Мое знакомство с жизнью русских началось с невероятного анекдота: —

На одном шахматном вечере к Алехину подбежала некая и с укором сказала:

— Гордость России. Как вы смеете пить водку.

Алехин сконфузился и через месяц уехал из Шанхая...

Здесь крайне много поэтов. О них говорят так: — Моя жена талант. Она издала три книги стихов. — Скверных? — Три книги...

Проза имеет следующий вид:

Жил богатый папа китаец Фоп-гоп с дочкой по имени Фу-Фу, что значит, счастливая удача. 90 страниц небывалой экзотики, телохранитель-бодигард Жорж, любовь бедной русской и богатой китаянки, счастливый брак (понятно, с бедной), Фу-Фу умирает от чахотки. Или еще:

— Рождество. Елка. Бедная конурка. Дуэт папы и умирающего сына: Ма-ма, где ты... Мама, живущая с богатым иностранцем, в приливе благородных чувств, кается. К конурке подъезжает роскошный форд... Мальчик выздоравливает.

— Она богата. Он культурен: пьет рюмкуми водку и играет Шопена. Первый поцелуй на 115-ой странице, после бешеной автомобильной

1921 год в Харбине | 1931 год в Шанхае

Такая немилостивая штука, как кризис, заставляет служить в конторах, полиции, почте, муниципалитете, работать в мастерских, гаражах, доках, заводах... Имеют русские и предприятия различного рода: меблированные квартиры, торговли, хозяйства, фотографии, кабинеты красоты, модные мастерские... Есть среди них аферисты и дельцы, не всегда добродетельные, посредники, преподаватели, врачи, инженеры, адвокаты, музыканты, артисты, журналисты — нескольких русских газет и журналов — танцующие девушки, вероятно, жиголо и «пробные браки».

Помимо этого, занимаются русские спортом: легкая, тяжелая атлетика, велосипедный и теннис. Имеются кружки сильных шахматистов. За русскими в этом много первых мест и призов.

В Шанхае есть русские церкви. Увы, землячества и политические секты, — бич Господень в эмиграции, — и Русский клуб. Часть неких малокультурных подражает иностранному отбросу из метрополии — они не говорят по-русски, тщательно забыли о России, крайне надменны и слова выплевывают сквозь зубы, трусливы и нечистоплотны в делах наживы. Оговорюсь: под «русскими» идут все народности, входившие ранее в состав России...

Делают они и все то, что другие: играют на Рейс Корею, в Хай-Алае, в Канидроме — где собачьи скачки, где в джассе — негры, где толпа и призы в десятки тысяч... Покупают билеты государственной лотереи, посещают кабаре, кино.... по воскресеньям едут на реку и, наконец, говорят по-английски...

Из глав других мы узнаем о русских дополнительные подробности.⁵²

52 *Лапикен П. П.* Четыре города: Очерки. Харбин: Тип. изд-ва “Заря”, 1935. С. 21–23

Дядя Мокий долго не мог к Шанхаю привыкнуть, пока не сделался менеджером знаменитого ночного кабаре «Лилиовая Птица»

Глава 5. АСТРЫ.

“翠菊” 號飛艇 (俄羅斯) | 阿斯特拉 (菊科草本植物)

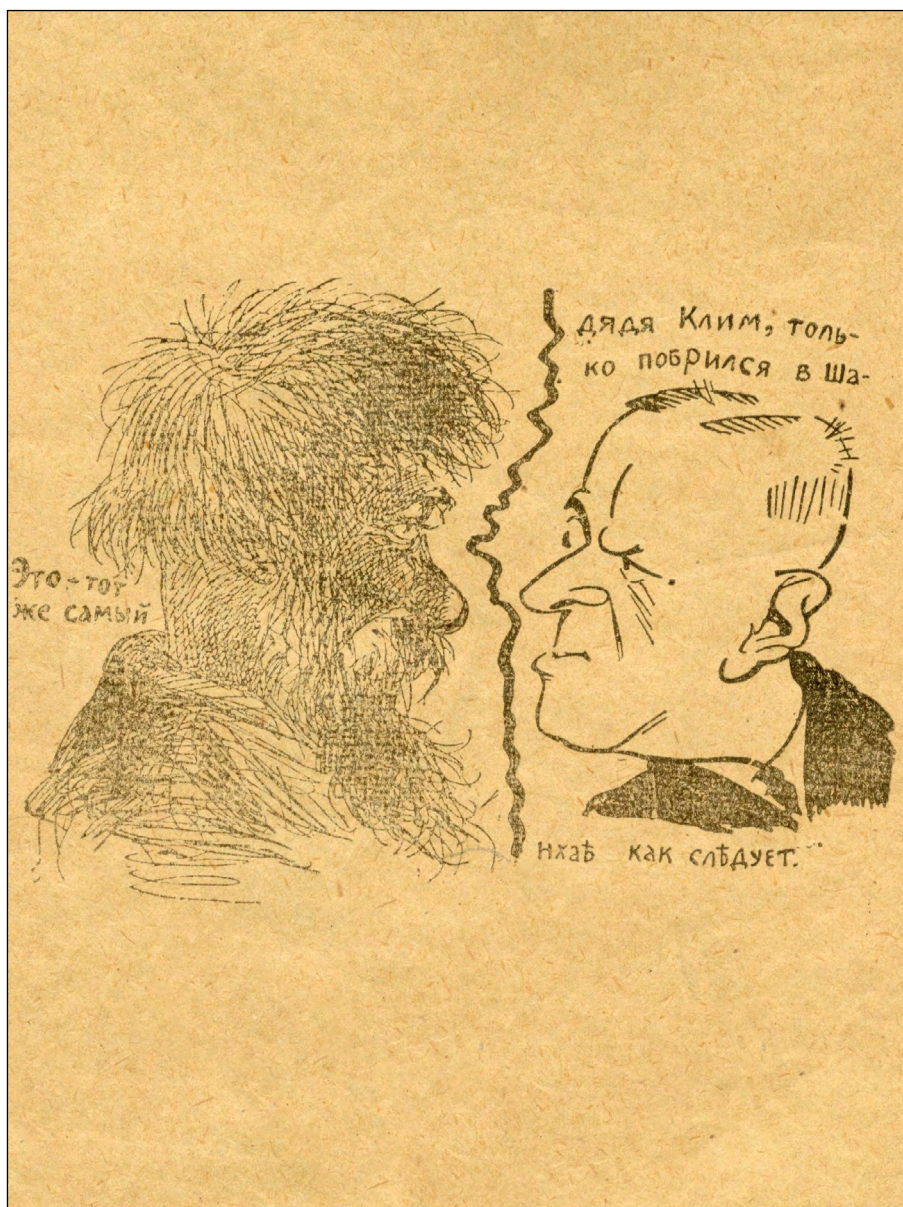
Шанхай заполнен цветами. В цветочных магазинах, которыми кишит город, вы встретите их, всяких. Тут и гладиолусы, и нерии, и розы; ромашки, колокольчики, всех цветов, кровавые цветы гибискуса, хризантемы нежнейших тонов, плакучие хризантемы с длиннейшими, как бы спутанными лепестками, пионы, которые в Китае равны голландским тюльпанам, гвоздики, золотая розга, дряквы, пурпуровая наперстянка с удлинёнными розовыми колокольчиками, желтые башмачки, касатик или же ирис, нарциссы, белянки, шафраны или крокусы, вербена, орхидеи, пестрые и яркие, как бабочки, львиный зев и пеларгонии, магнолии и резеда...⁵³

Глава 5. АСТРЫ.

Шанхай заполнен цветами. В цветочных магазинах, которыми кишит город, вы встретите их, всяких. Тут и гладиолусы, и нерии, и розы; ромашки, колокольчики, всех цветов, кровавые цветы гибискуса, хризантемы нежнейших тонов, плакучие хризантемы с длиннейшими, как бы спутанными лепестками, пионы, которые в Китае равны голландским тюльпанам, гвоздики, золотая розга, дряквы, пурпуровая наперстянка с удлинёнными розовыми колокольчиками, желтые башмачки, касатик или же ирис, нарциссы, белянки, шафраны или крокусы, вербена, орхидеи, пестрые и яркие, как бабочки, львиный зев и пеларгонии, магнолии и резеда... Если вы сна-

23

53 Лапикен П. П. Четыре города: Очерки. Харбин: Тип. изд-ва “Заря”, 1935. С. 23

Это тот же самый дядя Клим; только побрился в Шанхае как
следует

不光彩的事情

На Центральном рынке русские жители Шанхая покупают продукты: дешевле, чище и, под шумок, можно торговаться. Одна из жительниц увидела сочную, спелую дыню, желтую и палящую, как солнце, спустившееся на землю. Спросила — сколько стоит? Десять цент. Долго торговалась и купила, положила в корзиночку и привезла домой. Дома разрешила и стала ругаться:

— Вот черти, прости Господи, кость какую для веса в дыню положили. Ну и люди...

Но когда стала есть, умилилась:

— Какая вкусная!

Так потом и покупала плоды мангустана:

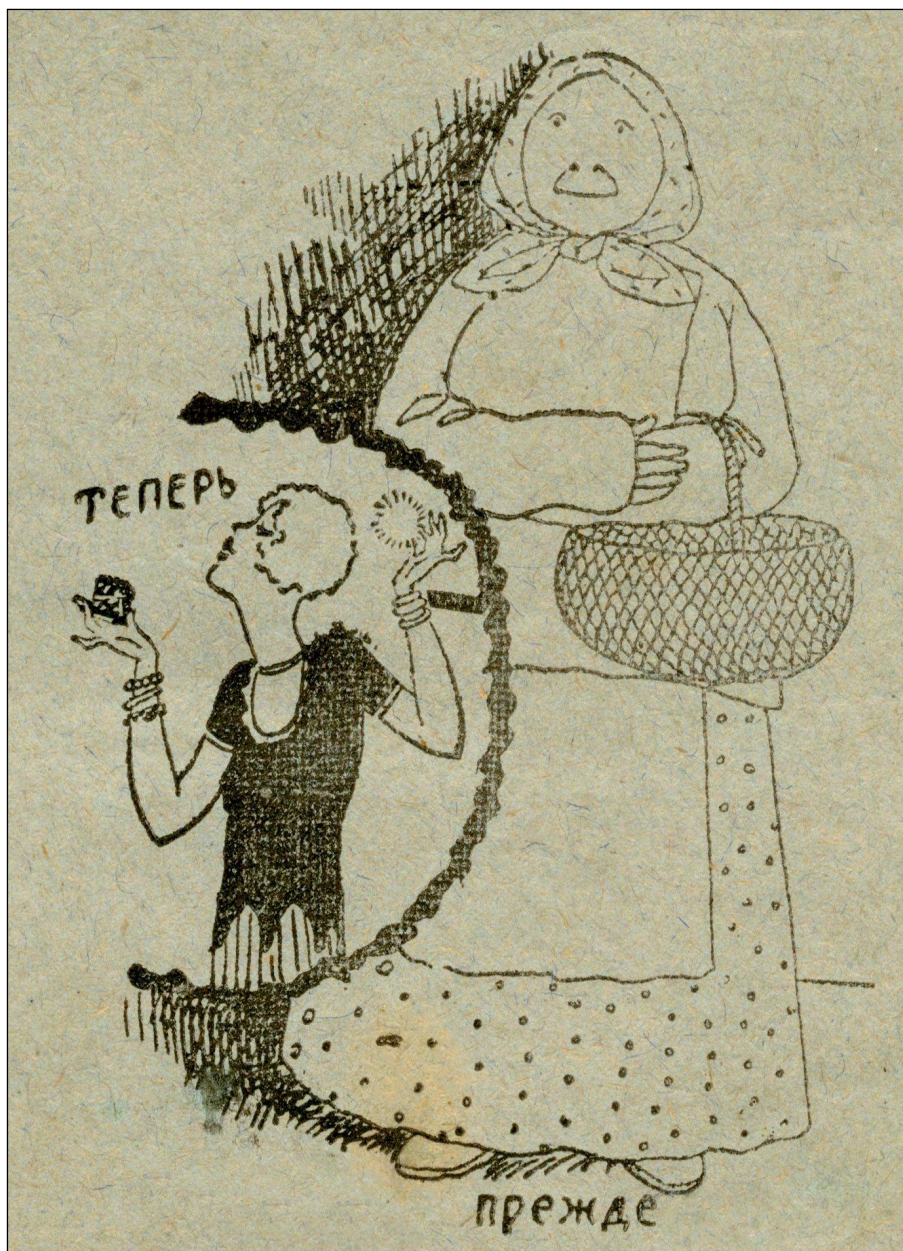
— Дайте, черти, дыню с косточкой.

На французской концессии есть дом с нечистой силой, другой, похожий, где был штаб английских охранных войск, находится против Рейс-Корсо. В одном из них есть такая надпись на стене: «Сидел всю ночь, сейчас третий час, привидений нет все враки».

Про автора этой надписи говорят, что он заколотил до смерти пивной бутылкой нечистую силу и получил пять тысяч долларов благодарности от домохозяина.

В доисторические времена, то есть, до прибытия русских, в ванны из водопроводных труб выползали змеи. Сырые фрукты и овощи никто не ел; носили, непременно, пробковые шлемы; ездили в 1-м классе; пешком не ходили и т. д. Теперь не то: змеи покинули столь странные убежища, а меняльщики денег на французской концессии говорят: Тибе какой деньди нада: большой деньди, маленький деньди?

А в витринах на Авеню Жоффр есть надпись: Ici on parlent Fraincais или: We speak English.

Прежде | Теперь

Глава 23. ВЕЩИ НЕПРИЛИЧНЫЕ.

На Центральном рынке русские жители Шанхая покупают продукты: дешевле, чище и, под шумок, можно торговаться. Одна из жительниц увидела сочную, спелую дыню, желтую и палящую, как солнце, спустившееся на зем-

42

Отрывок из 23 главы книги «Четыре города», 1935

Появились уже и прачечная «Харбин», булочная «Нахаловка» и прочее вывески на русском языке. Но, зато, русские, со своей стороны, веер и вентилятор называют фэном; по телефону научились заказывать мясо, овощи, хлеб; научились писать по-английски: Room to let, flat to let

Стали носить также темные очки, бриться каждый день, а спину почесывать бамбуковой грабелькой. Комаров они называют москитами, мошкару trouble — дела, спешка и все прочее, что можно обозначить словом business, прочно сжилось или сживается с русскими. Появляется деловитость, правда, порою переходящая в шарж; торопливость, умение ценить свободное время, распределять его; умение использовать минимум времени с пользой, но....

В большинстве, к счастью или не к счастью, русские остаются русскими: с бесконечными жалобами на космос и его попустительство; с непрекращающимися жалобами на окружающих, на злых людей, вовлекших того или иного россиянина в невыгодную сделку, на Марью Ивановну, перешившую новое платье, на политическую веру Петра Ивановича, на казначея из Лапландского землячества и т. д.

лю. Спросила—сколько стоит? Десять цент. Долго торговалась и купила, положила в корзиночку и привезла домой. Дома разрежала и стала ругаться:

— Вот черти, прости Господи, кость какую для веса в дыню положили. Ну и люди...

Но когда стала есть, умилилась:

— Какая вкусная!

Так потом и покупала плоды мангустана:

— Дайте, черти, дыню с косточкой.

На французской концессии есть дом с нечистой силой, другой, похожий, где был штаб английских охранных войск, находится против Рейс-Корсо. В одном из них есть такая надпись на стене:

— «Сидел всю ночь, сейчас третий час, привидений нет все враки».

Про автора этой надписи говорят, что он заколотил до смерти пивной бутылкой нечистую силу и получил пять тысяч долларов благодарности от домохозяина.

В доисторические времена, то-есть, до прибытия русских, в ванны из водопроводных труб выползали змеи. Сырые фрукты и овощи никто не ел; носили, непременно, пробковые шлемы; ездили в 1-м классе; пешком не ходили и т. д. Теперь не то: змеи покинули столь странные убежища, а меняльщики денег на французской концессии говорят:

— Тибе какой деньди нада: большой деньди, маленький деньди?

А в витринах на Авеню Жоффр есть надпись: **Ici on parlent Français**
или: **We speak English**

Появились уже и прачечная «Харбин», булочная «Нахаловка» и прочее — вывески на русском языке. Но, зато, русские, со своей стороны, веер и вентилятор называют фэном; по телефону научились заказывать мясо, овощи, хлеб; научились писать по-английски:

Room to let, flat to let

Стали носить также темные очки, бриться каждый день, а спину почесывать бамбуковой грабелькой. Комаров они называют москитами, мошкару — **trouble**; дела, спешка и все прочее, что можно обозначить словом **business**, прочно сжилось или сживается с русскими. Появляется деловитость, правда, порою переходящая в шарж; торопливость, умение ценить свободное время, распределять его; умение использовать минимум времени с пользой, но....

В большинстве, к счастью или не к счастью, русские остаются русскими: с бесконечными жалобами на космос и его попустительство; с непрекращающимися жалобами на окружающих, на злых людей, вовлекших того или иного россиянина в невыгодную сделку, на Марию Ивановну, перешившую новое платье, на политическую веру Петра Ивановича, на казначея из Лапландского землячества и т. д.

Но такое злое существо, как жизнь, швыряет людей, шлифует, закаляет и многие с удивительной цепкостью и энергией приспособ-

Но такое злое существо, как жизнь, швыряет людей, шлифует, закаляет и многие с удивительной цепкостью и энергией приспособляются работать и воюют. Трудно узнать этих прекраснодушных нытиков в упрямых и крепких борцах за жизнь. Они завоевывают жизнь — может быть, это самое неприличное, что мне приходится сказать. Но еще большее быть может — благодарить тех, кто приютил меня в Шанхае? Я, все же это делаю!⁵⁴

бляются работать и воюют. Трудно узнать
этих прекраснодушных нытиков в упрямых и
крепких борцах за жизнь. Они завоевывают
жизнь — может быть, это самое неприличное,
что мне приходится сказать. Но еще большее
быть может — благодарить тех, кто приютил
меня в Шанхае? Я, все же это делаю!

54 Лапикен П. П. Четыре города: Очерки. Харбин: Тип. изд-ва “Заря”, 1935. С. 62–65

Игуменья Ариадна (Ariadna):
Отрада и утешение

喜悦和安慰

*Настоятельница Богородице-Владимірской Женской
Обители Игуменія АРІАДНА.*

(1 ноября 1900, Чердынь, Пермская губерния. – 19 июня 1996,
Сан-Франциско)

Переезд в другую страну — это всегда большое потрясение для любого человека. Если же это вынужденная эмиграция, да еще и после ломки всего, что было тебе дорого, то она переживается в несколько раз труднее. Особенно в сложной ситуации оказываются женщины, на которых ложится ответственность за обустройство на новом месте и воспитание детей. Помощь в этом оказывали русские монахини.

Августа Александровна Мичурина, мирское имя будущей монахини, родилась 1 ноября 1900 года в Чердыни Пермской губернии. Окончив шесть классов гимназии в июне 1917 года, стала послушницей в Чердынской Иоанно–Богословской обители, которой руководила игуменья Руфина с 8 июля 1917 года. Вместе с ней бежала во Владивосток в феврале 1920 года, где участвовала в открытии женского монастыря на Морском кладбище. Вместе с другими беженцами Августа уехала в 1921 году в Харбин. 10 мая 1927 года она постриглась в рясофор с наречением имени Аглаида, а в мантию с именем Ариадна 19 ноября 1930 года

После смерти Руфины настоятельницей Богородице–Владимирской женской обители в Харбине с 16 сентября 1937 года была назначена игуменья Ариадна. На протяжении всей жизни игуменья Ариадна вспоминала про свою наставницу, посвящая ей свои многочисленные труды.

Русские священники стали приезжать из Китая в США сразу же после окончания Гражданской войны. В 1941 г., живя в Китае, открыла свое подворье в Сан–Франциско игуменья Ариадна (Мичурина). «Что же касается переехать в Америку, – писала игуменья Ариадна, – то этот вопрос весьма сложен. Конечно, если бы была жива матушка Руфина, быть может, часть монастыря давно была бы уже в Америке. У нее на это был совершенно индивидуальный взгляд. Я же принять на свои плечи такую ношу, откровенно скажу, не решилась сразу привести в исполнение план почившей матушки. Переехать одной небольшой семье со станции на станцию часто бывает тяжело,

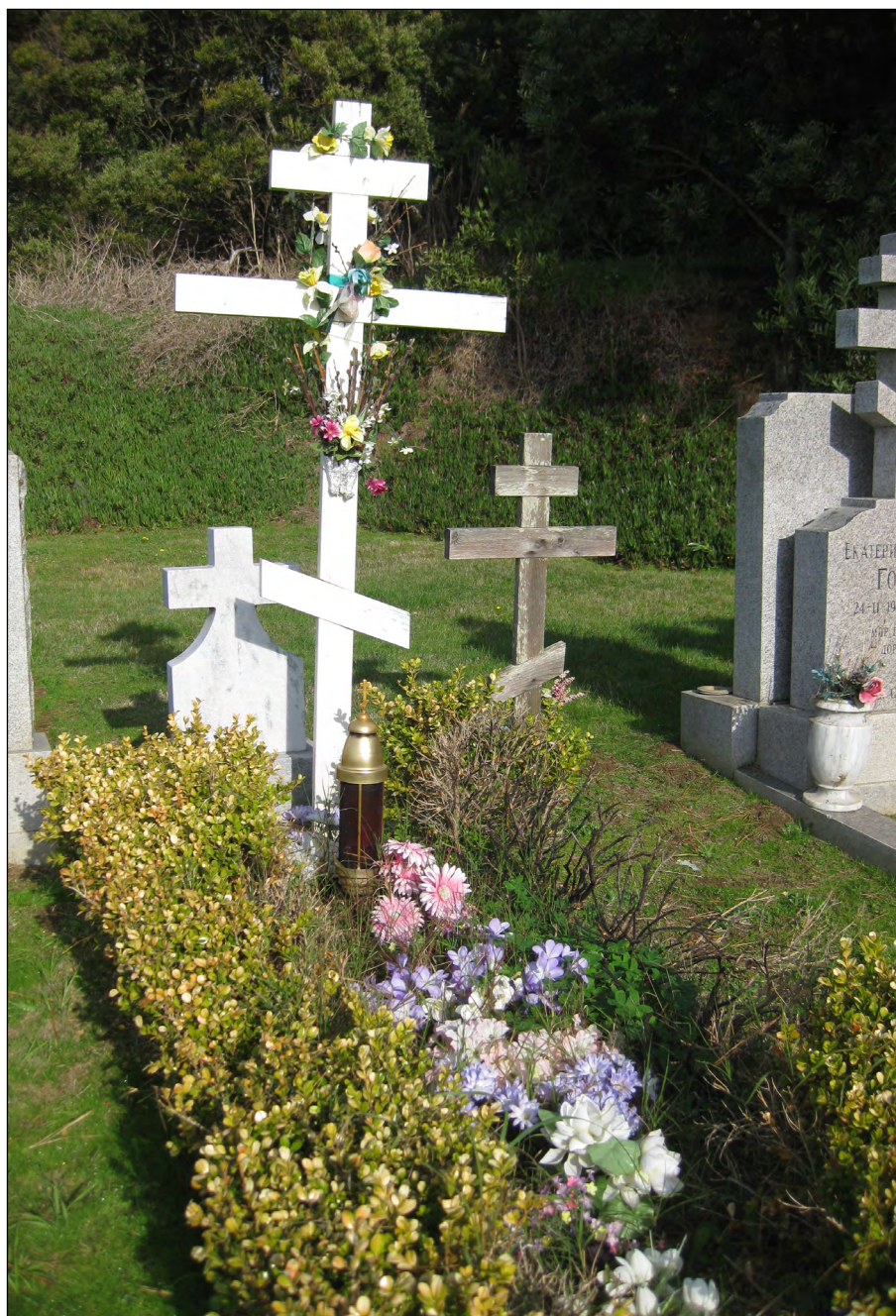
а через океан даже невозможно, а если улыбается счастье единичным семьям, так и то лишь после массовых хлопот» (Ариадна. О переселении женского монастыря Дальнего Востока в Калифорнию // Новая заря. 1939. 12 янв.).

Когда к Шанхаю подошли красные, игуменья Ариадна с четырьмя монахинями уехала в 1948 году в Сан-Франциско. Она сразу же стала хлопотать о разрешении приехать в США монахиням и сиротам, которые еще оставались в Шанхае и Харбине. Со временем ее усилия увенчались успехом.

В Америке организаторский талант игуменьи Ариадны развернулся во всю силу. В Канаде (провинция Альберта) она основала Покровский скит, где разместились пожилые монахини, которым был закрыт въезд в США. Возрожденная ею Богородице-Владимирская женская обитель была одним из самых благополучных эмигрантских заведений. Она приобрела типографию «Луч» и стала издавать отрывной календарь, а затем купила несколько домов с участками, где поселились монахини. Другим ее большим делом стало учреждение Братства «Ревнителей православия» в 1952 году. В 1959-ом был открыт Скит имени Преподобного Серафима Саровского, где устроили свечной завод и стали производить выпечку просфоры. В дальнейшем женский монастырь в Сан-Франциско успешно продолжил свою деятельность на ниве православия. В 1990 году ее посвятили в схи-игуменьи.

Ариадна скончалась 19 июня 1996 года в Сан-Франциско (Некролог // Рус. жизнь. 1996. 22 июня). Похоронена на Сербском кладбище в Колме (Калифорния).

ЦАРСКИЙ ПУТЬ
ЦАРСКОЙ ИГУМЕНИИ

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
ВСЕЧЕСТНОЙ ИГУМЕНИ РУФИНЫ

ИЗДАНИЕ
БОГОРОДИЦЕ - ВЛАДИМИРСКОЙ ЖЕНСКОЙ
ОБИТЕЛИ
ШАНХАЙ 1948 г.

Книга: Царский Путь Царской Игуменьи: Жизнеописание Всечестной Игуменьи Руфины. Шанхай: Изд. Богородице-Владим. жен. обители, тип. "Никита" – До-шин Пресс", 1948. 165 с.: ил., портр.

ПОСЛУШНИЦА ОЛЯ.

Кто вложил в сердце маленькой Оли неукротимое, крепкое как сталь, всежизненное устремление к иноческому житию, Господь, Матерь Божия, св. Божьи человеки!

Семья Кокоревых не была далека то Церкви, не была отчуждена от неё, но не было у родителей Олиных, этих крепковейных промышленников свободного и широкого приуральского края, нарочитой тяги к Церкви, особой близости к Ней.

Случайны могли лишь быть семена, которые, падая на впечатлительную душу ребенка, способны стали возрасти неутолимой жаждой иноческого подвига, уже с 8-ми лет ставшей содержанием Олиной жизни. Эти семена могли ронять рассказы матери о чтимых святых, но как благодатно подготовлена должна была быть душа девочки, чтобы ощутить привычные в каждой православной русской семье повествования эти, как властный призыв, к ней обращенный!

И стоило й воочию увидеть Обитель, подышать монастырским воздухом, окунуться в святую атмосферу иноческой жизни, как решение оказалось принятым — раз и навсегда, и уже не стало силы на земле, способной разлучить Олю от места молитвы иноческой, ею однажды обретенного.

Этим местом был Успенский Женский Монастырь, настоятельницей коего была любимая церковным народом и им почитаемая Игуменья Руфина.

Временное отсутствие родителей совпало с моментом первого посещения Олей Обители. Эти посещения стали сразу же ежедневными. А когда вернулись родители, они стояли уже перед фактом столь тесной связи Оли с Монастырем, что ни угрозы, ни запреты не могли уже этой связи ослабить.

Через форточку убегала девочка, чтобы не опоздать к раннему монастырскому Богослужению, постылым стал для неё родной дом.

Игуменья Руфина

**Царскій Путь
Царской Игуменіи**

**Жизнеописание
Всечестной Игуменіи Руфины**

**Издание
Богородице - Владимірской Женской
Обители
Шанхай 1948 г.**

Титульный лист книги Игуменьи Ариадны «Царский Путь Царской Игуменьи: Жизнеописание Всечестной Игуменьи Руфины»

Попытки насильственно удержать её в домашнем быту лишь укрепляли настойчивость девочки, умолявшей родителей отпустить её в Обитель.

Болезненные явления, приобретающие характер всё более угрожающий, показали и матери, и отцу, что перед ними не каприз своенравного ребенка, а нечто более серьезное и глубокое. И они сдались. В конце июля 1880 г., Оля Кокорева перешла на жительство в Успенскую Обитель, а в канун Преображения облачена была в одежду послушницы.

— Быть тебя Игуменьей! — полусмешливо, полусерьёзно сказала её при этом Матушка Руфина, ибо в самый момент облачения раздался колокольный звон, чего ни разу не случалось в практике Обители.

Со всей горячностью своей восприимчивой натуры отдается Оля монастырскому житию. Скоро она свой человек на клиросе. Успевают она и в иных монастырских делах, обнаруживая сметливость и трудолюбие, и умение слушаться. Особо удачлива она в работах рукодельных.

Как семья смотрит на эти успехи, на это постепенное и быстрое вживание Оли в монастырский уклад жизни? Не может, не хочет она признать Олю «отрезанным ломтем». Надеются родные, что кончится увлечение, что вернется к ним дочь, что утешит она их старость. Доходило до того, что Оля должна была, уступая мольбам и требованиям отца и матери, возвращаться домой. Это кончалось ничем, обнаруживая каждый раз лишь то, что отрыв Оли от избранного ею пути способен самым губительным образом, если даже не роковым, отразиться на её здоровье. Обмороки, кровотечения бывали, в подобных случаях, внешним проявлением её глубоких внутренних переживаний. Вновь сдаваться приходилось семье перед крепостью сердечного устремления отроковицы Ольги — и снова послушницей монастырской возвращалась она в родную Обитель.

Надо ли говорить о том, как эта постоянная близость семьи, её настойчивое вмешательство в жизнь монастырской послушни-

цы, все эти проявления «мирской» любви к своему дитяти, вечные времена Святым Духом.⁵⁵

ИГУМЕНІЯ РУФИНА, МОНАХИНЯ АРІАДНА
И ИНОКИНЯ ЕВТРОПІЯ В 1935 г.

Игуменья Руфина, Монахиня Ариадна
и Инокания Евтропия в 1935 г.

55 Мичурина А. А. Царский Путь Царской Игуменьи: Жизнеописание Всечестной Игуменьи Руфины. Шанхай: Изд. Богородице-Владим. жен. обители, тип. "Никита" – До-шин Пресс", 1948. С. 5–7

Оборот титула книги Игуменьи Ариадны «Царский Путь Царской Игуменьи: Жизнеописание Всечестной Игуменьи Руфины»

I ПОСЛУШНИЦА ОЛЯ.

Кто вложил в сердце маленькой Оли неукротимое, крѣпкое как сталь, всежизненное устремленіе к иноческому житію? Господь, Матерь Божія, св. Божіи человѣки!

Семья Кокоревых не была далека от Церкви, не была отчуждена от нея, но не было у родителей Олиных, этих крѣпковыхъ промышленниковъ свободнаго и широкаго приуральскаго края, нарочитой тяги к Церкви, особой близости к Ней.

Случайны могли лишь быть сѣмена, которыя, падая на впечатлительную душу ребенка, способны стали возрасти неутолимой жадной иноческаго подвига, уже с 8-ми лѣтъ ставшей содержаніем Олиной жизни. Эти сѣмена могли ронять рассказы матери о чтимыхъ святыхъ, но как благодатно подготовлена должна была быть душа дѣвочки, чтобы ощутить привычныя в каждой православной русской семьѣ повѣствованія эти, как властный призыв, к ней обращенный!

И стоило ей воочію увидѣть Обитель, подышать монастырскимъ воздухомъ, окунуться в святую атмосферу иноческой жизни, как рѣшеніе оказалось принятымъ — раз и навсегда, и уже

«Чтоб не услышать страшных слов: «Отойдите от меня проклятые — в огонь вечный!» и не попасть во тьму кромешную, где целую вечность будет плач и скрежет зубов, духовные и телесные истязания бесов — слуг сатаны. Да, минует Вас чаша сия... Творите чаще молитву Иисусову: «Господи, Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!».

«Ах! Сестры, сон бежит от меня. Я три или четыре раза встаю ночью, не могу заснуть, не могу найти себе места, и чтоб успокоиться молюсь за Вас всех и здесь живущих. И все Вы спите, спят и мои сестры, спокойным сном, не знающих забот тяжелых на плечах своих, тяготы дум за всех Вас, за Ваше лучшее будущее, чтобы Вы жили дружно, любили бы друг друга, молились бы, и тогда у Вас — ничто не истощится: ни хлеб, ни соль и не елей, а благословит Вас Господь через Ваши усердные молитвы. Господь любит праведников, вот Вы и подражайте праведникам, угодникам Божьим, например: Димитрию Ростовскому и другим святым. И тогда моей душе будет легко и, быть может, и я, как Вы, буду спокойно и крепко — забота убежит, хоть на время сна! Читайте жития святых, слушайте за трапезой, вникайте в прочитанное, как бы не навлечь гнева Царицы Небесной, окружившей нас наидрагоценнейшими чудесами для нашего спасения, а мы, так лениво, так нерадиво, но имея страха Божия, провожаем день за днем, не подумав, а, вдруг он последний, ведь день вчерашний не вернешь, и сотворенное в тот день вписывается в итог на вечность.

«Ах, сестры, сон бежит от меня, вчера я до четырех часов не могла сомкнуть глаз.

«Сообщаю Вам о торжестве в Православной Церкви — писалось в Русской газете — о выходе из лона католического вероисповедания 50 священников во главе с епископом и присоединении к Православной Церкви, добровольно пожелавших, убедившись в истинности нашей веры, послужить Истинному Господу.

«Господь да благословит Вас, послав Вам Святого Духа, с помощью Которого умножайте добродетели Ваши, совершенствуясь, как сказал Господь: «будьте совершенны, яко Отец Ваш Небесный».

**ИГУМЕНІЯ РУФИНА НЕЗАДОЛГО
ДО СВОЕЙ КОНЧИНЫ.**

Что ещё прибавить?

Русскому сердцу будет и поучительно и отрадно знать и помнить последние напутствия, которые Матушка, уже на смертном одре, обращала не к окормляемым ею духовным её детям, а вообще к каждому русскому человеку.

«На одре — болящая, перед смертью, боля душой за русских людей, находящихся в изгнании, за рубежом, покойная Матушка Игуменья Руфина просит послушницу записать слова, которые она, Матушка, скажет.

«Эти слова, с сравнительно малым изменением их, в целях сохранения изложения и оттенков мысли, мы приводим:

«Велика милость Божия к роду человеческому. Беспредельно милосердие и любовь Владычицы к нам грешным. Но мы глухи и слепы к Божественному гласу любви.

**ВХОД В БОГОРОДИЦЕ - ВЛАДИМИРСКУЮ ОБИТЕЛЬ
В ШАНХАѢ.**

не стало силы на землѣ, способной разлучить Олю от мѣста молитвы иноческой, ея однажды обрѣтеннаго.

Этим мѣстом был Успенскій Женскій Монастырь, настоятельница коего была любимая церковнымъ народомъ и имъ почитаемая Игуменья Руфина.

Временное отсутствіе родителей совпало с моментомъ перваго посѣщенія Олей Обители. Эти посѣщенія стали сразу же ежедневными. А когда вернулись родители, они стояли уже перед фактомъ столь тѣсной связи Оли с Монастыремъ, что ни угрозы ни запреты не могли уже этой связи ослабить.

Черезъ форточку убѣгала дѣвочка, чтобы не опоздать къ раннему монастырскому Богослуженію, постылымъ сталъ для нея родной домъ.

Попытки насильственно удержать ее въ домашнемъ быту лишь укрѣпляли настойчивость дѣвочки, умолявшей родителей отпустить ее въ Обитель.

Болѣзненные явленія, пріобрѣтавшія характеръ все болѣе угрожающій, показаны и матери и отцу, что передъ ними не капризъ своероднаго ребенка, а нѣчто болѣе серьезное и глубокое. И они сдались. В концѣ Іюля 1880 г., Оля Кокорева перешла на жительство въ Успенскую Обитель, а въ казеніи Прображенія облачена была въ одежду послушницы.

— Быть тебѣ Игуменею! — полушутливо, полусерьезно сказала ей при этомъ Матушка Руфина, ибо въ самый моментъ облаченія раздался ко-

локольный звонъ, чего ни разу не случилось въ практикѣ Обители.

Со всей горячностью своей воспримчивой натуры отдается Оля монастырскому житію. Скоро она свой человекъ на клиросѣ. Успѣваетъ она и въ иныхъ монастырскихъ дѣланіяхъ, обнаруживая и смѣлность и трудолюбіе и умѣнье слушаться. Особо удачна она въ работахъ рукодѣльных.

Какъ семья смотритъ на эти успѣхи, на это постепенное и быстрое вживаніе Оли въ монастырскій укладъ жизни? Не можетъ, не хочетъ она признать Олю «отрѣзаннымъ ломтемъ». Надѣются родные, что кончится увлеченіе, что вернется къ нимъ дочь, что утѣшитъ она ихъ старость. Доходило до того, что Оля должна была, уступая мольбамъ и требованіямъ отца и матери, возвращаться домой. Это кончилось ничѣмъ, обнаруживая каждый разъ лишь то, что отрывъ Оли отъ избраннаго ею пути способенъ самымъ губительнымъ образомъ, если даже не роковымъ, отразиться на ея здоровьи. Обмороки, кровотечения бывали, въ подобныхъ случаяхъ, вышшимъ проявленіемъ ея глубокихъ внутреннихъ переживаній. Вновь сдываясь приходясь семьѣ передъ крѣпостью сердечнаго устремленія отроковицы Ольги — и снова послушницей монастырской возвращалась она въ родную Обитель.

Надо ли говорить о томъ, какъ эта постоянная близость семьи, ея настойчивое вмѣшательство въ жизнь монастырской послушницы, всѣ эти проявленія «мирской» любви къ своему дитяти,

Страницы из книги Игумены Ариадны «Царскій Путь Царской Игумены: Жизнеописание Всечестной Игумены Руфины»

вѣчныя времена Святымъ Духомъ.

«Чтобъ не услышать страшныхъ словъ: «Отойдите отъ меня проклятіи — въ огонь вѣчный!» и не попасть во тѣмную кромѣшину, гдѣ цѣлую вѣчность будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ, духовныя и тѣлесныя истязанія бѣсовъ — слугъ сатаны. Да, минутъ Васъ чаша сія... Творите чаще молитву Іисусову: «Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ!»

«Ахъ сестры, сонъ бѣжитъ отъ меня. Я три или четыре раза встаю ночью, не могу заснуть, не могу найти себѣ мѣста, и чтобъ успокоиться молюсь за Васъ всѣхъ и здѣсь живущихъ. И всѣ Вы спите, спятъ и мои сестры, спокойнымъ сномъ, не знающихъ заботъ тяжелыхъ не плечамъ своихъ, тяготы думъ за всѣхъ Васъ, за Ваше благополучіе, за Ваше лучшее будущее, чтобъ Вы жили дружно, любили бы другъ друга, молились бы, и тогда у Васъ — ничто не истощится: ни хлѣбъ, ни соль и ни елей, а благословитъ Васъ Господь черезъ Ваши усердныя молитвы. Господь любитъ праведники, вотъ Вы и подражайте праведникамъ, угодицамъ Божиимъ, напримѣръ: Дмитрію Ростовскому и другимъ святымъ. И тогда моей душѣ будетъ легко и, быть можетъ, и я, какъ Вы, буду спать спокойно и крѣпко — забота убѣжитъ, хоть на время сна! Читайте житія святыхъ, слушайте за трапезой, являйте въ прочитанномъ, какъ бы не навлекъ намъ гнѣва Царицы Небесной, окружившей насъ надирогонѣннѣйшими чудесами для нашего спасенія, а мы, такъ вѣчно, такъ нерадиво, но имѣя страха Божія, провожаемъ день за днемъ, не подумавъ, а, вдругъ,

оя послѣдній, вѣдь день вчерашній не вернешь, и сотворенное въ тотъ день вписывается въ итогъ на вѣчность.

«Ахъ, сестры, сонъ бѣжитъ отъ меня, вѣра я до четырехъ часовъ не могла сомкнуть глазъ.

«Сообщаю Вамъ о торжествѣ въ Православной Церкви — писалось въ Русской газетѣ — о выходѣ изъ ложа католическаго вѣроисповѣданія 50 священниковъ во главѣ съ епископомъ и присоединеніи къ Православной Церкви, добровольно пожелавшихъ, убѣдившись въ истинности нашей вѣры, послужить Истинному Господу.

«Господь да благословитъ Васъ, посласъ Вамъ Святаго Духа, с помощью Котораго умножайте добродѣтели Ваши, совершенствуясь, какъ сказала Господь: «будьте совершенны, яко Отецъ Вашъ Небесный!»

«Мысленно благословляю каждую изъ Васъ и желаю мира душамъ Вашимъ, поручивъ Васъ на попеченіе Царицы Небесной.

* * *

Что еще прибавить?

Русскому сердцу будетъ и поучительно и отрадливо знать и помнить послѣднія напутствія, которыя Матушка, уже на смертномъ одрѣ, обращала не къ окормляемому ею духовнымъ ея дѣти, а вообще къ каждому русскому человеку.

«На одрѣ — болящая, предъ смертью, болящая душой за русскихъ людей, находящихся въ изгнаніи, за рубежомъ, покойная Матушка Игуменья Руфина проситъ послушницу записать слова, ко-

«Осуетились мы, забыв вечное и устремив все мысли и желания к достижению временных, скоро преходящих благ. Забыли всеблагой промысел Божий, возложив всю надежду на свои собственные силы. И вот праведный гнев Божий постиг землю русскую. Наша бедная Родина стонет под гнетом красного ига. Верные сыны её рассеяны по всему лицу земли. Оставшиеся собратья наши умирают в тяжких мучениях и некому облегчить их страдания и поддержать в скорбях.

«Мы здесь, за рубежом, паче и паче движим на себя праведный гнев Судьи! Нет мира, нет любви в сердцах наших! Вместо того, чтобы опомниться, осознать свои грехи и умолять Творца о помиловании, мы, в своем ослеплении, погружаемся всё в большие и большие беззакония и, наконец, придя в отчаяние ропщем на горькую долю свою.

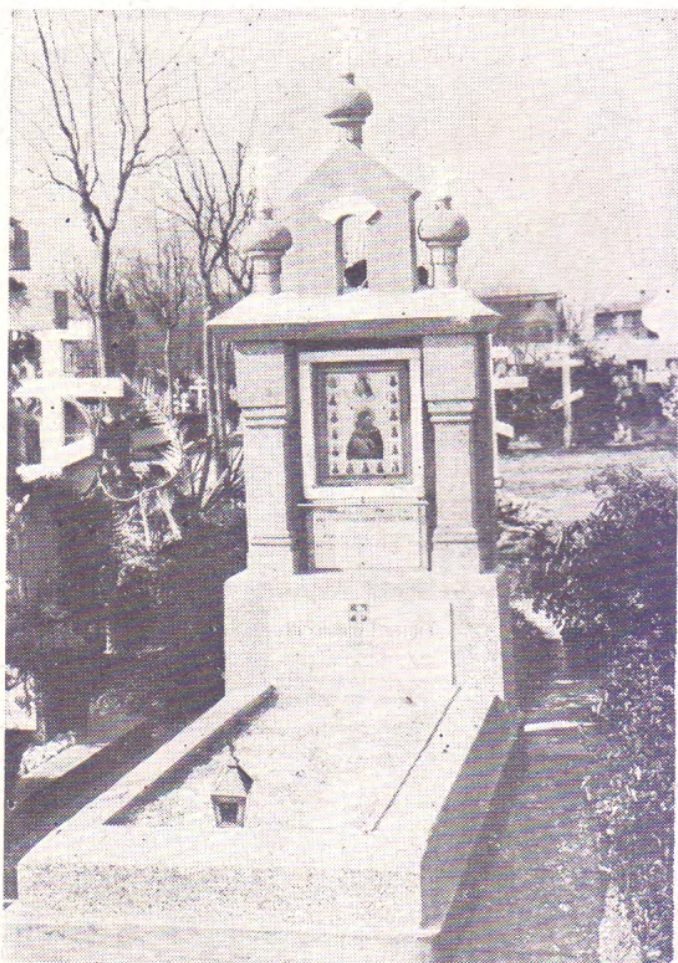
«Но кто же виноват? — Мы сами. Мы созданы Всеблагим Творцом на дела благие, но, уклонившись ко греху, терпим последствия греха, — угрызение совести и стыд.

«Но не будем медлительны, пребывая в своем ожесточении. Мы искуплены драгоценной кровью Сладчайшего Господа Нашего, Иисуса Христа.

«И если пали в согрешения, то встанем, обратимся к Нему, и Он простит. Если прежде Царица Небесная так скоро и чудесно спасала землю Русскую от нашествия татарского, тем более теперь Она не замедлит явить свою помощь изгнанникам, по земле родной плачущим.⁵⁶

56 Мичурина А. А. Царский Путь Царской Игуменьи: Жизнеописание Всечестной Игуменьи Руфины. Шанхай: Изд. Богородице–Владим. жен. обители, тип. “Никита” – До-шин Пресс”, 1948. С. 162–165

**НАДГРОБІЕ НА МОГИЛѢ ВСЕЧЕСТНОЙ ИГУМЕНИИ
РУФИНЫ НА КЛАДБИЩѢ ЛЮ-КА-ВЕЙ В ШАНХАѢ.**

торыя она, Матушка, скажет.

«Эти слова, с сравнительно малым измѣненіем их, в цѣлях сохраненія изложенія и отгнѣков мысли, мы приводим:

«Велика милость Божія к роду человѣческому. Безпредѣльно милосердіе и любовь Владычицы к нам грѣшным! Но мы глухи и слѣпы к Божественному гласу любви.

«Осутились мы, забывъ вѣчное и устремивъ всѣ мысли и желанія к достиженію временныхъ скоро преходящихъ благ. Забыли всеблагую промьслъ Божій, возложили всю надежду на свои собственныя силы. И вотъ праведный гнѣвъ Божій постигъ землю русскую. Наша бѣдная Родина стоитъ подъ гнетомъ краснаго ига. Вѣрные сыны ея разсыпаны по всему лицу земли. Оставшіеся собратья наши умираютъ въ тяжкихъ мученіяхъ и некому облегчить ихъ страданія и поддержать въ скорбяхъ.

«Мы здѣсь, за рубежомъ, паче и паче движимъ на себя праведный гнѣвъ Судий Нѣтъ мира, нѣтъ любви въ сердцахъ нашихъ! Вмѣсто того, чтобы опомниться, осознать свои грѣхи и умолять Творца о помилованіи, мы, в своемъ ослѣпленіи, погружаемся все, в большія и большія беззаконія и, наконецъ, придя в отчаяніе ропщемъ на горькую долю свою.

«Но кто же в этомъ виноватъ? — Мы сами. Мы созданы Всеблагимъ Творцомъ на дѣла благія, но, уклонившись ко грѣху, терпимъ послѣдствія грѣха, — угрызѣніе совѣсти и стыдъ.

164

«Но не будемъ медлительны, пребывая в своихъ ожесточеніяхъ. Мы искуплены драгоцѣнною кровью Сладчайшаго Господа Нашего, Иисуса Христа.

«И если пали в согрѣшенія, то встанемъ, обратимся къ Нему, и Онъ проститъ. Если прежде Царица Небесная такъ скоро и чудесно спасала землю Русскую отъ нашествія татарскаго, тѣмъ болѣе теперь Она не замедлитъ явить свою* помощь скорбящимъ изгнанникамъ, по землѣ родной плачущимъ.

165

ОГЛАВЛЕНІЕ

	Стр.
I. Послушница Оая.	5
II. Послушница Ольга и Соликамскій Блаженный.	8
III. Прощаніе с міром.	15
IV. На пути к Игуменству.	20
V. Игуменія Руфина.	26
VI. Чердынь.	34
VII. Революція.	40
VIII. Скитанія.	46
IX. На путяхъ в Харбинъ.	52
X. Пора испытаній.	57
XI. Чудо.	62
XII. Ростъ и расцвѣтъ Богородице-Владимірской женской Обители в Харбинѣ.	72
XIII. Царскій путь Царской Игуменіи.	86
XIV. Новое чудо и еще чудо...	99
XV. Путь на Шанхай... и дальше.	110
XVI. День Успенія Божіей Матери 1937 г.	117
XVII. Духовный обликъ Игуменіи Руфины и ея завѣты.	130

Книга: Торжество Святой обители. Обновившийся Образ Бога – Отца Саваофа. Чудотворная обновившаяся икона – Владычицы Божией Матери «Владимирская», 1925 г. – 1940 г. Шанхай: Изд. Богородице–Владим. жен. обители, тип. И.Г. Романова, 1940. 50 с.

Вступление.

«Тайну цареву хранить прилично, а о делах Божьих говорить похвально». (Прем. Сол).

Богородице–Владимирская Женская Обитель считает торжеством своей Обители три важных события, знаменующие собой проявление особой милости Божьей православным людям:

— Бог — Отец Саваоф засвидетельствовал Свою любовь к людям обновлением Своего Образа.

— Владычица, Царица Небесная, милостиво снизошла к людям, и, обновившейся Своей иконе «Владимирская», придала силу творения чудес, первое что произошло на руках Матушки, Игуменьи Руфины, которая благословляла, и свидетельствовала произволение великого деяния Божьего, явленного в обновлении святых икон.

Игуменья Ариадна
С сестрами

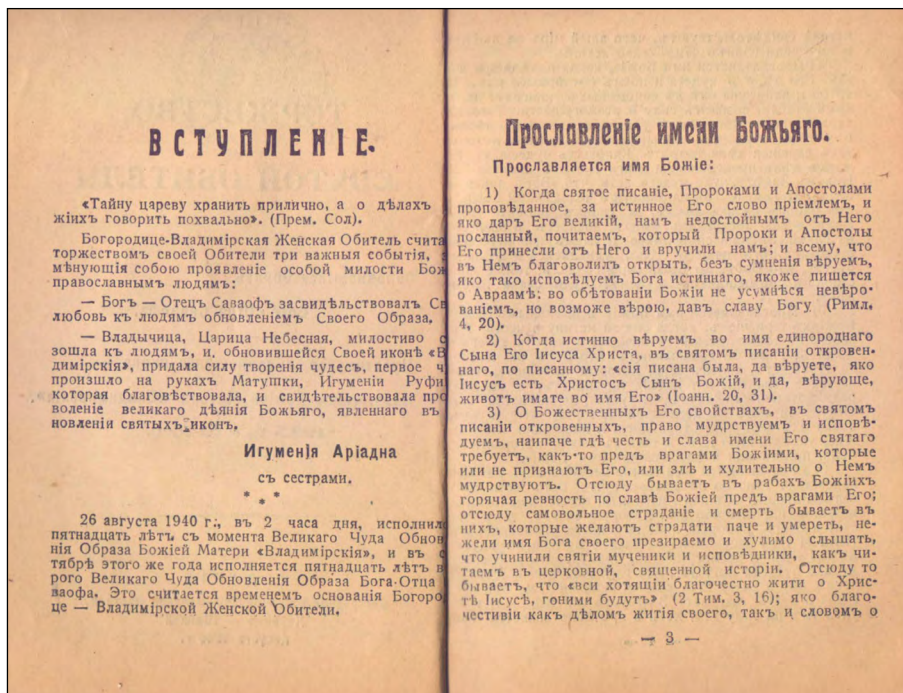
26 августа 1940 г., в 2 часа дня, исполнилось пятнадцать лет с момента Великого Чуда Обновления Образа Божьей Матери «Владимирской», и в сентябре этого же года исполняется пятнадцать лет второго Великого Чуда Обновления Образа Бога Отца Саваофа. Это считается временем основания Богородице–Владимирской Женской Обители.

Прославление имени Божьего.

Прославляется имя Божие:

1) Когда святое писание, Пророками и Апостолами проповеданное, за истинное Его слово приемлемо, и яко дар Его великий, нам недостойным от Него посланный, почитаем, который Пророки и Апостолы Его принесли от Него и вручили нам; и всему, что в Нем благоволит открыть, без сомнения веруем, яко так исповедуем Богу истинного, яко же пишется о

Аврааме: во обетовании Божии не усомнимся неверованием, но возможе верою, дав славу Богу (Римл. 4, 20).

Страницы из книги А. А. Мичуриной «Торжество Святой обители»

2) Когда истинно веруем во имя единородного Сына Его Иисуса Христа, в святом писании откровенного, по писанному: «сия писана была, да веруете, яко Иисусъ есть Христосъ Сынъ Божіи, и да, верующе, животъ имате во имя Его» (Іоанн. 20, 31)

3) О божественныхъ Его свойствахъ, в святом писании откровенныхъ, право мудрствуемъ и исповедуемъ, наипаче гдѣ честь и слава имени Его святаго требуетъ, как-то предъ врагами Божіими, которые или не признають Его, или зло и худительно о Немъ мудрствуютъ. Отсюда бываетъ в рабахъ Божіихъ горячая ревность по славе Божьей предъ врагами Его; отсюда самовольное страданіе

и смерть бывает в них, которые желают страдать паче и умереть, нежели имя Бога своего презираемо и хулимо слышать, что учинили святые мученики и исповедники, как читаем в церковной, священной истории. Отсюда то бывает, что «все хотящие благочестиво жить о Христе Иисусе, гонимы будут» (2 Тим. 3, 16); яко благочестивые как делом жития своего, так и словом о цветет во славе Божьей и даёт приют и убежище всем, приходящим под сень Обители, и является там милость Божья всем страждущим в болезнях душевных и телесных.

цвѣтеть во славѣ Божіей и даѣтъ приютъ и убѣжище всѣмъ, приходящимъ подъ сѣнь Обители, и является тамъ милость Божія всѣмъ страждущимъ въ болѣзняхъ душевныхъ и тѣлесныхъ.

Не забыть никто у Царицы Небесной, всѣхъ Она вмѣщаетъ въ Своемъ Материнскомъ сердцѣ, всѣ близки и дороги Ей, только бы стремились мы стать ближе къ Ней, Всеблагой.

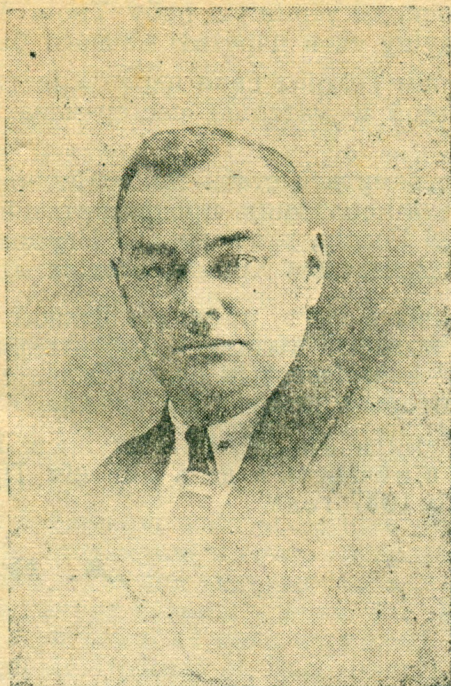
«Если всѣ мы изгнанныки земли родной, съ воплемъ крѣпкимъ припадемъ къ чудотворному образу Царицы Небесной и едиными устами и единымъ сердцемъ возопіемъ къ ней:» Матерь Божія, спаси землю Русскую и насъ.» — То неужели же она не услышитъ насъ, Нѣтъ, возлюбленные, она услышитъ, она умолитъ Возлюбленнаго Сына Своего, преклонить праведный гнѣвъ Свой на милость, если только... понаедемъ и дадимъ обѣщаніе направить жизнь свою по заповѣдямъ Божиимъ.»

(изъ завітовъ почившей Матушки Игуменіи Руфины.)

Радуйся, Владычице, Милостивая о насъ предъ Богомъ Заступнице!

Не забыт никто у Царицы Небесной, всех Она вмещает в Своем Материнском сердце, все близки и дороги Ей, только бы стремились мы стать ближе к ней, Всеблагой.

А. И. Бѣляков

Секретарь Матушки Игуменіи
Руфины и автор біографиче-
ских воспоминаній о покойной.

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ.

Царская Игуменія

Игуменія РУФИНА.

«Если все мы изгнанники земли родной, с воплем крепким припадем к чудотворному образу Царицы Небесной и едиными устами и единым сердцем возопием к ней: «Матерь Божья, спаси земля Русскую и нас». — То неужели же она не услышит нас. Нет, возлюбленные, она услышит, она умолит Возлюбленного Сына Своего, преклонит праведный гнев Свой на милость, если только... покаемся и дадим обещание направить жизнь свою по заповедям Божиим».

(Из заветов почившей Матушки Игуменьи Руфины)

Радуйся, Владычице, Милостивая о нас пред Богом Заступнице!⁵⁷

См. также:

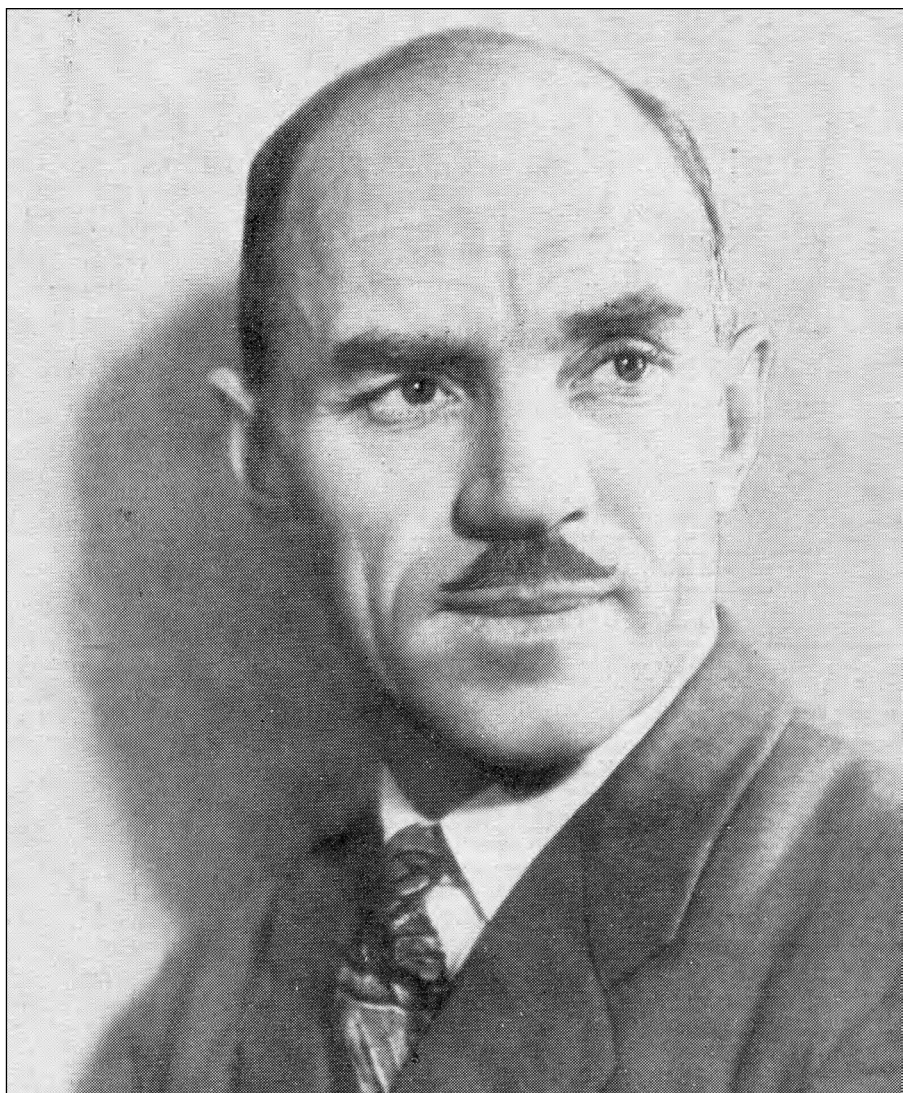
- Отрада и утешение. Харбин; Шанхай: Типолитогр. «Заря», 1941. — 51 с.
- Светочъ Любви. Шанхай, 1941. 33 с. Тоже: Сан-Франциско, 1960. 20 с.; 1970. 40 с.

57 Мичурина А. А. Торжество Святой обители. Обновившийся Образ Бога – Отца Саваофа. Чудотворная обновившаяся икона – Владычицы Божией Матери «Владимирская», 1925 г. – 1940 г. Шанхай: Изд. Богородице–Владим. жен. обители, тип. И.Г. Романова, 1940. С. 2–4

Владимир Жиганов:
Исповедь белого эмигранта

白人移民の自白

1 февраля 1896, Хабаровск — 16 октября 1978, Австралия)

Одним из самых известных российских эмигрантов Шанхая был Владимир Данилович Жиганов, который увековечил этот город в своем шедевре «Русские в Шанхае». Его имя не найти в современных биографических справочниках и энциклопедиях, хотя он и является автором многих работ. Все объясняется тем, что они были изданы в эмигрантском Шанхае. Эпиграфом к жизни этого человека можно взять его же слова: «Пусть судит история меня и мне подобных русских людей, бежавших на чужбину. Может быть, она помянет нас добрым словом. Но настоящее, новое поколение родного русского народа никогда не поймет и не оценит наших страданий, ибо оно не знает и, возможно, никогда не узнает правды о нас».

Владимир Жиганов родился 1 февраля 1896 года в семье бывшего старшего унтер-офицера охотничьей команды и служащего Уссурийской железной дороги. В 1914 году он ушел добровольцем на фронт. После окончания пехотного училища участвовал в боях. Последнее звание и должность: штабс-капитан, командир роты «батальона смерти». Владимир Жиганов не принял октябрьскую революцию. «Когда в 1917 г., — вспоминал он, — на улицах российских городов появились плакаты с надписью: «Грабь награбленное» и каждый собственник без разбора был назван «буржуем», мог ли я приветствовать это? Мог ли я согласиться идти грабить таких, как мой отец, если я считал его добрым примером — как надо жить, трудиться и служить обществу и как относиться к людям».

Живя во Владивостоке, В. Д. Жиганов продолжал считать себя офицером и с гордостью носил погоны. «Идя в город и будучи встречен на улице группами солдат и матросов, — писал он, — которые посылали мне вслед угрозы, я уже видел, что есть последнее мое шествие в погонах. Предо мною стоял вопрос — вернуться ли домой живьем? Так как весь гарнизон Владивостока уже снял погоны, то мой поступок казался всем явной демонстрацией. На Светланской улице меня окружила толпа матросов и на мой отказ снять погоны, срезала их с плеча». Жиганов участвовал в граж-

данской войне на стороне белых. Его команда последней покинула бывшую столицу Колчака — Омск. Весной 1920 года Жиганов в последний раз участвовал в боях в составе каппелевских частей. Больного тифом, его доставили в Харбинский госпиталь. Выздоровев, офицер вернулся к родителям во Владивосток.

Весной 1922 года Жиганов уезжает на заработки на Камчатку, где устроил первую забастовку на Дальнем Востоке, где устраивает первую забастовку на Дальнем Востоке. Позднее вспоминал о тех годах: «Дальнейшие переговоры с Госторгом не увенчались успехом, и общее собрание решило начать забастовку. Совет Рыбаков обращался за защитой и в Райревком, и в Губревком, но никакой защиты не получил. Военный Комиссар Охотско-Камчатского края (А. Марков), идейный коммунист и очень симпатичный человек, который в начале забастовки был в Усть-Камчатске, уехал. Ему стало стыдно за действия государственного торгового учреждения. Он, наверное, вспомнил основателя коммунизма Карла Маркса, который сказал: «Прежде всего рабочему надо дать хлеба, а потом уже кормить его политикой». Пробастовав 21 день, не добившись ничего, мы начали работу. Многие, конечно, в этот сезон не оправдали затрат. В конце рыбного сезона ни одному рыбаку не приходило в голову то, что власть, взявшая с рыбаков по 22 копейки с каждой рыбы, еще потребует налог. Оказалось так. Бессовестные головы-тяпы, сидевшие в то время у кормила власти на Дальнем Востоке, не обследовав положения, в какое попали рыбаки, по окончании рыбной ловли сделали распоряжение Госторгу удерживать с причитающихся рыбакам сумм вновь введенный в стране «Едино-Сель.-Хоз.налог». Налог взяли с валового дохода, не считаясь совершенно с тем, остается ли рыбаку на хлеб или нет. Облагая этим налогом, они уверяли рыбаков, что он — единый в году. Но не прошло и пол-года, приехал из Губревкома фин. инспектор и сообщил несчастным труженикам о новом налоге. Когда кто-либо из рыбаков в присутствии властей вспоминал привольную жизнь при А. Г. Демби, то в ответ получал: “Забудьте товарищи! Эта жизнь-дурочка, не вернется к вам никогда!».

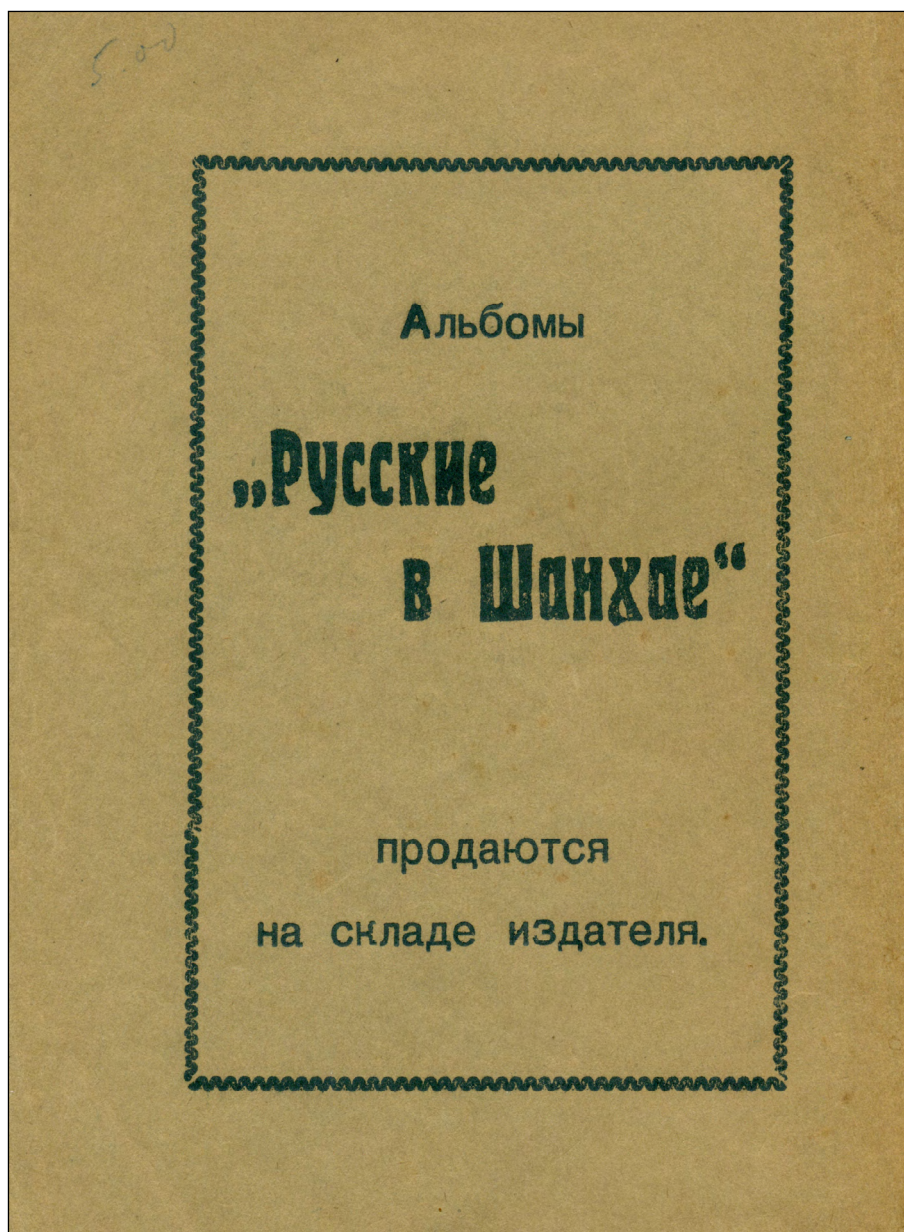
Автор
к пятидесятилетию со дня рождения.
1896 (1 ноября) **1946**

— 3 —

В августе 1922 года Жиганов встал перед очередным выбором. Ему предложили стать во главе красных бойцов. Тогда его ответ был таким: «Я решил в гражданской войне больше не участвовать. Если мобилизуете — пойду служить!». В тот первый раз он не согласился, но на следующий год В.Д. Жиганова все же уговорили стать главным инструктором Территориального батальона всей Камчатки. Правда, относительно благополучная жизнь учителя Жиганова вскоре закончилась очередным допросом в ОГПУ. Причиной послужила фраза, написанная главным инструктором на классной доске для чистописания: «Россия — наша Родина». «Если я хотел жить на свете, — вспоминал про этот случай Жиганов, то слово «Родина» должен был забыть навсегда». В те годы национальным символом считался интернационализм.

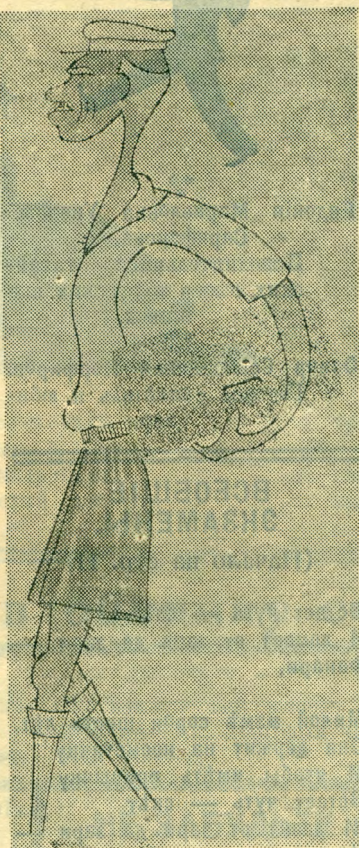
В 1925 г. В.Д. Жиганова арестовали в очередной раз, решив этапировать его во Владивосток. Он понял, что не вернется на свободу. Жиганову удалось бежать с борта парохода, стоявшего в Японии.

Книга: Русские в Шанхае: Альбом. Шанхай: Изд. В. Жиганова, тип. изд-ва «Слово», 1936. Б.с.: ил., портр.

ИЗ ШАНХАЙСКОГО
АЛЬБОМА.

Наш соотечественник
Жиганов

Всѣхъ убѣждаетъ неустанно
— То круто влѣво онъ свернет,
То-трах... направо поворот!
Намъ страшно, — вдруг
Жигановъ длинный
Расколется на половины
Булатный мечъ начнетъ ковать
И самъ съ собою воевать!..

Capt. V. D. Jiganoff

Author and Publisher

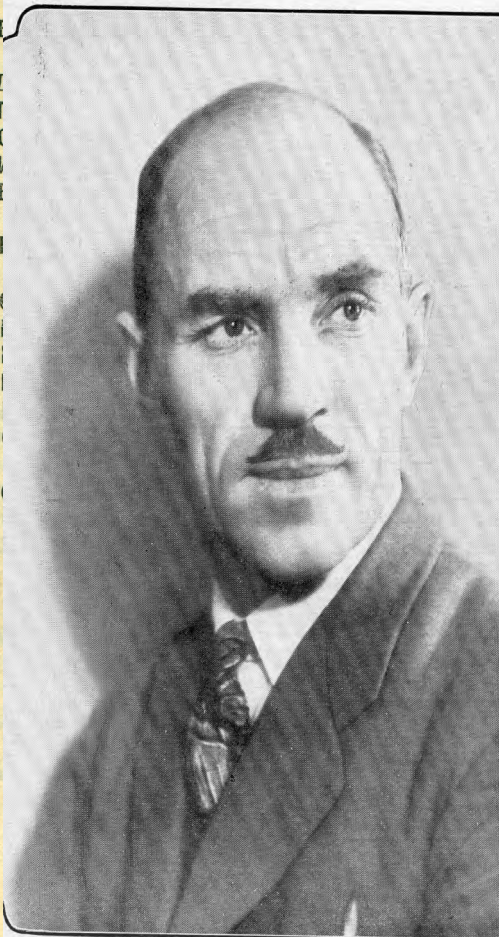

Photo by George.

Штабс - капитан

Владиміръ Даниіловичъ Жигановъ.

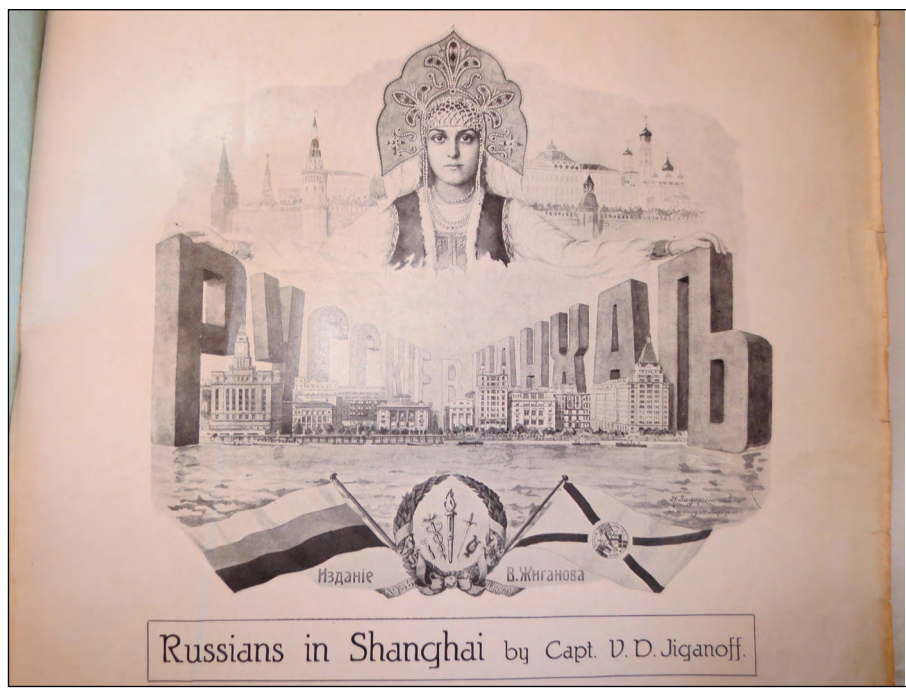
Составитель и редактор Альбома.

В конце декабря 1925 года Жиганов появился в Шанхае. Его проект издания альбома–путеводителя «Русские в Шанхае» выглядел коммерческим предприятием, но вскоре замысел приобрел нешуточный размах. «Поработившей меня идеей, — вспоминал Владимир Данилович, — стала идея увековечить русских людей, которые, уйдя от интернациональной власти за границу, честно жили, трудились и прославляли русское имя. Так решил потому, что в России были в то время люди, которые утверждали, что русские эмигранты есть отбросы России, что они есть сор, выметенный из нашей страны советской властью. Умолчать и не сказать правды я не мог. Мог ли я, начав составлять альбом «Русских в Шанхае», умолчать о том, что эти так называемые «отбросы России» были основателями здесь Китайской национальной консерватории и явились пионерами европейской музыки в Китае. Мог ли я умолчать о том, что главные силы гордости Шанхая Муниципального симфонического оркестра были русские, и о том, что лучшие в городе: опера, оперетта и балет были также русскими. Мог ли я умолчать о том, что лучшими художниками в городе были русские белые эмигранты. Мог ли я умолчать о том, что в Международном Волонтерском корпусе красой и гордостью был Русский полк, и о том, что этому полку за отличную службу город поднес знамя в виде трехцветного национального флага, украшенного гербом международного Шанхая. Национальная гордость заставила меня написать о том, что белые эмигранты были в международном пятимиллионном городе несменяемыми чемпионами шахмат и многих видов спорта. Я совершенно не желал умолчать о том, что русские люди, у которых советская власть отобрала все, придя в Шанхай без знания английского языка, без прав, без капитала, создала здесь более тысячи коммерческих предприятий, и капитал некоторых из них уже доходил до миллионов долларов».

Уже позже, когда альбом увидел свет, В. Д. Жиганов подсчитал, что он совершил 16 тысяч визитов. Тираж 330–страничного альбома составил тысячу экземпляров. К сожалению, его себе-

стоимость (прекрасная бумага и огромное количество фотографий) была велика. Продажная цена в 24 доллара не покрыла всех расходов издателя. С 1936 года Жиганов был представителем Российского зарубежного архива в Чехословакии. Эту работу он выполнял безвозмездно до начала войны.

Летом 1939 года Жиганов отдыхал в Японии, откуда писал статьи для шанхайской газеты «Слово». В январе 1940 года он выпустил их в издательстве «Русь» отдельной брошюрой.

RUSSIANS IN SHANGHAI BY CAPT. V. D. JIGANOFF
Русские в Шанхае

Русскія Коммерческія предприятия в Шанхаѣ. Мануфактурно-Галантерейный Магазин Л.Я.Барановскаго.

Магазин Л. Я. Барановскаго, расположенный по набережной реки в устье, — истинно замечательный по количеству товаров своего магазина в 1907 г. Складываясь из разных магазинов, магазин Л. Я. Барановскаго, после трех лет существования, в 1907 году переехал на Нанкай-Сити, где и был открыт. Магазин, в 1907 году занял по количеству по всей Шангаю, в котором по количеству товаров превосходил.

Figure 3: Page 163 from the book *Russians in Shanghai*, featuring Baranovsky's Haberdashery

«Русские Коммерческие предприятия в Шанхае. Мануфактурно-Галантерейный Магазин Л. Я. Барановских»

Страница 163 из книги «Русские в Шанхае»
(Фото взято из JOURNAL OF THE ROYAL ASIATIC SOCIETY CHINA.VOL.
77 No. 1, 2017)

ЯПОНІЯ ПОСЛѢ ДВУХ ЛѢТ ВОЙНЫ С КИТАЕМ.

—••—
Январь 1940 г.
Шанхай

Издательство „Русь“
211, Yangtzepoo Road
Shanghai.

Книга: Япония после двух лет войны с Китаем. Шанхай: Русь,
1940. 32 с.

Предисловие.

Содержание этой брошюры, является очерком написанным мною по возвращении в Шанхай из Японии, где я отдыхал в течении лета 1939 г.

Весь текст этой брошюры, уже печатался в газете «Слово», а затем был перепечатан, японскими газетами.

Для подавляющего большинства русских читателей, моя информация о Японии была сенсацией.

Как для меня самого, когда я был в Японии, было все неожиданно-стью и сюрпризом, так и для читателей моей статьи.

Когда будучи в Японии, я поражался чему–нибудь виденному и когда собирался по возвращении в Шанхай, поделиться всем виденным с моими соотечественниками, я тогда уже сознавал, что «не поверят».

Такие, конечно, есть и будут. Я их понимаю и сочувствую им. Все мы живущие здесь, будучи питаемы в течении долгого времени, пристрастной информацией, были введены в явное заблуждение. В этом я убедился.

Большинство из нас Японию и все, что творится в ней представляют совершенно превратно.

Такое мое заключение, а также мое искреннее желание рассказать правду о Японии и вынудили меня написать нижеследующий очерк.

Как выяснилось, интерес к Японии у нас здесь в Шанхае очень велик.

Ни одного экземпляра из номеров газеты «Слово», в которых помещался очерк «Япония после двух лет войны с Китаем», в Издательстве «Слово» не осталось.

Дабы удовлетворить желание десятков моих знакомых, которые останавливали меня на улицах Шанхая и просили дать им для прочтения то, что я писал о Японии в газ. «Слово», я принужден был отпечатать настоящую брошюру.

Изд–ву газеты «Русь», взявшему на себя издание брошюры, приношу свою благодарность.⁵⁸

58 Жиганов В. Д. Япония после двух лет войны с Китаем. Шанхай: Русь, 1940. С. 2

Предисловіе.

Содержаніе этой брошюры, является очерком написанным мною по возвращеніи в Шанхай из Японіи, гдѣ я отдыхал в теченіе лѣта 1939 г.

Весь текст этой брошюры, уже печатался в газетѣ «Слово», а затѣм был перепечатан, японскими газетами.

Для подавляющаго большинства русских читателей, моя информация о Японіи была сенсацией.

Как для меня самого, когда я был в Японіи, было все неожиданностью и сюрпризом, так и для читателей моей статьи.

Когда будучи в Японіи, я поражался чему нибудь видѣнному и когда собирался по возвращеніи в Шанхай, подѣлиться всѣм видѣнным с моими соотечественниками, я тогда уже сознавал, что «не повѣрят».

Такіе, конечно, есть и будут. Я их понимаю и сочувствую им. Всѣ мы живущіе здѣсь, будучи питаемы в теченіи долгаго времени, пристрастной информацией, были введены в явное заблужденіе. В этом я убѣдился.

Большинство из нас Японію и все, что творится в ней представляют совершенно превратно.

Такое мое заключеніе, а также мое искреннее желаніе рассказать правду о Японіи и вынудили меня написать нижеслѣдующій очерк.

Как выяснилось, интерес к Японіи у нас здѣсь в Шанхаѣ очень велик.

Ни одного экземпляра из номеров газеты «Слово», в которых помѣщался очерк «Японія послѣ двух лѣт войны с Китаем», в Издательствѣ «Слово» не осталось.

Дабы удовлетворить желаніе десятков моих знакомых, которые останавливали меня на улицах Шанхая и просили дать им для прочтенія то, что я писал о Японіи в газ. «Слово», я принужден был отпечатать настоящую брошюру.

Изд-ву газеты «Русь», взявшему на себя изданіе брошюры, приношу свою благодарность.

В. Жиганов.

Предисловие из труда В. Д. Жиганова «Япония после двух лет войны с Китаем»

В. Жиганов.

Русские в Японии.

Русских в Японии в настоящее время проживает около 2000 человек, включая 800 русских татар. Как и в других странах, русские в Японии преимущественно живут в столице. В районе Токио их насчитывается около 800 человек, остальные не очень большими группами рассеяны по всей стране, начиная от г. Нагасаки и кончая северной границей острова Сахалина.

Есть не один город, где русские колонии состоят из одной семьи и эти одинокие семьи, в большинстве владельцы магазинов, живут в этих городах, среди японцев по 10–20 лет. Подавляющее большинство русских в Японии являются старожилками и живут в ней со времен начала и окончания гражданской войны в России. Как Правительство, так и сам японский народ, относятся к русским с полным сочувствием и доброжелательством Высочайшим приказом белые русские вплоть до последних лет, от государственных налогов были освобождены. Мои прежние убеждения в том, что русского человека и вообще европейца, поселившегося в Японии, и в особенности того, кто начинает успешно создавать какое либо дело, власти, в конце концов «зажмут и выставят из Японии», были основаны конечно на слухах и оказались ошибочными. Я проехал вдоль всю Японию, беседовал со многими русскими и все они, как один заявили мне о том, что никогда никаким преследованиям и никаким давлению с целью вынуждения покинуть страну со стороны властей они не подвергались.

Честных русских тружеников японцы не трогают. Безусловно японцы пускают иностранцев в свою страну не очень охотно. Обвинять их в этом грешно и смешно. Япония и без иностранцев перенаселена.

Но все же если иностранец добился разрешения жить в их стране, то, конечно, никто «прижимать» его не будет. Я лично убедился, что к иностранцам японцы относятся еще с большим уважением и любезностью, чем к своим соотечественникам. Кроме того рядовой японец не делает различий между англичанином, французом,

русским, немцем или же другим иностранцем. Я встречал одного русского торговца часами, который в течение лета исколесил на велосипеде почти всю Японию и за это время только в двух пунктах, власти спросили у него удостоверение личности.

Русскіе в Японіи.

Русских в Японіи в настоящее время проживает около 2000 человек, включая 800 русских татар. Как и в других странах, русскіе в Японіи преимущественно живут в столицѣ. В районѣ Токио их насчитывается около 800 человек, остальные не очень большими группами разсѣяны по всей странѣ, начиная от г. Нагасаки и кончая сѣверной границей острова Сахалина.

Есть не один город, гдѣ русскія колоніи состоят из одной семьи и эти одинокія семьи, в большинствѣ владѣльцы магазинов, живут в этих городах, среди японцев по 10-20 лѣт. Подавляющее большинство русских в Японіи являются старожилami и живут в ней со времен начала и окончанія гражданской войны в Россіи. Как Правительство, так и сам японскій народ, относятся к русским с полным сочувствіем и доброжелательством. Высочайшим приказом бѣлые русскіе вплоть до послѣдних лѣт, от государственных налогов были освобождены. Мои прежнія убѣжденія в том, что русскаго человека и вообще европейца, поселившагося в Японіи, и в особенности того, кто начинает успѣшно создавать какое либо дѣло, власти, в концѣ концов «зажмут и выставят из Японіи», были основаны конечно на слухах и оказались ошибочными. Я проѣхал вдоль всю Японію, бесѣдовал со многими русскими и всѣ они, как один заявили мнѣ о том, что никогда никаким преслѣдованіям и никаким давленіям с цѣлью вынужденія покинуть страну со стороны властей они не подвергались.

Честных русских тружеников японцы не трогают. Безусловно японцы пускают иностранцев в

Как в первом, так и во втором случае, он предъявлял им свою визитную карточку и этого было совершенно достаточно. Я лично от г. Нагасаки и до острова Хоккайдо ни в одном пункт!» никому документов своих не предъявлял, хотя и жил в столице десять дней. Мои документы были предъявлены по прибыти в первый порт (Нагасаки), а затем на месте постоянного жительства. Большинство русских живущих в Японии занимаются коммерцией. Имеют собственные магазины готового платья, гастрономические, ювелирные магазины. Многие торгуют в разнос (большинство татар). И должен вам сказать, что эта профессия многих из них сделала довольно богатыми людьми.

свою страну не очень охотно. Обвинять их в этом грѣшно и смѣшно. Японія и без иностранцев перенаселена.

Но все же если иностранец добился разрѣшенія жить в их странѣ, то, конечно, никто «прижимать» его не будет. Я лично убѣдился, что к иностранцам японцы относятся еще с большим уваженіем и любовью, чѣм к своим соотечественникам. Кроме того рядовой японец не дѣлает различія между англичанином, французом, русским, нѣмцем или же другим иностранцем. Я встрѣчал одного русскаго торговца часами, который в теченіе лѣта исколесил на велосипедѣ почти всю Японію и за это время только в двух пунктах, власти спросили у него удостовѣреніе личности.

Как в первом, так и во втором случаѣ, он предъявлял им свою визитную карточку и этого было совершенно достаточно. Я лично от г. Нагасаки и до острова Хакайдо ни в одном пунктѣ никому документов своих не предъявлял, хотя и жил в столицѣ десять дней. Мои документы были предъявлены по прибыти в первый порт (Нагасаки), а за тѣм на мѣстѣ постоянного жительства. Большинство русских живущих в Японіи занимаются коммерціей. Имѣют собственные магазины готового платья, гастрономическіе, ювелирные магазины. Многіе торгуют в разнос (большинство татар). И должен вам сказать, что эта профессія многих из них сдѣлала довольно богатыми людьми.

Нѣкоторые русскіе, живущіе на островах Хоккайдо и Сахалинѣ, имѣют питомники чернобурых лисис, а также плантаціи малины. Мое личное мнѣніе таково, что русскіе в Японіи живут очень не плохо, а большинство из них имѣют, как говорится, кое что про черныи день. Еще раз скажу, удивительная страна Японія. Вѣдь обычно мы всѣ люди—человѣки» никогда не бываем довольны — ни мѣстом, гдѣ живем и ни своим состояніем. Всегда нам кажется, что хорошо там, гдѣ нас нѣтъ. А вот в Японіи, всѣ русскіе довольны и воздухом и пирогами. За 20 лѣт они им не надобны.

Некоторые русские, живущие на островах Хоккайдо и Сахалине, имеют питомники чёрно-бурых лисиц, а также плантации малины. Мое личное мнение таково, что русские в Японии живут очень не плохо, а большинство из них имеют, как говорится, кое что про черный день. Еще раз скажу, удивительная страна Япония. Ведь обычно мы все люди — «человеки» никогда не бываем довольны — ни местом, где живем и ни своим соседом. Всегда нам кажется, что хорошо там, где нас нет. А вот в Японии, все русские довольны и воздухом и пирогами. За 20 лет они им не надоели.

Сознание этого, есть и будет для меня самым отрадным из всего того, что я вынес из Японіи. Дѣти русских учатся почти всѣ в японских и иностранных школах. Единственная русская школа, существующая при православном соборѣ в Токио, насчитывает в своих списках всего 15 учеников. Дальность разстоянія этой школы не дает возможности многим родителям дать их дѣтям русское образованіе. Большинство русских дѣтей по японски говорят лучше, чѣм по русски, ибо и в школѣ и на улицѣ они весь день проводят время с японскими дѣтьми. Это участь всѣх дѣтей живущих заграницей. Печальный и неизбѣжный факт.

Одна русская дѣвочка, только что окончившая токійскую русскую школу и учащаяся в настоящее время в Токійском Американском Колледжѣ с гордостью заявила мнѣ, что она учит японских дѣвочек, пріѣхавших из Америки и Австраліи японскому языку. «Вѣра скажи, как это называется по японски», говорит японская дѣвочка, обращаясь к русской, на англійском языкѣ. И Вѣрочка отвѣчает ей, как старый заслуженный профессор»

Сознание этого, есть и будет для меня самым отрадным на всего того, что я вынес из Японии. Дети русских учатся почти все в японских и иностранных школах. Единственная русская школа, существующая при православном соборе в Токио, насчитывает в своих списках всего 15 учеников. Дальность расстояния этой школы не дает возможности многим родителям дать их детям русское образование. Большинство русских детей по-японски говорят лучше, чем по-русски, ибо и в школе и на улице они весь день проводят время с японскими детьми. Это участь всех детей живущих за границей. Печальный и неизбежный факт.

Одна русская девочка, только что окончившая токийскую русскую школу и учащаяся в настоящее время в Токийском Американском Колледже с гордостью заявила мне, что она учит японских девочек, приехавших из Америки и Австралии японскому языку. «Вера, скажи, как это называется по-японски», говорит японская девочка, обращаясь к русской, на английском языке. И Верочка отвечает ей, как старый заслуженный профессор». ⁵⁹

59 Жиганов В. Д. Япония после двух лет войны с Китаем. Шанхай: Русь, 1940. С. 24–26

В ЗАЩИТУ РОДИНЫ.

На сей раз, вмѣсто острой
шпаги с пером в рукѣ.

Без злобы и оскорбленій,
как брат к инакомыслящему
брату у постели тяжело
больной матери.

Лѣтопись и призыв к спокойствію
Ред.—издателя альбома „Русскіе в Шанхаѣ“
Шт. капитана ЖИГАНОВА.

г. Шанхай, 1941 г.

Книга: В защиту Родины. Шанхай: Изд. автора, 1941. 32 с.

1941 г. был очень сложным для русской эмиграции, которая раскололась на три лагеря: один желал России поражения в войне, другой не мог определить своего отношения к происходящим событиям, третий хотел победы для своей бывшей родины. Среди последних был и Жиганов, который не забыл своих идеалов времен первой мировой войны. В том же году он опубликовал брошюру «В защиту Родины», эпиграфом к которой взял слова: «На сей раз вместо острой шпаги с пером в руке. Без злобы и оскорблений, как брат к инакомыслящему брату у постели тяжело больной матери».

«В защиту Родины»

Бог дал человеку разум, чтобы человек мог мыслить. Но не дал Он людям единого мышления. Взамен этого он подарил им дар речи, чтобы люди могли делиться своими мыслями, искать истину и проповедовать любовь.

Однако, группа русских пораженцев в Шанхае, ведомая газетой «Русское Время» понимает это по-своему. Она не верит, что нормальные люди могут думать иначе, чем эта газета.

Инакомыслящие русские белые эмигранты, которые не верят обещаниям нынешнего врага России, фюрера Германии, Адольфа Гитлера, являются, по их мнению, (простите за выражение, читатель!) — «сволочью, ублюдками, иудушками, хамелеонами, проститутками пера» и пр. и пр.

Других эпитетов, которыми «русские патриоты» из газ. «Русское Время» подарили инакомыслящих, я перечислять не буду, т. к. уважаю своих читателей.

Неужели они думают таким способом направить инакомыслящих на путь истины? Неужели они оскорблениями старых борцов за Россию, которые всю свою жизнь посвятили ей, заставят их замолчать?

Нет, больше не могу, — нет сил моих молчать тогда, когда мои бывшие соратники от имени белых борцов за Россию кричат «распни, распни ее!».

Обращение Государя Императора Кирилла Владиміровича

К КРАСНОЙ АРМІИ И ФЛОТУ 25-го НОЯБРЯ 1932 г.

Закаленная тяжелым опытом, грядет Россія. Ея извѣщныя силы пробуждаются во всѣх слоях Русскаго народа и побуждают безжизненный коммунизм.

Национальное сознание усиливается в Россіи и служит признаком близкаго освобожденія. Им проникнуты и Армія и Флот, пока носящіе названіе красных. Они становятся той русской силой, которая способна спасти Россію от внѣшняго нашествія, внутренняго распада и коммунистическаго насилія.

РУССКІЕ ВОИНЫ! Я обращаюсь к вам. Ваша мощь — залог цѣлости и нерушимости Русскаго государства. Став вооруженной силой Россіи, будучи неотъемлемой частью ея народа, вы приняли на себя наслѣдіе многовѣковой славы Россійских Армій, которыя всегда стояли на стражѣ Отечества и служили залогом международнаго мира. Ничто проходящее, наносное не может измѣнить сущности вашего воинскаго служенія. Вы уже осознали себя защитниками родной земли. Придет время, когда это сознание рѣшит судьбу Россіи. В настоящем вы должны готовить себя к будущему. Россіи нужны сильныя Армія и Флот. Они нужны ей для обороны ея границ и необходимы для освобожденія от гнета коммунизма.

Ваш долг усилить мощь Арміи и Флота, возвышать их дух, закалять дисциплину, упорно трудиться над их техническим совершенствованіем.

Когда Божьим соизволеніем вы вмѣстѣ с народом положите конец коммунистическому произволу, настанет пора зарожденія подлинной Русской государственности, в которую на Армію и Флот ляжет главной обязанностью огражденіе себя от развала и защита единства Имперіи, для свободнаго развитія народов ея населяющих. Вы должны помнить уроки прошлаго.

Я — Преемник Царей и Императоров, строивших Русскую Державу с помощью героических Арміи и Флота и утвердивших ее на шестой части земли, находившіяся долгіе годы в тѣсном единеніи с русским воинством, говорю вам, что лишь вѣрным служеніем Отечеству вы вернете себѣ право на тысячелѣтнюю нашу исторію.

Вѣрю, что вы — воины возрождающейся Россіи будете достойны своего Отечества и надежной опорой Народной Имперіи. Наш общій долг — в служеніи Родинѣ и мы выполним его до конца. Я заявляю, как нѣкогда заявлял мой предок, Император Петр Великій: Вѣдайте, что мнѣ жизнь не дорога жила бы Россія во славу и благоденствіи, для благосостоянія вашего.

Кирилл:

Сант-Бріак. Франція.

Бог дал человѣку разум, чтобы человѣкъ мог мыслить. Но не дал Он людям единого мышленія. Взамѣн этого он подарил им дар рѣчи, чтобы люди могли дѣлиться своими мыслями, искать истину и проповѣдывать любовь.

Однако, группа русских пораженцев в Шанхаѣ, ведомая газетой „Русское Время,“ понимает это по своему. Она не вѣрит, что нормальные люди могут думать иначе, чѣм эта газета.

Инакомыслящіе русскіе бѣлые эмигранты, которые не вѣрят обѣщаніям нынѣшняго врага Россіи, фюрера Германіи, Адольфа Гитлера, являются, по их мнѣнію, (простите за выраженіе, читатель!) — „сволочью, ублюдками, іудушками, хамелеонами, проститутками пера“ и пр. и пр.

Других эпитетов, которыми „русскіе патріоты“ из газ. „Русское Время“ подарили инакомыслящих, я перечислять не буду, т. к. уважаю своих читателей.

Неужели они думают таким способом направить инакомыслящих на путь истины? Неужели они оскорбленіями старых борцов за Россію, которые всю свою жизнь посвятили ей, заставят их замолчать?

Может быть, этот призыв мой не принесет пользы моей несчастной Родине, но все же пусть она знает, знают ее союзники и история, что, далеко не все русские за границей кричали «распни».

Я утверждаю, что в эти грозные минуты нашей Родины, большинство из двадцати пяти тысяч русских в Шанхае пребывают душой и сердцем с нею.

Я полагаю, что русских в Шанхае я знаю лучше всех, т. к. для знакомства с ними и изучения их я специально затратил пять лет моей жизни, несмотря на то, что и до этой работы я уже имел в Шанхай, безусловно, более трех тысяч личных знакомых.

Последние годы, встречаясь с ними и изучая их настроения, я понял кто чем дышит из них. И сейчас, не кривя душой, скажу, что вся молодежь (не менее 90% из них) и подавляющее большинство старшего возраста — с тобою, Россия!

Кто не верит моему утверждению, пусть организует плебисцит с тайным голосованием и тогда убедится.

Телеграмма от 22-го июня 1941 года об объявлении войны Германией России, пробудила политически спавшую, в течение последних нескольких лет, белую эмиграцию. Уже казалось, что Россия для многих из них стала чужой и ненужной. Увидать еще раз Россию — одним для того, чтобы там жить, работать и умереть, другим для того, чтобы служить ей и принести в жертву последние свои силы, — почти все потеряли надежду.

И вот, вдруг, как гром и молния среди ясного дня — война. Германские грозные полчища вторглись без предупреждения в пределы России, с которой Германия находилась в самых дружеских отношениях, после заключённого пакта о ненападении.

С русским Шанхаем сделалось что-то невероятное. Русский Шанхай обезумел. Потерянная надежда увидеть любимую родину блеснула ярким огнем в каждой измученной эмигрантской душе.

Как спавший долгую зиму улей пчел, разбуженный весенним солнцем, так тысячи русских загудели в Шанхае.

Нѣтъ, больше не могу, — нѣтъ сил моих молчать тогда, когда мои бывшіе соратники от имени бѣлыхъ борцов за Россію кричат „Распни, распни ея!“.

Может быть, этот призыв мой не принесет пользы моей несчастной Родинѣ, но все же пусть она знает, знают ея союзники и исторія, что далеко не всѣ русскіе за границей кричали „распни“.

Я утверждаю, что в эти грозныя минуты нашей Родины, большинство из двадцати пяти тысяч русских в Шанхаѣ пребывают душой и сердцем с нею.

Я полагаю, что русских в Шанхаѣ я знаю лучше всѣх, т. к. для знакомства с ними и изучения их я специально затратил пять лѣтъ моей жизни, несмотря на то, что и до этой работы я уже имѣлъ в Шанхаѣ, безусловно, больше трех тысяч личных знакомых.

Послѣдніе годы, встрѣчаясь с ними и изучая их настроенія, я поняла кто чѣм дышит из них. И сейчас, не кривя душою, скажу, что вся молодежь (не менѣе 90% из них) и подавляющее большинство старшаго возраста — с тобою Россія!

Кто не вѣрит моему утвержденію, пусть организует плебисцит с тайным голосованіем и тогда убѣдится.

Телеграмма от 22-го іюня 1941 года об

6

оказался без матки. За долгіе годы матку не нашли и не избрали, и не сговорились, что будут дѣлать, по какой дорогѣ пойдут, когда „прилетит их царствіе небесное“. (Ментали спаста Россію и вести за собой ея духотомиліонный народ, а за двадцать лѣтъ сами не сговорились!)

Двадцать лѣтних лѣтъ мы жили в эмиграціи, много сдѣлали хорошаго — каждый в отдѣлѣ, ности и в группах. Имѣли наикрасивѣйшій здѣсь храм — памятник Царю, были одними из первых в искусствѣ, являлись пионерами европейской музыки в Китаѣ, имѣли искусных врачей, дарили Шанхай блестящим балетом и опереттой, каких никогда не имѣлъ международный Шанхай, имѣли безсмысленных чемпионов шахмат и спортивных, гордились лучшим в городѣ подкомом, и многим, многим славили Россію.

Но вот, когда наступил момент, когда нужно было показать Россіи нашу силу, которая могла быть только в единеніи, доказать ей еще раз нашу любовь и выразить, хотя бы моральную помощь в ея горѣ, — мы не смогли, ибо наш трудолюбивый улей был без царицы.

У проснувшихся русских людей явилось вновь желаніе — жить для Россіи. Всѣ взволнованы, всѣ кричат и зовут каждый в свою сторону. Один зовет назад, другой вперед, третій влѣво, четвертый вправо. Сыпятся деклараціи,

объявленіи войны Германіей Россіи, пробудила политически спавшую, в теченіе послѣдних нѣскольких лѣтъ, бѣлую эмиграцію. Уже казалось, что Россія для многих из них стала чужой и ненужной. Увидѣть еще раз Россію — одним для того, чтобы там жить, работать и умереть, другим для того, чтобы служить ей и принести в жертву послѣднія свои силы, — почти всѣ потеряли надежду.

И вот, вдруг, как гром и молнія среди яснаго дня — война. Германскія грозныя полчища вторглись без предупрежденія в предѣлы Россіи, с которой Германія находилась в самых дружеских отношеніях, послѣ заключеннаго пакта о ненападении.

С русским Шанхаем сдѣлалось что-то невѣроятное. Русский Шанхай обезумѣлъ. Потерянная надежда увидѣть любимую родину блеснула ярким огнем в каждой измученной эмигрантской душѣ.

Как спавшій долгою зиму улей пчел, разбуженный весенним солнцем, так тысячи русских загудѣли в Шанхаѣ.

Прошел день, недѣля и, наконец, мѣсяц — шум становился все сильнѣе. Как пчелы, которые начали искать выхода из улья, так русскіе люди начали искать пути к Россіи, пути к ея спасенію. Но увы, общаго пути у них не нашлось, ибо русскій эмигрантскій улей в Шанхаѣ

7

призывы, приказы и, наконец, угрозы — силой заставить не мыслить иначе.

Большинство русских, переживающих в настоящій момент за свою родину, все это дѣлают тихо и никакого шума не слышно снаружки их дома. Но небольшая кучка людей все же нашлась и таких, которые вышли на улицу международнаго города и на посрамленіе русскаго имени устроили «большой гвалтъ».

У посторонних наблюдателей, навѣрное, создалось впечатленіе, что русскіе соскочили с ума. И русскій Шанхай похож сейчас на дом умалишенных.

Одни кричат: «да здравствует Великій Князь Владиміръ», другіе — „Сталин“, и, наконец, нашлись такіе, для которых не стало больше русских полководцев, они кричат, „Хейл Гитлер“, махая грозно кулаками.

Производящіе же впечатленіе тихо помѣшанных не кричат, — они тихо молятся Богу, чтобы Господь послал Россіи второй похвальный мир. Есть несчастные, которые благодаря пропагандѣ, заливающей со всѣх сторон Шанхай, совсѣм потеряли свой разум и не знают за кого помолиться, и они мечутся на молебій в русском Соборѣ и просят помочи им в бѣдѣ. И рядом стоящій — просицій у Бога похвальный мир для Россіи идет им на помощь: „помолитесь, чтобы Гитлер побѣдил русских; если он побѣ-

9

Прошел день, неделя и, наконец, месяц — шум становился все сильнее. Как пчелы, который начали искать выхода из улья, так русские люди начали искать пути к России, пути к ее спасению. Но увы, общего пути у них не нашлось, ибо русский эмигрантский улей в Шанхае оказался без матки. За долгие годы матку не нашли и не избрали, и не сговорились, что будут делать, по какой дороге пойдут, когда «придет их царствие небесное». (Мечтали спасти Россию и вести за собой ее двухсотмиллионный народ, а за двадцать лет сами не сговорились!)

Двадцать долгих лет мы жили в эмиграции, много сделали хорошего — каждый в отдельности и в группах. Имели наикрасивейший здесь храм — памятник Царю, были одними из первых в искусстве, являлись пионерами европейской музыки в Китае, имели искусных врачей, дарили Шанхай блестящим балетом и опереттой, каких никогда не имел международный Шанхай, имели бессменных чемпионов шахмат и спортивных, гордились лучшим в городе полком, и многим, многим славили Россию.

Но вот, когда наступил момент, когда нужно было показать России нашу силу, которая могла быть только в единении, доказать ей еще раз нашу любовь и выразить, хотя бы моральную помощь в ее горе, — мы не смогли, ибо наш трудолюбивый улей был без царицы.

У проснувшихся русских людей явилось вновь желание — жить для России. Все взволнованы, все кричат и зовут каждый в свою сторону. Один зовет назад, другой вперед, третьи влево, четвертый вправо. Супятся декларации, призывы, приказы и, наконец, угрозы — силой заставить не мыслить иначе.

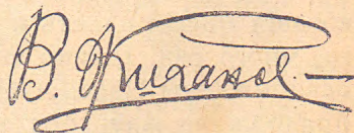
Большинство русских, переживающих в настоящий момент за свою родину, все это делают тихо и никакого шума не слышно снаружи их дома. Но небольшая кучка людей все же нашлась и таких, которые вышли на улицу международная города и на посрамление русская имени устроили «большой гевалт».⁶⁰

60 Немецкое Gewalt (насилие). Здесь караул!

Сейчас, в эти ужасные минуты для русского народа, когда вдоль двух тысяч верст западных границ России пылают села, леса и города, когда кровь наших братьев льется рекою, я обращаюсь к русским людям в Шанхае словами последнего русского Императора Кирилла Владимировича:

«Национальное сознание усиливается в России и служит признаком близкого освобождения. Им проникнуты и армия и флот, — пока носящие название красных. Они становятся той русской силой, которая способна спасти Россию от внешнего нашествия, внутреннего распада и коммунистического насилия.»

20 Августа 1941 г.
Шанхай

Моя Борьба. (Книга А. Гитлера—библия нацистов)
ГЛАВА XIV.

«ПОЭТОМУ МЫ НАЦИОНАЛ СОЦИАЛИСТЫ СОЗНАТЕЛЬНО ВЫЧЕРКИВАЕМ УСТРЕМЛЕННОСТЬ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ДОВОЕННОГО ВРЕМЕНИ. МЫ НАЧИНАЕМ СТОГО ЧЕМ КОНЧИЛИ ШЕСТЬ ВЕКОВ ТОМУ НАЗАД. МЫ ОСТАНАВЛИВАЕМ ВЕЧНУЮ ГЕРМАНСКУЮ ТЯГУ К ЮГУ И ЗАПАДУ И УСТРЕМЛЯЕМ ВЗОР НА ЗЕМЛЮ НА ВОСТОКЪ, МЫ ПОКОНЧИЛИ С ДОВОЕННОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ И ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКОЙ И ПЕРЕХОДИМ К ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ БУДУЩАГО.»

«Но, если мы сегодня говорим о новой земле и почве в Европе, то мы прежде всего можем думать лишь о РОССИИ и подчиненных ей окраинных государствах.»

У посторонних наблюдателей, наверное, создалось впечатление, что русские соскочили с ума. И русский Шанхай похож сейчас на дом умалишенных.

Одни кричат: «да здравствует Великий Князь Владимир», другие — «Сталин», и, наконец, нашлись такие, для которых не стало больше русских полководцев, они кричат, «Хейл Гитлер», махая грозно кулаками.

Производящие же впечатление тихо помешанных не кричат, — Они тихо молятся Богу, чтобы Господь послал России второй похабный мир. Есть несчастные, которые благодаря пропаганде, заливающей со всех сторон Шанхай, совсем потеряли свой разум и не знают за кого помолиться, и они мечутся на молебне в русском Соборе и просят помочь им в беде. И рядом стояний — просящие у Бога похабный мир для России идет им на помощь: «молитесь, чтобы Гитлер победил русских; если он победит...»⁶¹

Figure 1: Zhiganov (centre) unloading fish in Kamchatka, 1922.

(*Review of the Past*, No. 14, p. 151)

Жиганов (в центре) загружает рыбу на Камчатке, 1922
(Фото взято из JOURNAL OF THE ROYAL ASIATIC SOCIETY CHINA. VOL.
77 No. 1, 2017)

61 Жиганов В. Д. В защиту родины. Шанхай: Изд. автора, 1941. С. 5–9

Сейчас, в эти ужасные минуты для русского народа, когда вдоль двух тысяч верст западных границ России пылают села, леса и города, когда кровь наших братьев льется рекою, я обращаюсь к русским людям в Шанхае словами последнего русского Императора Кирилла Владимировича:

«Национальное сознание усиливается в России и служит признаком близкого освобождения. Им проникнуты и армия и флот, — пока носящие название красных. Они становятся той русской силой, которая способна спасти Россию от внешнего нашествия, внутреннего распада и коммунистического насилия. 20 августа 1941 г. Шанхай. В. Жиганов».

Немало угроз услышал Жиганов в свой адрес в тот непростой год для России. Победа русского оружия поставила все точки над “и”, после чего все эмигранты вдруг стали патриотами. Этот внезапный энтузиазм сам Жиганов, у которого отец просидел 16 лет в советских лагерях и тюрьмах, не поддержал.⁶²

Figure 6: With students of Tokyo University in 1940. (*Review of the Past*, No. 14, p. 149)

Со студентами Токийского университета в 1940
(Фото взято из JOURNAL OF THE ROYAL ASIATIC SOCIETY CHINA. VOL.
77 No. 1, 2017)

62 Жиганов В. Д. В защиту родины. Шанхай: Изд. автора, 1941. С. 32

Исповедь
БЕЛОГО ЭМИГРАНТА

Шт. кап. Жиганов.

Шанхай. 1946 г.

Книга: Исповедь белого эмигранта. Шт. – кап. Жиганов.
Шанхай: Изд. авт., 1946. 220 с.: портр.

К своему пятидесятилетию он издал воспоминания под названием «Исповедь белого эмигранта», в которых рассказал о причинах отказа от возвращения в «новую Россию».

Предисловие.

«В этой книге–исповеди я пишу больше о самом себе и поэтому слово «я» будет в ней самым употребительным словом.

Лицам нежелающим читать обо мне да–будет известно об этом сразу же.

Причин, которые побудили меня написать эту книгу, было несколько.

Первая:

Во время войны русские большевики в Шанхае настойчиво советовали белым эмигрантам раскаяться в «грехах» перед Родиной и поклониться советскому консулу.

Многие из эмигрантов истосковавшиеся по Родине пошли и поклонились. Но их исповедь не могла быть полной потому, что для многих из них раскрыть свою душу было бы равносильно получить отказ в паспорте.

И у меня явилось желание написать о тех моих мыслях и действиях, которые большевики называют грехами.

Вторая причина:

В изданном мною в 1936 году альбоме я увековечил жизнь Белой эмиграции в Шанхае, а в этой книге я пишу: к какими мыслями и идеалами Белые начали борьбу с властью большевиков–интернационалистов, с какими мыслями ушли за границу и жили здесь, и наконец с какими мыслями большинство из них решили возвратиться в Родную Страну.

Так как все без исключения политические партии всегда умалчивают о своих ошибках и добрых делах своих врагов, (это колет их глаза), то они всегда искажают историю.

Поэтому я решил написать голую правду для тех, кто ищет ее.

Если я не успею в моей жизни написать большого повествования, пусть эта исповедь останется маленькой летописью вместо него.

Figure 7: Vladimir and Olga Zhiganov in Shanghai in the 1960s.
(*Review of the Past*, No. 14, p. 149)

Владимир и Ольга Жигановы в Шанхае в 1960-ых
(Фото взято из JOURNAL OF THE ROYAL ASIATIC SOCIETY CHINA.VOL.
77 No. 1, 2017)

Предисловие.

В этой книге-исповеди я пишу больше о самом себе и поэтому слово «я» будет в ней самым употребительным словом.

Лицам нежелающим читать обо мне дабудет известно об этом сразу же.

Причин, которые побудили меня написать эту книгу, было несколько.

Первая:

Во время войны русские большевики в Шанхае настойчиво советовали белым эмигрантам раскаться в «грехах» перед Родиной и поклониться советскому консулу.

Многие из эмигрантов истосковавшиеся по Родине пошли и поклонились. Но их исповедь не могла быть полной потому, что для многих из них раскрыть свою душу было бы равносильно получить отказ в паспорте.

И у меня явилось желание написать о тех моих мыслях и действиях, которые большевики называют грехами.

Вторая причина:

В изданном мною в 1936 году альбоме я увековечил жизнь Белой Эмиграции в Шанхае, а в этой книге я пишу: к какими мыслями и идеалами Белые начали борьбу с властью большевиков-интернационалистов, с какими мыслями ушли за границу и жили здесь, и наконец с какими мыслями большинство из них решили возвратиться в Родную Страну.

— 6 —

Предисловие из книги В. Д. Жиганова
«Исповедь белого эмигранта», 1946

Третья причина:

Ввиду того что у белых пришедших за границу с едиными мыслями (говорю про большинство), с 1941-го года произошло «смещение языков», этой книгой исповедью я хочу помочь тем, кто не понимает меня.

Книгой этой я не стараюсь угодить кому-либо и поэтому пишу о других все, что требует правда.

Что считаю добром и что считаю злом — не скрываю.

И красные интернационалисты и непримиримые белые фанатики, найдут в этой книге много приятного и много того, что им очень не понравится.

О себе пишу много того, что, будет не выгодно мне самому. Ибо поступки которые по нашим понятиям считаем мы подвигом, наши враги назовут преступлением.

Желая выразить в этой книге идеалы и вытекающие из них мысли, которые руководили всегда моими действиями, я не мог умолчать почему я возненавидел большевиков.

Пусть читатель-большевик не примет тех строк на свой счет. Речь о ненависти идет не к нынешним Сталинским большевикам-патриотам, а к тем Интернационалистам, которые ненавидели все русское, хотели погубить Россию, но сами погибли по воле Сталина.

Между большевиками 1918 года и нынешними, по моему мнению, осталось столько же общего, сколько между красным бандитом Тряпицыным и маршалом Жуковым.

Книгу эту я написал в зиму с 1943 на 1944 год, но печатать ее Японский Морской Штаб запретил.

Дополнительные главы: 14, 15, 16, 17, 18 и 21 написаны в 1946 году»

Автор.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Страдать за благополучие других и их защищать, отодвинув в сторону собственные интересы, это значит забыть себя и сде-

латься врагом самому себе и еще врагом тех, от кого защищаешь обиженных.

Преследовать определенную идею, примыкать к какой либо общественной группировке или же состоять в политической партии, быть врагом произвола власти, требовать справедливости, любить Родину и защищать ее — все это значит вести бесконечную борьбу и затем нажить себе миллион врагов.

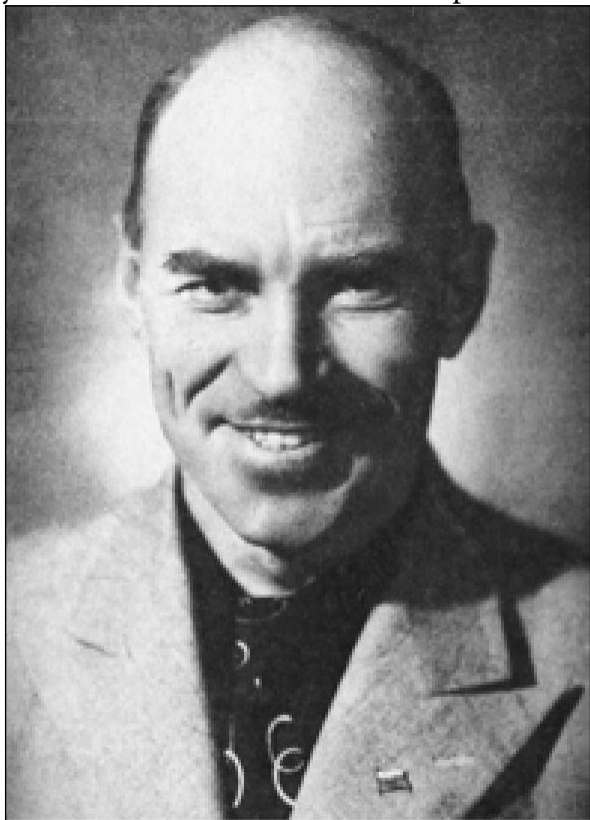

Figure 8: Vladimir Zhiganov in 1936.
(*Review of the Past*, No. 14, p. 150)

Владимир Жиганов в 1936 году
(Фото взято из JOURNAL OF THE ROYAL ASIATIC SOCIETY CHINA.VOL.
77 No. 1, 2017)

Так как все без исключения политические партии всегда умалчивают о своих ошибках и добрых делах своих врагов, (это колет их глаза), то они всегда искажают историю.

Поэтому я решил написать голую правду для тех кто ищет ее.

Если я не успею в моей жизни написать большого повествования, пусть эта исповедь останется маленькой летописью вместо него.

Третья причина:

Ввиду того что у белых пришедших за границу с едиными мыслями (говорю про большинство), с 1941-го года произошло «смешение языков», этой книгой исповедью я хочу помочь тем, кто не понимает меня.

Книгой этой я не стараюсь угодить кому либо и поэтому пишу о других все, что требует правда.

Что считаю добром и что считаю злом — не скрываю.

И красные интернационалисты и непримиримые белые фанатики, найдут в этой книге много приятного и много того, что им очень не понравится.

With compliments of
Johnson Hotel & Restaurant,
Johnson Auto-Communication Co.,
Johnson Broadcasting Station,
Johnson Bank.
221-229 Av. Albert

— 7 —

О себе пишу много того, что, будет не выгодно мне самому. Ибо поступки которые по нашим понятиям считаем мы подвигом, наши враги назовут преступлением.

Желая выразить в этой книге идеалы и вытекающие из них мысли, которые руководили всегда моими действиями, я не мог умолчать по чему я возненавидел большевиков.

Пусть читатель — большевик не примет тех строк на свой счет. Речь о ненависти идет не к нынешним Сталинистам большевикам-патриотам, а к тем интернационалистам, которые ненавидели все русское, хотели погубить Россию, но сами погибли по воле Сталина.

Между большевиками 1918 года и нынешними, по моему мнению, осталось столько же общего, сколько между красным бандитом Тряпичным и маршалом Жуковым.

Книгу эту я написал в зиму с 1943 на 1944 год, но печатать ее Японский Морской Штаб запретил.

Дополнительные главы: 14, 15, 16, 17, 18 и 21 написаны в 1946 году.

Автор.

8 —

ВСТУПЛЕНИЕ.

Страдать за благополучие других и их защищать, отодвинув в сторону собственные интересы, это значит забыть себя и сделаться врагом самому себе и еще врагом тех, от кого защищаешь обиженных.

Преследовать определенную идею, примыкать к какой либо общественной группировке или же состоять в политической партии, быть врагом произвола власти, требовать справедливости, любить Родину и защищать ее — все это значит вести бесконечную борьбу и затем нажить себе много врагов.

Русская пословица говорит: «На всех не угодишь». И действительно это так. Какое бы доброе общественное дело не начинал и не делал, все равно наживешь врагов.

Так уж повелось из стари. Если хочешь, чтобы тебя назвали жуликом, то организуй благотворительное общество, возьми на себя заботу о бедных, теряй время, энергию и ты обязательно будешь назван жуликом и мошенником. Если ты хочешь нажить врагов смертельных, которые будут преследовать тебя с оружием в руках, то бери на себя больше. Бери на себя заботу о своем народе, о его освобождении и тебя обязательно будут преследовать с оружием в руках. А если догонишь — князят,

Альбомы

**„Русские
в Шанхае“**

продаются
на складе издателя.

**Исповедь
БЕЛОГО ЭМИГРАНТА**

Шт. кап. Жиганов.
Шанхай. 1946 г.

Русская пословица говорит: «На всех не угодишь». И действительно это так. Какое бы доброе общественное дело не начинал и не делал, все равно наживешь врагов.

Так уж повелось из стари. Если хочешь, чтобы тебя назвали жуликом, то организуй благотворительное общество, возьми на себя заботу о бедных, теряя время, энергию и ты обязательно будешь назван жуликом и мошенником. Если ты хочешь нажить врагов смертельных, которые будут преследовать тебя с оружием в руках, то бери на себя больше. Бери на себя заботу о своем народе, о его освобождении и тебя обязательно будут преследовать с оружием в руках. А если догонят — казнят.⁶³

Я не только не щадил своего здоровья, обрекая его чрезмерным трудом, я еще заставлял себя нуждаться в самом необходимом.

Сейчас мне не стыдно сознаться, что в течение того каторжного труда, я часто отказывал себе в полном обеде, несмотря на то, что всегда столовался в самых дешевых китайских столовых.

Мне не стыдно сказать читателю, что, несмотря на то что уголь в Шанхае, в то время стоил гроши, я почти всегда зимою жил в не-топленной комнате.

И в то время, когда русские эмигранты занимавшие, даже самые маленькие посты, как сторож и телохранитель, имели возможность заказывать себе хорошие английские костюмы и даже смокинги, я до 1937 года ходил в пальто и костюмах своего друга, и никогда не имел теплого белья.

В зимнюю стужу, без пальто⁶⁴, часто под дождем, в промокших теннисных туфлях, когда я с утра до позднего вечера, носился на

63 Жиганов В. Д. Исповедь белого эмигранта. Шт. – кап. Жиганов. Шанхай: Изд. авт., 1946. С. 6–9

64 Пальто, которое подарил мне приятель, было у меня для парадных случаев. В повседневной работе я его не носил (Примечание В. Д. Жиганова)

велосипеде по городу и собирал врачам Общества на жалование, и затем с 1931 года, когда собирал исторический материал для издания — памятника Российской Эмиграции, только Господь хранил мое здоровье.

ГЛАВА 13–ая.

Мои малые общественные дела, на которые я пожертвовал не менее 365 рабочих дней.

Описав два моих больших труда в Шанхае» теперь я должен сказать о делах малых. Нахожу нужным говорить о них не потому, что хочу ставить их в свою заслугу, а потому, что ничего не хочу утаить от читателя.

Вот мои малые общественные дела:

1) В 1929 году будучи председателем Общества медицинской взаимопомощи, был делегирован в организованную тогда в Шанхае Русскую национальную общину, в которой все годы ее существования состоял членом совета.

2) Состоял в организации «Сокол».

3) В 1930 году, после резни в Трёхречье, при сборе подписей под петицией президенту Америки Гуверу, о защите трехреченцев, из собранных всей русской колонией 3000 подписей, половину собрал я лично.

Кроме того по собственной инициативе сделал сбор средств в пользу сирот Трёхречья.

4) В 1932 году при попытке ген. Глебова объединить Русскую колонию в Шанхае, принимал большое участие в подготовительной работе по созданию Совета Объединенных Русских организаций. Тогда я объединил в группы неорганизованных: телохранителей, сторожей, парикмахеров, приказчиков и лиц других профессий, которые послали на собрание своих делегатов. Для этого общественного дела, я пожертвовал две недели своего времени, остановив совершенно работу по составлению альбома «Русские в Шанхае».

я не только не шадил своего здоровья, обременения его чрезмерным трудом, я еще заставлял себя нуждаться в самом необходимом.

Сейчас мне не стыдно сознаться, что в течение того каторжного труда, я часто отказывал себе в полном обеде, несмотря на то, что всегда стояло в самых дешевых китайских столовых.

Мне не стыдно сказать читателю, что несмотря на то что уголь в Шанхае, в то время, стоил гроши, я почти всегда зимою жил в неотапливаемой комнате.

И в то время, когда русские эмигранты занимавшие, даже самые маленькие посты, как сторож и телохранитель, имели возможность заказывать себе хорошие английские костюмы и даже смокинги, я до 1937 года ходил в пальто и костюмах своего друга, и никогда не имел теплого белья.

В зимнюю стужу без пальто*), часто под дождем, в промокших тесных туфлях, когда я с утра до позднего вечера, носился на велосипеде по городу и собирал врачам Общества на жалованье, и затем с 1931 года, когда собирал исторический материал для издания — памятника Российской Эмиграции, только Господь хранил мое здоровье.

*) Пальто которое подарил мне приятель, было у меня для парадных случаев, в повседневной работе я его не носил.

— 86 —

4) В 1932 году при попытке ген. Глебова объединить Русскую Колонию в Шанхае, принимал большое участие в подготовительной работе по созданию Совета Объединенных Русских Организаций. Тогда я объединил в группы неорганизованных: телохранителей, сторожей, парикмахеров, приказчиков и лиц других профессий, которые послали на собрание своих делегатов. Для этого общественного дела, я пожертвовал две недели своего времени, оставив совершенно работу по составлению альбома «Русские в Шанхае».

5) В 1933 году был инициатором сбора в пользу бежавших в Японию. Бежавшим угржала опасность выдачи, в случае если бы за них не было уплачено по 55 иен за проезд до Шанхая.

Прочитав в газете об этой угрозе, я тотчас же по собственной инициативе приступил к сбору денег, и через 3 дня из Шанхая был сделан телеграфный перевод в 1000 иен. Половину из них собрал я, а вторую половину пожертвовала Русская Национальная Община.

6) В 1939 году у меня явилась мысль создать в Шанхае русскую общественную читальню, которая была бы снабжена всеми русскими журналами и газетами выходящими в Шанхае и во всем Зарубежье, а также газетами и журналами московскими.

При читальне мною проектировалось создать общественную библиотеку и архив, которыми мы сами могли бы пользоваться, так как Пражский Заграничный Архив, коего я был представителем, для Шанхая был совершенно недоступен.

— 88 —

ГЛАВА 13-ая.

Мои малые общественные дела, на которые я пожертвовал не менее 365 рабочих дней.

Описав два моих больших труда в Шанхае, теперь я должен сказать о делах малых. Нахожу нужным говорить о них не потому, что хочу ставить их в свою заслугу, а потому, что ничего не хочу утаить от читателя.

Вот мои малые общественные дела:

1) В 1929 году будучи председателем Общества Медицинской Взаимопомощи, был делегирован в организованную тогда в Шанхае Русскую Национальную Общину, в которой все годы ее существования состоял членом совета.

2) Состоял в организации «Сокол».

3) В 1930 году, после резни в Трехречье, при сборе подписей под петицией президенту Америки Хуверу, о защите трехреченцев, из собранных всей русской колонией 3000 подписей, половину собрал я лично.

Кроме того по собственной инициативе сделал сбор средств в пользу сирот Трехречья.

— 87 —

Я начал организовать Общество в которое уже привлек 100 человек, по ввиду создавшегося в Шанхае квартирного кризиса начинание это мне пришлось отложить.

7) В 1939 году, когда Великий князь Владимир Кириллович объявил себя Главою Российского Императорского Дома, я немедленно, в целях его популяризации, издал и распространил на Дальнем Востоке и Японии большой его портрет*).

8) В том же году после моей поездки в Японию, я составил об этой стране и издал брошюру, познакомив своих соотечественников с тем, что из себя представляет современный Япония.

9) Весною 1940 года по моей инициативе организовано Шанхайское Общество Изучения Японского Языка, президентом коего был избран при основании.

10) Когда в Шанхае квартирная спекуляция, превратилась для маломужских в форменное бедствие, я составил и подал петицию генеральному консулу Франции, собрав более 200 подписей.

11) В 1936 году я принял предложение и был назначен в Шанхае представителем Росий-

*) Портрет был отпечатан литографским способом и в красках, что является единственным случаем в Эмиграции.

— 89 —

5) В 1933 году был инициатором сбора в пользу бежавших в Японию. Бежавшим угрожала опасность выдачи, в случае если бы за них не было уплачено по 55 иен за проезд до Шанхая.

Прочитав в газете об этой угрозе, я тот час же по собственной инициативе приступил к сбору денег, и через 3 дня из Шанхая был сделан телеграфный перевод в 1000 иен. Половину из них собрал я, а вторую половину пожертвовала Русская национальная община.

6) В 1939 году у меня явилась мысль создать в Шанхае русскую общественную читальню, которая была бы снабжена всеми русскими журналами и газетами выходящими в Шанхае и во всем Зарубежье, а также газетами и журналами московскими.

При читальне мною проектировалось создать общественную библиотеку и архив, которым мы сами могли бы пользоваться, так как Пражский заграничный архив, коего я был представителем, для Шанхая был совершенно недоступен.

Я начал организовать Общество, в которое уже привлек 100 человек, но ввиду создавшегося в Шанхае квартирного кризиса начинание это мне пришлось отложить.

7) В 1939 году, когда Великий князь Владимир Кириллович объявил себя Главою Российского Императорского Дома, я немедленно, в целях его популяризации, издал и распространил на Дальнем Востоке и Японии большой его портрет.⁶⁵

8) В том же году после моей поездки в Японию, я составил об этой стране и издал брошюру, познакомив своих соотечественников с тем, что из себя представляет современная Япония.

9) Весною 1940 года по моей инициативе организовано Шанхайское общество изучения японского языка, президентом коего был избран при основании.

10) Когда в Шанхае квартирная спекуляция, превратилась для малоимущих в форменное бедствие, я составил и подал петицию генеральному консулу Франции, собрав более 200 подпи-

65 Портрет его бы отпечатан литографским способом и в красках, что является единственным случаем в Эмиграции (примечание В. Д. Жиганова)

ского Зарубежного Архива при Министерстве Иностранных дел Чехословацкой Республики. Работу эту исполнял безвозмездно до начала войны.

12) Три года состоял в Русской Роте Шанхайского Волонтерского Корпуса, неся службу бесплатно.

13) Кроме всего вышеперечисленного, в течение жизни в Шанхае, не менее 20 раз участвовал в уличных кружечных сборах в пользу благотворительных организаций.

14) После вступления Германских армий на территорию России в июне 1941 года, написал и издал в защиту Родины брошюру, несколько листовок и поместил в газетах ряд патриотических статей.

— 90 —

им верил. (В Союзе Возвращенцев тогда было только около 200 человек).

Во вторых, чтобы белый эмигрант пожелал победы красным, нужно было тронуть самую святую святых его души, т. е. написать так, чтобы было по душе белому.

Но такой материал, приготовленный специально для белых, не поместится в красная газета.

В третьих то, что нужно было написать, не пропустила бы цензура.

Остался один выход издать нелегальную брошюру. И вот доведенный пропагандой русских предателей до состояния, когда человек может идти на любой шаг, я решил написать брошюру, и тайно ее отпечатать и распространить среди русских в Шанхае.

Брошюра была адресована редактору газеты «Русское Время» издававшейся на японские деньги капитаном Куроки. (Уполномоченный по русским делам в Шанхае).

Написать брошюру, не составило мне большого труда. Писал я ее одну неделю. Но чтобы издать ее, то это оказалось делом очень не легким.

Первая типография, которая согласилась нелегально печатать, набрав половину брошюры, испугалась, отдала обратно полностью всю мою бумагу и отказалась от заказа.

Я не знал что мне предпринять. Я рисковал быть арестованным до печатания брошюры, ибо каждая типография, которая отказалась от моего заказа могла выдать меня японской жандармерии.

ГЛАВА 14-ая. (дополнительная)

Брошюра «В Защиту Родины».

Начавшаяся грандиозная, упорная и жестокая борьба Русского Народа с иностранными завоевателями, борьба не за жизнь, а на смерть, борьба в которой решалось, быть или не быть Великой России, не могла не затронуть нас русских людей, когда то бежавших от большевиков и мирно живших в Шанхае.

Первые неудачи Русского Народа, его страдания и наша тревога за будущее любимой Родины, по полям которой проливались неукротимые потчища—победители Европы, заставили нас забыть нашу личную жизнь и наши общественные дела.

Телом мы были в Шанхае, но душа наша витала там, где текли реки братской крови, где горели тысячи русских сел и городов.

Мы представляли в своем воображении глеть пламенем пожаров наши древние святини: Москву, Киев, Смоленск, Великий Новгород и наши сердца сжимались от боли.

Ежедневно мы читали немецкие сообщения, что Красная Армия проявляет необыкновенное

— 91 —

Я был в подлном отчаянии, и ради выполнения своего намерения готов был идти на любое самопожертвование.

Если бы в те дни, кто либо предложил мне напечатать брошюру и взамен этого потребовал бы с меня, чтобы я отрубил свою левую руку и отдал бы ему; ей Богу я согласился бы на это условие*).

Но, Слава Богу, я обошелся без этого. В конце концов нашел русского патриота, который не побоялся и выполнил мой нелегальный заказ.

В брошюре я высказал свое убеждение, (которое подтвердил фактами), что Гитлер есть враг России и идет не освобождать ее, а на оборот завоевывать.

Я опроверг все утверждения японской газеты, и назвал всех русских которые группируются вокруг нее жукириками которых Родина не дорожит.

Их любовь к Русскому Народу, я сравнил с любовью павка к мухе.

Я осмелил Анти-коммунистический Фонд, который организовали в Шанхае русские фашисты.

Я посоветовал им, чтобы собранные гроши они передали детскому приюту, которому Гитлер не помогает и никогда не поможет.

Я призвал всех русских оставаться верными Русскому Народу, и помнить последнее обращение

*) Там где ставишь на карту свою жизнь — руки не жалеешь.

— 96 —

— 97 —

сей.

11) В 1936 году я принял предложение и был назначен в Шанхае представителем Российского зарубежного архива при Министерстве иностранных дел Чехословацкой Республики. Работу эту исполнял безвозмездно до начала войны.

12) Три года состоял в Русской роте Шанхайского волонтерского корпуса, неся службу бесплатно.

13) Кроме всего вышеперечисленного, в течение жизни в Шанхае, — не менее 20 раз участвовал в уличных кружечных сборах в пользу благотворительных организаций.

14) После вступления Германских армий на территорию России в июне 1941 года, написал и издал в защиту Родины брошюру, несколько листовок и поместил в газетах ряд патриотических статей.

ГЛАВА 14-ая. (дополнительная).

Брошюра «В Защиту Родины».

Начавшаяся грандиозная, упорная и жестокая борьба Русского народа с иностранными завоевателями, борьба не на жизнь, а на смерть, борьба в которой решалось, быть или не быть Великой России, не могла не затронуть нас русских людей, когда то бежавших от большевиков и мирно живших в Шанхае.

Первые неудачи Русского Народа, его страдания и наша тревога за будущее любимой Родины, по полям которой продвигались немецкие полчища — победители Европы, заставили нас забыть нашу личную жизнь и наши общественные дела.

Телом мы были в Шанхае, но душа наша витала там, где текли реки братской крови, где горели тысячи русских сел и городов.

Мы представляли в своем воображении объятые пламенем пожаров наши древние святыни: Москву, Киев, Смоленск, Великий Новгород и наши сердца сжимались от боли.⁶⁶

66 Жиганов В. Д. Исповедь белого эмигранта. Шт. – кап. Жиганов. Шанхай: Изд. авт., 1946. С. 86–91

ние к Армии Императора Николая Второго, в котором он говорил: «кто думает во время войны о мире с врагом, кто желает его, тот изменник Отечеству и его предатель».

В брошюре я напомнил господам пораженцам монархистам, что Император Кирилл Владимирович, в своем обращении к Красной Армии в 1932 году, назвал ее приемницей Российской Армии и призывал готовиться к защите России от внешнего нашествия.

Из 1000 брошюр, пятьсот я послал по почте, (адреса взял из телефонной книги), а 300 штук раздал знакомым.

На подавляющее большинство русских людей в Шанхае, брошюра произвела необыкновенно сильное впечатление. Но были конечно и такие которые не желали даже брать ее в руки, или же по прочтении, ее разрывали. Некоторые из них перестали со мною здороваться.

Лиц враждебно встретивших брошюру было не более 5%.

Помню такой случай. Одной русской чете, я предлагаю для прочтения брошюру,

А они мне задают лаконический вопрос:

«Это за кого? За немцев или за русских?»

Я отвечаю: за русских.

Нет, нет, нет, не надо! Мы это читать не будем. Мы за немцев».

После этого разговора, я сам перестал здороваться с эти «русскими», и не здороваюсь до сих пор.

...(В Союзе Возвращенцев тогда было только около 200 человек).

Во-вторых, чтобы белый эмигрант пожелал победы красным, нужно было тронуть самую святую святых его души, т. е. написать так, чтобы было по душе белому.

Но такой материал, приготовленный специально для белых, не поместила бы красная газета.

В-третьих то, что нужно было написать, — не пропустила бы цензура.

Оставался один выход издать нелегальную брошюру. И вот доведенный пропагандой русских предателей до состояния, когда человек может идти на любой шаг, я решил написать брошюру, и тайно ее отпечатать и распространить среди русских в Шанхае.

Брошюра была адресована редактору газеты «Русское Время» издававшейся, на японские деньги капитаном Куроки (Уполномоченный по русским делам в Шанхае).

Написать брошюру, не составило мне большого труда. Писал я ее одну неделю. Но чтобы издать ее, то это оказалось делом очень не легким.

Первая типография, которая согласилась нелегально печатать, набрав половину брошюры, испугалась, отдала обратно полностью всю мою бумагу и отказалась от заказа.

Я не знал, что мне предпринять. Я рисковал быть арестованным до печатания брошюры, ибо каждая типография, которая отказалась от моего заказа могла выдать меня японской жандармерии.

Я был в полном отчаянии, и ради выполнения своего намерения готов был идти на любое самопожертвование.

Если бы в те дни, кто-либо предложил мне напечатать брошюру и взамен этого потребовал бы с меня, чтобы я отрубил свою левую

руку и отдал бы ему; ей Богу я согласился бы на это условие.⁶⁷

Но, Слава Богу, я обошелся без этого. В конце концов нашел русского патриота, который не побоялся и выполнил мой нелегальный заказ.

В брошюре я высказал свое убеждение, (которое подтвердил фактами), что Гитлер есть враг России и идет не освобождать ее, а наоборот завоевывать.

Я опроверг все утверждения японской газеты, и назвал всех русских, которые группируются вокруг нее, шкурниками которым Родина не дорога.

Их любовь к Русскому Народу, я сравнил с любовью паука к мухе.

Я осмелял Антикоммунистический фонд, который организовали в Шанхае русские фашисты.

Я посоветовал им, чтобы собранные гроши они передали детскому приюту, которому Гитлер не помогает и никогда не поможет.

Я призвал всех русских оставаться верными Русскому народу, и помнить последнее обращение к Армии Императора Николая Второго, в котором он говорил: «кто думает во время войны о мире с врагом, кто желает его, тот изменник Отечеству и его предатель».

В брошюре я напомнил господам пораженцам монархистам, что Император Кирилл Владимирович, в своем обращении к Красной Армии в 1932 году, назвал ее преемницей Российской Армии и призывал готовиться к защите России от внешнего нашествия.

Из 1000 брошюр, пятьсот я послал по почте, (адреса взял из телефонной книги), а 300 штук раздал знакомым.

На подавляющее большинство русских людей в Шанхае, брошюра произвела необыкновенно сильное впечатление. Но были, конечно, и такие которые не желали даже брать ее в руки, или же по прочтении, ее разрывали. Некоторые из них перестали со мною здороваться.

67 Там где ставишь на карту свою жизнь — руки не пожалеешь (Примечание В. Д. Жиганова)

Лиц враждебно встретивших брошюру было не более 5%.

Помню такой случай. Одной русской чете, я предлагаю для прочтения брошюру,

А они мне задают лаконический вопрос:

«Это за кого? За немцев или за русских?»

Я отвечаю: за русских.

Нет, нет, нет, не надо! Мы это читать не будем. Мы за немцев».

После этого разговора, я сам перестал здороваться с эти «русскими», и не здороваюсь до сих пор.

А они, между прочим, применяясь к обстановке, уже давно, оказывается, (года 2 тому назад) подали на советское гражданство и ходят с пятиконечной красной звездой в петлице, как настоящие герои Советского Союза.

Все, что я хотел сделать, мне удалось. Брошюра получилась очень убедительной и глубоко тронула сердца русских эмигрантов.

По силе впечатления, какое она произвела на русских в Шанхае, она безусловно оказалась самой сильнейшей из всех русских статей и брошюр, которые были здесь напечатаны во время войны.

Конечно, не потому что она была самым лучшим литературным произведением, (я соглашусь если ее назовут самым худшим), а по результатам, которые она принесла.

Русские люди в Шанхае, ошеломленные выступлением Германии, а затем — антирусской Декларацией глав эмигрантских организаций, как бы лишились света, потеряли свою дорогу и ощупью бродили в глубоком мраке.

Брошюра явилась первым ярким лучом света и указала правильный путь Эмиграции.

Сотни русских людей жали мне руку при встрече и горячо благодарили меня, за мое выступление.

Мужчины и женщины обнимали и целовали меня на улице. Мне доказывали, что я сам не сознаю, какой подвиг я совершил. Брошюра ходила по городу из рук в руки.⁶⁸

68 Жиганов В. Д. Исповедь белого эмигранта. Шт. – кап. Жиганов. Шанхай: Изд. авт., 1946. С. 96–99

А они между прочим, применяясь к обстановке, уже давно, оказывается, (года 2 тому назад) подали на советское гражданство и ходят с пятиконечной красной звездой в петлице, как настоящие герои Советского Союза.

Все, что я хотел сделать, мне удалось. Брошюра получилась очень убедительной и глубоко тронула сердца русских эмигрантов.

По силе впечатления, какое она произвела на русских в Шанхае, она безусловно оказалась самой сильнейшей из всех русских статей и брошюр, которые были здесь напечатаны во время войны.

Конечно не потому что она была самым лучшим литературным произведением, (я соглашусь если ее назовут самым худшим), а по результатам, которые она принесла.

Русские люди в Шанхае, ошеломленные выступлением Германии, а затем — антирусской декларацией глав эмигрантских организаций, как бы лишились света, потеряли свою дорогу и ошупью бродили в глубоком мраке.

Брошюра явилась первым ярким лучем света и указала правильный путь Эмиграции.

Сотни русских людей жали мне руку при встрече и горячо благодарили меня, за мое выступление.

Мужчины и женщины обнимали и целовали меня на улице.

Мне доказывали, что я сам не сознаю, какой подвиг я совершил.

Брошюра ходила по городу из рук в руки.

Все прошлые великие заблуждения и ошибки Коммунистической партии, которой принадлежали и принадлежит до сих пор правители современной России, которые стоили ей миллионов человеческих жизней, меркнут перед его заслугами перед нашей Родиной.

Он исправляет ошибки не только Советского правительства, но и Царского.

Я верю в то, что нынешний вождь нашей страны, все плохое, которое еще существует в ней, уничтожит, и все хорошее, в чем она нуждается даст ей.

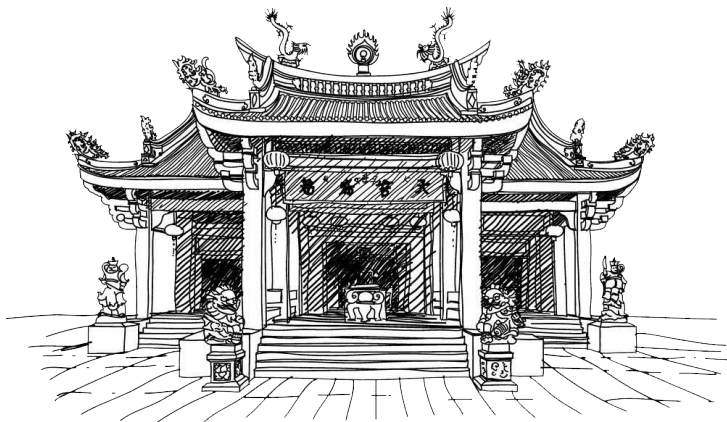
Великое, счастье России в том, что в партии Ленина состоял Сталин.

Он мой политический враг, но я не скрою своего мнения, что он действительно Великий вождь Великого народа.

Это он дал мне счастье увидеть возрождение моей любимой Родины, когда Она вновь заменяла славой и величием на страх врагам.

Я хочу, чтобы этот великий государственный деятель, как можно дольше правил нашей страной, ибо заместителя Ему равного нет.

Таких как Он, Бог дарует России не в каждом столетии.

Все прошлые великие заблуждения и ошибки Коммунистической партии к которой принадлежал и принадлежит до сих пор Правительство современной России, которые стоили Ей миллионов человеческих жизней, меркнут перед Его заслугами перед нашей Родиной.

Он исправляет ошибки не только Советского Правительства, но и Царского.

Я верю в то, что нынешний вождь нашей страны, все плохое, которое еще существует в ней, уничтожит, и все хорошее, в чем она нуждается даст ей.

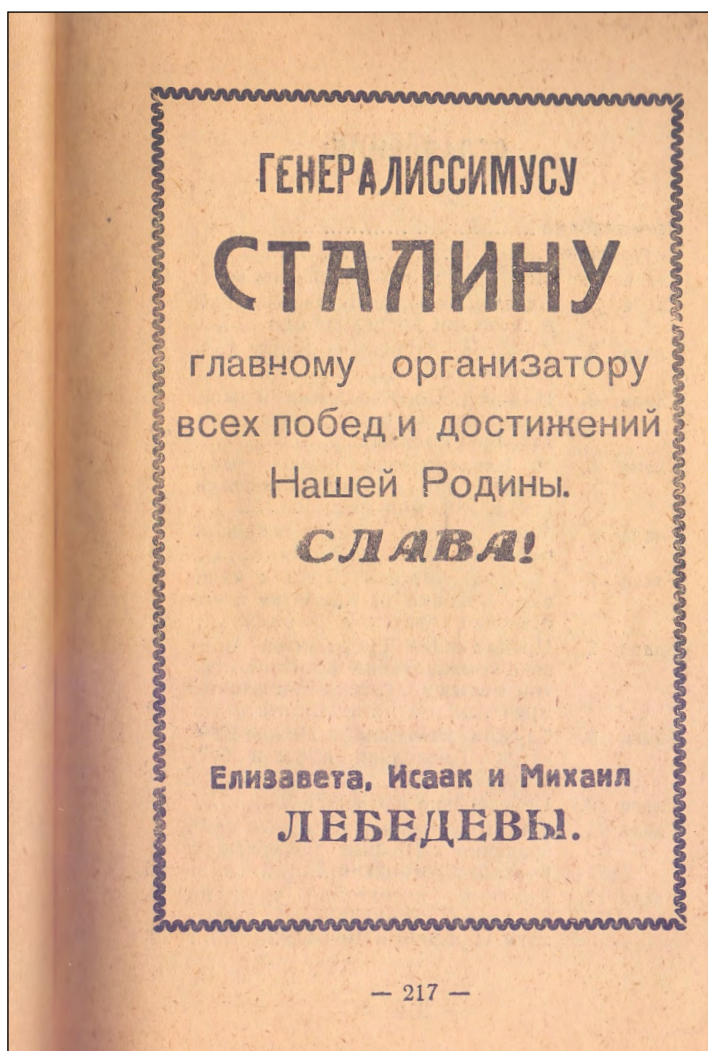
Великое счастье России в том, что в партии Ленина состоял Сталин.

Он мой политический враг, но я не скрою своего мнения, что он действительно Великий Вождь Великого Народа.

Это Он дал мне счастье увидеть возрождение моей любимой Родины, когда Она вновь засияла славой и величием на страх врагам.

Я хочу чтобы этот великий государственный деятель, как можно дольше правил нашей Страной, ибо заместителя Ему равного нет.

Таких как Он, Бог дарует России не в каждом столетии.

Из Китая Жиганов эмигрировал в Австралию. Там в начале 70-х годов он, продолжая бороться за свободу родины, издавал журнал «Картины прошлого». Хотел он выпустить в свет и второе издание своего шедевра «Русские в Шанхае», но смерть помешала претворить этот замысел в жизнь. Владимир Данилович Жиганов скончался 16 октября 1978 года и похоронен в Сиднее.

Литература

1. МОКО KINSEI SHI: JINGISU KAN YORI SOVIETO KYOWAKOKU MADE / I. J. KOROSUTOUETTSU CHO TAKAYAMA HIROKICHI YAKU. [1937]. 2, 2, 4, — 486 p.: ill., map., (FOLD);
2. Алексеев В. М. Наука о Востоке: статьи и документы. М.: Гл. ред. вост. лит., 1982;
3. Арнольдов Л. В. Из страны белого солнца: Этюды о Китае. Шанхай: Изд-во А.П. Малык и В.П. Камкина, 1934. — 438 с.;
4. Арнольдов Л. В. Китай, как он есть: Быт и политика: Наблюдения, факты, выводы. Шанхай: Рус. тип. «График», 1933. — 371 с.;
5. Горбунов А. А. От брокера до... репортера: (Воспоминания тяньцзинца). Тяньцзинь: Тип. THE SINI PRESS, [1927]. — 42 с.: портр.;
6. Жернаков В.Н. Павел Васильевич Шкуркин // 70-летие Харбинских железнодорожных училищ. 1903–1973. Сан-Франциско, 1973.;
7. Жиганов В. Д. В защиту Родины. Шанхай: Изд. автора, 1941. 32 с.
8. Жиганов В. Д. Исповедь белого эмигранта. Шт. – кап. Жиганов. Шанхай: Изд. авт., 1946. — 220 с.: портр.
9. Жиганов В. Д. Япония после двух лет войны с Китаем. Шанхай: Русь, 1940. — 32 с.
10. Иванов В. И. Своей дорогой : (О русской эмигрантской молодежи) : (сборник). Шанхай : Эпоха, 1942. — 38 с.;
11. Коростовец И. Я. Китайцы и их цивилизация. С приложением карты Китая, Японии и Кореи. СПб.: Изд. кн. магазина Ледерле, 1896. — 643 с., карта.;
12. Коростовец И. Я. Страница из истории Русской дипломатии: Рус.-яп. переговоры в Портсмуте в 1905 г. 2-е изд. Пекин: Типолитогр. Рос. духов. миссии, 1923. XXIII, — 138 с.;

карта, прил.;

13. Лапикен П. П. Четыре города: Очерки. Харбин: Тип. изд-ва "Заря", 1935. — 112 с.;
14. Мичурина А. А. Торжество Святой обители. Обновившийся Образ Бога Отца Саваофа. Чудотворная обновившаяся икона – Владычицы Божией Матери «Владимирская», 1925 г. – 1940 г. Шанхай: Изд. Богородице–Владим. жен. обители, тип. И.Г. Романова, 1940. — 50 с.
15. Мичурина А. А. Царский Путь Царской Игуменьи: Жизнеописание Всечестной Игуменьи Руфины. Шанхай: Изд. Богородице–Владим. жен. обители, тип. "Никита" – До-шин Пресс", 1948. — 165 с.: ил., портр.
16. Морозов Б. И. Монголия: Из записной книжки путешественника. Тяньцзинь: Знание, 1935. — 112 с.: ил., портр.;
17. Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. II. В эмиграции (1920–1940). Тяньцзинь: Изд-во «Наше Знание», 1940.;
18. Серебренников И.И. Сибиреведение. Конспект лекций по сибиреведению, читанных на кооперативных курсах в г. Харбине, в мае–июне 1920 года. Харбин, 1920.;
19. Серебренникова А. Н. Восстание поляков за Байкалом в 1866 г. // Рус. обозрение. – Пекин, 1920. – Дек. — С. 152 – 182.;
20. Серебренникова А.Н. С чехами от Иркутска до Харбина. Дорожные записки. Тяньцзинь: Изд-во «Наше Знание», 1940.;
21. Шкуркин П. В. Библиография // Слово. Харбин, 1924. 20 апр.;
22. Шкуркин П. В. Игроки. Китайская быль. Харбин: Типо-литогр. Л. М. Абрамовича, 1926.;
23. Шкуркин П. В. Китайские сказки / Пер. с кит., из собр. L. WIEGER'а. Вып. 1. Харбин: Изд. ОРО, тип. Кит. Вост. жел. дор., 1915.;
24. Шкуркин П. В. Корейские сказки / Рис. и обл. худ. И. Герасимова. Шанхай: Типогр. изд. «Слово», 1941.;

25. Шкуркин П. В. Легенды в Китайской истории. Предисловие;
26. Шкуркин П. В. По Востоку: Очерки истории, быта и торговли Карацу, Вэй-хай-вэй'я. Чжи-фу, Шанхая, Хан-чжоу, Су-чжоу, Ань-цин-фу. Реорганизация войск в Центральном Китае // Вестн. Азии. 1911. № 9;
27. Шкуркин П. В. Путешествие восьми бессмертных за море: Даосское сказание. Харбин: Тип. Кит. Вост. жел. дор., 1926;
28. Шкуркин П. В. Учебник востоковедения для средних учебных заведений (III-й ступени). Харбин: Изд. ОИМК, тип. «Заря», 1925. — 170 с.: прил.;
29. Шкуркин П. В. Хунхузы: Рассказы из кит. быта. Харбин: Типо-литограф. тов. «ОЗО», 1924;
30. Шкуркин П.В. Картины из древней истории Китая. Харбин, 1927;
31. Янковский Ю. М. Полвека охоты на тигров. Харбин: Заря, 1944. — 203 с.: ил., прил.;

Источники

1. HOOVER INSTITUTION ARCHIVES (США). SEREBRENNIKOV I. I. REEL 3 (DIARY # 9);
2. HOOVER INSTITUTION: SEREBRENNIKOV, BOX 10;
3. HOOVER INSTITUTION: SEREBRENNIKOV, BOX 3;
4. HOOVER INSTITUTION: SEREBRENNIKOV, BOX 4;
5. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 5307. 2 л.;
6. МРК, коллекция П.П. Лапикена;
7. Сан. Профессор Петр Петрович Лапикен: (Некролог) // Рус. жизнь. 1983. 20 сент.;
8. Собр. А. А. Хисамутдинова. Письмо В.Ю. Янковского от 27 авг. 1995 г.;

9. Собр. В. В. Шкуркина. Письмо директора училища от 4 апр. 1908 г.;
10. Собр. В. В. Шкуркина. Письмо Ивановича от 30 дек. 1903 г.;
11. Собр. В.В. Шкуркина (Сан-Франциско);

Рекомендуемая литература

1. SEREBRENNIKOV I. FUNERAL MONEY IN CHINA // THE CHINA JOURNAL. – SHANGHAI, 1933. – APR.;
2. SEREBRENNIKOV I. STRANGE FIGURES OF CHINESE HANDICRAFT // THE CHINA JOURNAL. – 1932. – SEPT.;
3. Байков Н. А. В горах и лесах Маньчжурии. – Петроград.: Изд. ред. журн. «Наша Охота», тип. Д.П. Вейсбурга, 1915;
4. Байков Н. А. В дебрях Маньчжурии: Очерки и рассказы из быта обитателей тайги / Фот. и рис. авт. Харбин: Офсет-пресс, Р.М. Барсук, 1934. — 225 с.: ил.;
5. Байков Н. А. Великий Ван: Повесть / Предисл. П. Краснова. Харбин: Изд-во М.В. Зайцева, 1936. — 238 с.: ил.;
6. Байков Н. А. Записки маньчжурского охотника: Рассказы / Рис. авт. Тяньцзинь: Наше знание, [1942]. — 250 с.: ил.;
7. Байков Н. А. Изюбр и изюбриеводство. Харбин: Изд-во ОИМК, 1925. — 14 с.: ил., карта;
8. Байков Н. А. Корень жизни женьшень. Харбин: Изд-во ОИМК, 1926. — 21 с.: ил.;
9. Байков Н. А. Маньчжурский тигр. Харбин: Изд-во ОИМК, 1924. — 18 с.: ил., табл.; Изюбр и оленеводство. Харбин, 1924;
10. Байков Н. А. Медведи Дальнего Востока. Харбин: Изд-во ОИМК, 1928. — 25 с.: ил., 3 табл.;
11. Байков Н. А. Наши друзья: Рассказы / Рис. и фот. авт. Харбин, 1941. — 212 с.: ил.; Тоже. 2-е изд. 1942. — 212 с.;

12. Байков Н. А. По белу свету: Рассказы. Харбин: Изд-во М.В. Зайцева, 1937. 176 с.;
13. Байков Н. А. Сказочная быль / Обл. авт. Харбин: Изд-во М.В. Зайцева, 1943. — 227 с.;
14. Байков Н. А. Сказочная быль. Тяньцзинь: Наше знание, 1940. 227 с.: ил. Рец.: Н.Р. Книжные новинки // Рубеж. 1940. № 39 (21 сент.). — С. 23–24;
15. Байков Н. А. Таежные пути: Рассказы / Рис. авт. Харбин: Наука, 1943. — 177 с.;
16. Байков Н. А. Тайга шумит: Сб. рассказов. Харбин: Изд-во М.В. Зайцева, 1937. — 191 с.
17. Байков Н. А. Тигрица: Таежная быль. Харбин: Изд-во М.В. Зайцева, 1940. — 202 с.;
18. Байков Н. А. Тоже. — 2-е изд. Брисбен: Изд. авт., напечат. Г. Бутовым (Мюнхен, Германия), 1959. — 163 с.;
19. Байков Н. А. У костра: Воспоминания и беседы. Тяньцзинь: Наше знание, 1939. — 243 с.
20. Байков Н. А. Черный капитан: Маньчжур. быль-роман из жизни замурцев по охране Кит. — Вост. ж. д., 1901 – 1910. Тяньцзинь: Наше знание, 1943. — 333 с.;
21. Байков Н. А. Шу-хай: Рассказы / Рис. и фотогр. авт. Харбин: Наука, 1942. — 189 с.: ил.;
22. Жиганов В. Д. Русские в Шанхае: Альбом. Шанхай: Изд. В. Жиганова, тип. изд-ва «Слово», 1936. Б.с.: ил., портр.
23. Коростовец И. Я. Девять месяцев в Монголии: Дневник рус. уполномоч. в Урге, авг. 1912 – май 1913 // Россияне в Азии. Торонто, 1994. № 1. С. 133 – 249; № 2. С. 85 – 214; № 3. С. 225–292;
24. Коростовец И. Я. Россия на Дальнем Востоке. Пекин: Вост. просвещение, типолитогр. Рос. духов. миссии, 1922. — 153, 4 с.: 2 карты;
25. Мичурина А. А. Отрада и утешение. Харбин; Шанхай: Типолитогр. «Заря», 1941. — 51 с.
26. Мичурина А. А. Светочъ Любви. Шанхай, 1941. — 33 с. Тоже: Сан-Франциско, 1960. 20 с.; 1970. — 40 с.

27. Серебренников И. И. Албазинцы. Харбин: Тип. «Свет», 1920. — 15 с.;
28. Серебренников И. И. В эмиграции (1920 – 1924). 1940. – 215 с. – Прил. (Серебренникова А.Н. С чехами от Иркутска до Харбина: Дорож. зап. С. 219–260);
29. Серебренников И. И. Великий отход: Рассеяние по Азии белых армий, 1919–1923. – Харбин: Изд-во М.В.Зайцева, 1936. — 263 с.: ил.;
30. Серебренников И. И. К истории Азии: Сб. ст., очерков и рассказов из истории Монголии, Маньчжурии и Сибири. Т. 1. – Тяньцзинь: Наше знание, 1941. — 444 с.: портр.;
31. Серебренников И. И. Князь Гантимур: Ист. очерк. Шанхай: Тип. «FAR EASTERN TIMES», 1934. — 20 с.;
32. Серебренников И. И. Материалы к вопросу о состоянии скотоводства у бурят Иркутской губернии и Забайкальской области. Харбин: Тип. КВЖД, 1920. — 83 с.;
33. Серебренников И. И. Материалы к вопросу о численности и составе скота в Сибири: (С.-х. перепись 1916 г.). Вып. 12, прил. 5. — Харбин: Тип. КВЖД, 1920. — 60 с.;
34. Серебренников И. И. Материалы к отчету о деятельности с 1915 по 1918 гг.; Вып. 12, прил. 4;
35. Серебренников И. И. Материалы к отчету о деятельности с 1915 по 1918 гг.; Очерк экономической географии Китая. – Харбин: Изд. ОРО, 1926.— 113 с. – Библиогр.: с. 110–112;
36. Серебренников И. И. О шаманизме в Китае // Парус. 1933. — № 11;
37. Серебренников И. И. Русские интересы // Парус. 1933. № 17–18;
38. Серебренников И. И. Свадьба городского бога // Парус. Шанхай, 1932. — № 8–9;
39. Серебренниковы А.Н., И.И. Цветы китайской поэзии. Тяньцзинь: Изд. авт., тип. «IDEAL PRESS», 1938. — 168 с. — Прил. (Кит. религиоз. гимны).

Электронное издание

Режим доступа: <https://evols.library.manoa.hawaii.edu/>

URL: <https://evols.library.manoa.hawaii.edu/>

Хисамутдинов Амир Александрович
AMIR KHISAMUTDINOV

Русские мысли на китайский лад
Russian thoughts on the Chinese way

Редактура, дизайн обложки
и компьютерная верстка *Д.К. Юрьева*

Иллюстрации *А.А. Хисамутдинов*

Подписано в печать 22.06.2019 г.

Формат 60x90/16

Усл. печ. л. 17.06

Гарнитуры MINION PRO,
BY JOSSQ DMF IN BEIJING

Издательство Дальневосточного университета,
690091, Владивосток, ул. Фонтанная, 47

Тел: 8 (914) 254-48-14

E-MAIL: TVPRESS@MAIL.RU

Настоящее издание посвящено русским эмигрантам, которые написали свои воспоминания о Китае в начале 20-ого века.

Представлены биографии авторов и предисловия из их сочинений. Публикация проиллюстрирована портретами, историческими фотографиями и обложками изданий. Источниками послужили коллекции библиотеки им. Гамильтона Гавайского университета (Гонолулу, США), а также собрания, каталоги и материалы из других архивов и библиотек

Автор-составитель признателен Дарье Юрьевой за подготовку к изданию этой книги.

